

В.А. ОБРУЧЕВ

ЗЕМЛЯ
САНИКОВА

ОНТИ ~ 1936

A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K
L
M
N
O
P
Q
R
S
T
U
V
W
X
Y
Z

A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K
L
M
N
O
P
Q
R
S
T
U
V
W
X
Y
Z

A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K
L
M
N
O
P
Q
R
S
T
U
V
W
X
Y
Z

A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K
L
M
N
O
P
Q
R
S
T
U
V
W
X
Y
Z

A
B
C
D
E
F
G
H
I
J
K
L
M
N
O
P
Q
R
S
T
U
V
W
X
Y
Z

В. А. ОБРУЧЕВ

ЗЕМЛЯ
САННИКОВА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

Переплет и иллюстрации
работы худ. М. Кукс и А. Яковсон

ОНТИ • ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
НАУЧНО-ПОЛУЛЯРНОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД 1936 МОСКВА

С островов Новой Сибири, расположенных в Ледовитом море к северу от устья рек Лены и Яны, вдали на севере видны горы какой-то земли; весной туда летят птицы, осенью возвращаются оттуда. Эта неизвестная до сих пор земля называется землей Санникова по имени первого видевшего ее издали промышленника.

В книге акад. Владимира Афанасьевича Обручева „Земля Санникова“ описана экспедиция, которая открывает на этом месте большой остров среди льдов, представляющий кратер потухшего вулкана; благодаря теплу, еще выделяемому почвой, на острове сохранились растения и животные, существовавшие на севере Сибири в начале современного геологического периода, а также человечек каменного века и кроме того племя онкилонов, бежавшее с материка 200—300 лет тому назад (после войны с чукчами). Жизнь и нравы тех и других, война между ними, землетрясение, возобновление деятельности вулкана, затопление острова и, разные приключения путешественников среди льдов и на острове — составляют содержание романа, который читается с неослабевающим интересом и побуждает к поискам этой неизвестной земли.

Книга рассчитана на молодежь.

1

А ВСЕ-ТАКИ ОНА СУЩЕСТВУЕТ

Первая половина торжественного заседания ученого общества, посвященного сообщениям членов экспедиции, снаряженной для поисков пропавшего без вести барона Толля и его спутников, подходила к концу. На кафедре под стеной, украшенной большими портретами сановных покровителей и председателей общества, находился морской офицер, совершивший смелое плаванье на вельботе через Ледовитое море с Новосибирских островов на остров Беннета, на который высадился барон Толль, оттуда не вернувшийся. Мужественное лицо докладчика, обветренное полярными непогодами, оставалось в полутиени зеленого абажура лампы, освещавшей рукопись его доклада на кафедре и его флотский мундир с золотыми пуговицами и орденами.

За длинным столом перед кафедрой, покрытым зеленым сукном, заседали члены Совета общества, все видные, учёные и известные путешественники, проживавшие в северной столице. В середине сидел председатель. Закрыв глаза, он, казалось, дремал под журчанье толosa докладчика. Небольшой зал был переполнен.

Докладчик уже описал ход спасательной экспедиции, трудный путь с тяжелым вельботом,¹ поставленным на нарты, через тороса полярных льдов от материка на Новосибирские острова, летовку на берегу Костельного острова в ожидании вскрытия

¹ Вельбот — легкое гребное судно с одинаковыми остроконечными носом и кормой; его парусное вооружение состоит из разрезного фока.

моря, борьбу со льдами при плавании вдоль берегов и отважный переезд через море к острову Беннета. Он охарактеризовал этот угрюмый остров, скованный льдами целый год, и описал находку избушки Толля, оставленных им вещей и документа с описанием острова, заканчивавшегося словами: «Отправляемся сегодня на юг; провизии имеем на пятнадцать — двадцать дней. Все здоровы».

— Итак, — провозгласил докладчик, повысив голос, — 26 октября 1902 года барон Толль, астроном Зееберг и промышленники якут Василий Горохов и тунгус Николай Дьяконов покинули остров Беннета и пустились по льду на юг к Новосибирским островам. Но на последние они не прибыли, наши поиски не обнаружили никаких следов. Куда же девались смелые путешественники? Нет никакого сомнения, что они погибли в пути. В конце октября в этих широтах дня уже нет, только два-три часа около полудня тянутся сумерки. Морозы доходят до 40 градусов; часты свирепые пурги. Но море еще не замерзло и богато полыньями. Путешественники, очевидно, попали во время пурги на полыньи, едва затянувшуюся льдом, и провалились. Или погибли, выбившись из сил, от холода и холода в борьбе с торосами, потому что собак у них не было и они сами тащили нарты, нагруженные байдарками и всем имуществом. Или, наконец, пытаясь переплыть на утлых байдарках в полярную кочь через незамерзшее море, они потонули во время бури. Так или иначе, но они нашли вечный покой на дне Ледовитого моря, а Земли Санникова, которую Толль искал так долго и тщетно, не существует, как я старался доказать вам.

Докладчик сошел с кафедры. Слушатели были охвачены жутким впечатлением от заключительных слов доклада

Вдруг из задних рядов раздался громкий возглас:

— А все-таки Земля Санникова существует!

В зале произошло волнение. Послышались вопросы:

— Кто это? Что это за чудак?

Председатель обвел публику строгим взглядом, встряхнул колокольчик и, когда зала затихла, внушительно сказал:

— Предлагаю общему собранию членов общества и гостям почтить вставанием память погибших отважных путешествен-

ников барона Толля, астронома Зееберга, промышленников Горохова и Дьяконова, положивших свою жизнь на поприще науки!

Все поднялись с мест

— Объявляю перерыв на четверть часа

Сидевшие вблизи дверей быстро устремились к выходу. Члены Совета обступили докладчика, а один из них, тучный академик Шенк, известный исследователь, организатор и советчик экспедиции барона Толля, стал протискиваться к задним рядам. Среди шума сдвигаемых стульев и говора толпы раздался его громкий голос:

— Я прошу лицо, которое так уверено в существовании Земли Санникова, поговорить со мной.

В ответ на это приглашение из среды толпившихся слушателей выделился молодой человек в черной блузке со смуглым лицом, изборожденным мелкими морщинами, которые летний зной, зимние стужи, резкие ветры накладывают на кожу. Пробравшись к Шенку, он заявил:

— Это я сказал и повторю еще раз, если нужно!

— Пройдемте в библиотеку! Здесь в толкотне невозможно беседовать! — произнес Шенк, окидывая смельчака проницательным взглядом из-под тусклых нависших бровей.

Подхватив молодого человека под руку, Шенк увлек его через боковую дверь в задние комнаты библиотеки, в канцелярию общества.

В канцелярии было тихо и пусто. Академик сел за стол секретаря, пригласив жестом своего собеседника воспользоваться вторым стулом. Закурив папироску, он сказал:

— Я вас слушаю. Что знаете вы о Земле Санникова?

— Позвольте сначала объяснить, кто я, — ответил молодой человек. — Я прожил пять лет как политический ссыльный в селе Казачьем в устье реки Яны. Живя в этом медвежьем, лучше сказать, беломедвежьем углу, я познакомился с местными так называемыми промышленниками, грубыми, невежественными людьми с точки зрения столичной культуры, но людьми с добрым сердцем и смелой душой. Каждый год весной, когда дни становятся длинными, но лед еще крепок, они совершают отважные поездки на Новосибирские острова за ма-

монтовыми клыками, которых там много... Среди этих промышленников есть иные, которые ясно видели Землю Санникова и твердо убеждены в ее существовании

— Это неубедительно! — заметил Шенк. — Вы слышали в докладе, что горы, которые видели Санников и Толль — не что иное как огромные ледяные тороса и что горы на этой воображаемой земле должны были бы достигать 2 250 метров высоты, чтобы их можно было видеть с острова Котельного. Таких высоких гор среди Ледовитого океана не может быть.

— Это предположение, но не факт!

Шенк и Горюнов беседуют о Земле Санникова

— Кроме того Толль до высадки на остров Беннета тщетно искал эту землю на своей яхте «Заря», которая проплыла вблизи того места, где предполагалась земля.

— Это может доказать только, что земля находится севернее, а не так близко к Котельному острову, как думали Санников и другие, видевшие ее, но неточно оценившие расстояние, — возразил молодой человек.

— Вы правы! — сказал Шенк. — Но дело в том, что кроме этих свидетельств, согласитесь — крайне шатких, мы не имеем ничего другого, вернее ничего определенного, если не считать сведений о пролете птиц куда-то на север.

— Почему вы считаете это недостаточно определенным

указанием? — удивился молодой человек. — Уже Врангель сообщил об этом, Майдель подтвердил, а население севера вполне точно указывает, что летнее обилие птиц на северном берегу Сибири прерывается в двух местах побережья: — во-первых от реки Хромы до реки Омолова, во-вторых в пятидесяти километрах западнее мыса Якан и до мыса Рыркайпий.¹ В этих местах лов всегда незначителен, но зато виден пролет птиц на север.

— С западного участка птицы летят на Новосибирские острова, а с восточного — на остров Врангеля, — возразил Шенк.

— Так думали прежде, но это неверно. Остров Врангеля очень высок и скалист и почти все лето остается под снегом, места для гнездования таких птиц, как гуси и утки, на нем слишком мало. Но для нас интересен западный участок

— Да, с него птицы летят на Новосибирские острова.

— На этих островах, как оказывается, летает очень немного птиц, а большая часть густыми стаями продолжает лететь на север. Это не раз подтверждали мне промышленники в Усть-янске, Русском Устье, Ожогине, посещавшие острова; то же знал и Саников. Летят: белый гусь, гага, разные утки, кулики, щеглы и пр. — все питающиеся растениями или мелкими животными, живущими насчет растений. Отсюда следует, что на севере есть еще суши, достаточно обширная и покрытая растительностью.

— Да, эта суши — остров Беннета, — заметил Шенк. — Из документа, оставленного Толлем, мы узнали, что на этом острове летают два вида гаг, один вид куликов, снегирь, пять видов чаек...

— Ни гуси, ни утки не упомянуты! — рассмеялся молодой человек. — А они составляют большую часть перелетных птиц. Это характерно! А обратили ли вы внимание на слова того же документа, что Толль видел орла, летевшего с юга на север, сокола, летевшего с севера на юг, и гусей, пролетевших стаей с севера, т. е. возвращавшихся в конце лета с этой неизвестной земли на материк.

¹ Рыркайпий — чукотское название мыса Северного, теперь переименованного в мыс Шмидта.

— Совершенно верно! — подтвердил академик

— И Толль прибавляет: вследствие туманов, земли, откуда пролетели эти птицы, так же не было видно, как и во время прошлой навигации Земли Санникова.

— Какая у вас хорошая память! — удивился Шенк

— Я внимательно слушал доклад, и документ Толля подкрепил мою уверенность в существовании Земли Санникова и именно севернее, чем предполагали. Это и заставило меня высказатьсь так категорически. Что же касается Беннета, то, как вы тоже слышали, этот остров слишком мал и слишком загроможден льдами, чтобы давать приют многочисленным птицам. Толль подтвердил это: снегири, кулики, чайки, два вида гаг — вот все его летние гости

— Но земля, расположенная еще севернее, например, под 80° широты, должна быть еще больше покрыта льдами, следовательно, также не может прокармливать много птиц.

— Куда же летят в таком случае эти глупые птицы? — рассмеялся молодой человек.

— Право, не знаю! Может быть через северный полюс в Гренландию, хотя это невероятно, — ответил Шенк, пожимая плечами.

— А нельзя ли предположить, что в силу каких-то особых благоприятных условий Земля Санникова, несмотря на свое северное положение среди льдов полярного океана, пользуется более теплым климатом, чем острова Беннета и Новосибирские, находящиеся южнее?

— Ну, это уж просто фантазия, прошу извинить! — возразил академик, немного рассердившись. — Для такого предположения, кроме пролета птиц, никаких оснований нет

— Может быть, там находится вулкан, согревающий почву? — не унимался молодой человек, — или горячие ключи?

— Дым вулкана был бы давно замечен вашими же промышленниками и мореплавателями. Не забудьте, что и Нансен на своем «Фраме» проплыл во время своего дрейфа во льдах близи того места, где предполагалась эта таинственная земля, но ничего не видел.

— А известно ли вам о странном исчезновении целого народа онкилонов, жившего на севере? Теснимые чукчами, они

ушли куда-то с материка со всеми своими стадами и больше о них никто не слышал, и где они — неизвестно.

— Да, помнится, о них собирали сведения Врангель, Норденшельд и Майель. Но я этнографией не занимаюсь...

Звонок, прозвучавший громко в библиотеке, прервал слова академика. Шенк встал.

— Нужно итти слушать следующий доклад. Но ваши соображения все-таки заинтересовали меня, нам нужно еще поговорить. Приходите ко мне на дом через неделю, вечерком. Вот мой адрес.

Шенк достал из бумажника визитную карточку и, передавая ее своему собеседнику, прибавил:

— Я спрашиваю в литературе об этих онкилонах. И позондирую в Академии почву насчет новой экспедиции для поисков Толля, хотя сильно сомневаюсь в успехе. Во всяком случае приходите.

2

ИСЧЕЗНУВШИЙ НАРОД

Шенк был старый холостяк, много путешествовавший в молодости; он производил исследования и в низовьях Енисея, разыскивая остатки мамонта на тундре, и в Забайкальской области, и на Амуре и даже на Сахалине, вскоре после присоединения этого далекого края к России, изучая его геологию и флору. Вернувшись в столицу, он погрузился в обработку собранных материалов.

Жил он одиноко и крайне скромно, употребляя значительную часть своего академического жалованья на помощь начинаявшим ученым и на субсидии экспедициям в интересовавшую его Сибирь и в полярные страны. Немало денег его ушло на путешествие Толля, которого он высоко ценил как исследователя, и на поиски его следов.

Вернувшись с торжественного заседания, Шенк принял за чтение сведений о загадочном племени онкилонов.

Несколько веков тому назад они населяли весь Чукотский полуостров, но затем были вытеснены чукчами к берегу Ледо-

витого океана. По телосложению, одежде, языку и образу жизни они сильно отличаются от чукчей; ближайшими их родственниками являются алеуты острова Кадьяк.

Норденшельд во время своего плавания на корабле «Вега» вдоль берегов северной Сибири в районе мысов Иркайпий,¹ Шелагского и Якан в изобилии находил брошенные жилища онкилонов, представлявшие землянки своеобразного типа, до половины углубленные в почву и с кровлей из китовых ребер, присыпанных землей. При раскопках были найдены различные орудия из камня и кости — топоры, ножи, наконечники копий и стрел, скребки и пр. нередко даже еще с костяными и деревянными рукоятками, сохранившимися в течение веков благодаря мерзлоте почвы вместе с ремнями, которыми наконечники и топоры были прикреплены. Онкилоны не знали употребления железа и других металлов и были в полном смысле слова людьми каменного века.

По рассказам чукчей, собранным Врангелем, причиной ухода онкилонов с берегов Ледовитого океана была кровавая расправа на почве родовой мести между их вождем Крэхоем и предводителем оленных чукчей. Спасаясь от преследования последнего, Крэхой с немногочисленными остатками племени сначала укрепились на скалах мыса Северного, затем перебрались на остров Шалауров и, наконец, на пятнадцати байдарах они уплыли на землю, торы которой видны вдали в Ледовитом океане с мыса Якан (т. е. на остров Врангеля).

«Сведения довольно скучные и противоречивые, — подумал Шенк, закрывая последнюю книгу. — Во всяком случае интересно, куда девался этот народец».

В течение следующих дней Шенк, согласно «обещанию нащупать почву в Академии», переговорил с некоторыми из академиков, наиболее заинтересованными в изучении полярных стран, но не встретил с их стороны сочувствия плану новой экспедиции для поисков Земли Санникова и следов барона Толля. Солидного ученого, которому могли бы быть поручены новые исследования полярных стран, не было в виду, а давать

¹ Иркайпий — на карте Норденшельда соответствует мысу Рыркайпий или Северному русских карт.

деньги какому-то фантазеру было бы неосторожно и выхлоптать таковые неудобно.

В конце концов Шенку пришлось подсчитать собственные финансы; он решил, что тысячей-другой может рискнуть на это предприятие, но это казалось ему недостаточным.

— Ну что же, — подумал он, — инструменты ему достанем даром в разных ведомствах, а дальше года эта экспедиция продолжаться не должна. За это время он или найдет эту землю и тогда дело можно повернуть совершенно иначе — и средства будут, или убедится, что такой земли нет — и мы успокоимся.

3

ДЕЛО НАЛАЖИВАЕТСЯ

В условленный день и час молодой человек явился. Шенк ждал его.

— Я перечитал все, что известно об онкилонах — сказал он, — и нахожу, что сведения противоречивы. Несомненно, что этот народ существовал и воевал с чукчами, оставил после себя жилища, каменное и костяное оружие. Но куда он исчез — неизвестно. Остается думать, что онкилоны или погибли на одном из островов, вследствие слишком суровых условий жизни и недостатка промысловых животных, или остались на материке и вымерли давно от какой-нибудь эпидемии.

— Если бы они погибли на стровах, там найдены были бы в изобилии их кости, — возразил собеседник. — Люди бесследно не исчезают. Если бы они вымерли на материке — об этом сохранились бы предания у их новых соседей — якутов, тунгусов, ламутов. Таких преданий совершенно нет.

— Так где же они наконец? — воскликнул Шенк. — Не на небо же они взяты живыми!

— Они, очевидно, на Земле Санникова, там же, куда летят перелетные птицы, которые вероятно служили им проводниками.

— Да, если бы люди могли летать, я бы этому охотно пове-

рил. Но онкилоны летать не умели и должны были пробраться на эту землю или по воде или по льду.

— По воде они не плыли, потому что взяли с собой свои стада, а это слишком тяжелый и беспокойный груз для байдар.

— А по льду они пройти не могли. По всем имеющимся сведениям Ледовитый океан замерзает не на всем протяжении; на некотором расстоянии от берега всегда остается более или менее широкая полоса открытой воды. Поэтому ни один чукча, — а они достаточно смелый народ, — не побывал на острове Врангеля и ни один промышленник — они тоже не трусы! — не достигал острова Беннета. И гибель барона Толля доказывает, что по льду пройти нельзя.

— Все это совершенно справедливо вообще, — спокойно возразил молодой человек горячившемуся академику. — Но вспомните, что климат не всегда одинаков, холодные периоды чередуются с теплыми в зависимости от солнечных пятен...

— Ну, конечно, я это знаю! — заметил Шенк

— Мы знаем, что онкилоны перебрались на Новосибирские острова, там тоже найдены их землянки и другие следы пребывания.

— Ну, хорошо!..

— Они нашли, что место это плохое для жизни, мало зверя, и птицы год от году будет меньше в результате охоты. Перспектива голода должна была гнать их дальше, а птицы, пролетавшие большими стаями на север, показывали им, что там должна быть земля, гораздо более богатая дичью. Предположим, что как раз в это время был холодный период, выпало несколько особенно суровых зим, и море замерзло. Ранней весной, когда дни уже длиннее, онкилоны благополучно перебрались на Землю Санникова.

— И вымерли там от холода и голода, потому что невозможно допустить, что под 80° широты была земля, удобная для жизни человека. Гуси, утки может быть находят себе пищу на оттаивающей тундре, а человек...

— Человек добывает этих птиц, моржей, тюленей, белых медведей, рыбу и живет в Гренландии и на островах к северу от Америки, на Шпицбергене и Новой Земле, живет и даже

любит эти полярные страны и скучает по ним, если попадет на юг.

— Я вижу, вы вполне убеждены в существовании Земли Санникова и на ней — онкилонов.

— В первом я убежден, второе считаю единственным возможным объяснением их исчезновения.

— К сожалению, Академия не разделяет этого мнения. Я наводил справки. Мои коллеги убеждены, что этой земли нет и что Толль погиб.

— Очень печально, если это так, потому что единственное место, куда мог спастись Толль, это Земля Санникова! Я неутверждаю, что он там, но это возможно, и только там остается искать его следы.

— Едва ли найдутся теперь охотники искать эту землю и его следы после всего, что сделано, даже если бы нашлись деньги.

— Я бы поехал охотно и нашел бы среди ссыльных Якутской области и среди промышленников северного берега надежных спутников.

— Как бы вы организовали экспедицию, если бы нашлись деньги?

— У меня в виду два ссыльных, живущих тоже в Казачьем. Мы с ними часто обсуждали проект такой экспедиции, конечно платонически, потому что денег у нас нет, кроме скучного пособия, которое царское правительство очень неаккуратно выдает своим пленникам. Мы живем совсем как туземцы: — охотой, рыбной ловлей. Оба товарища — люди молодые и не опустившиеся в ссылке; работа поддерживает нас и мы закалились. Кроме того я бы взял двух промышленников, не раз бывавших на Новосибирских островах, имеющих собак и снаряжение, опытных в путешествии по льду.

— Правильно, без них вам не обойтись. А дальше?

— Ранней весной мы бы оба перебрались по льду на остров Котельный, устроили бы себе там базу и склад и попытались бы немедленно, пока лед крепок, ити дальше на север.

— А если море окажется незамерзшим, в чем едва ли можно сомневаться?

— На этот случай у нас будут две легкие байдары, поста-

вленные на нарты. На них попробуем переплыть открытое пространство — оно не может быть широко, близ земли всегда есть лед. Дальше пойдем опять на нартах до этой земли, исследуем ее, а в конце лета обратно тем же путем

— Но тогда открытое море будет очень широко и на ваших байдарах с тяжелым грузом вы погибните без всякого сомнения... В конце лета уже части пурги.

— Если нельзя будет переплыть, останемся на зимовку на Земле Санникова и пойдем обратно ранней весной.

— А вы знаете, сколько корма нужно собакам на целый год? Этот груз задавит вас...

— Ну, конечно. Но я не рассчитываю везти его с собой, а надеюсь на обилие дичи на земле. За лето мы подготовим запасы для зимовки и перехода обратно к базе.

— Но предположим, что вы никакой земли не найдете?

— В таком случае мы немедленно вернемся на Котельный, проведем на нем лето и осенью, как только море станет, переберемся на материк. И на этот случай, по моему убеждению мало вероятный, нам нужен склад на Котельном, имея в виду возможность плохой летней охоты.

— Не подсчитали ли вы, во сколько может обойтись такая экспедиция?

— Я думаю — не так много. Мы трое не рассчитываем на заработок, лишь бы прокормиться. Двум промышленникам, конечно, придется платить, но они люди скромные. Главный расход — собаки, их корм, нарты, байдары, ружья и припас к ним, одежда. Я уже приценивался здесь и в Казачьем и думаю, что тысячи две, две с половиной, нам хватит

— Да, сумма небольшая!

— Нарты на севере неважные, дерево не очень прочное, а нам нужно иметь нарты наилучшего качества, чтобы не тратить время на частый ремонт. Я думаю лучше заказать их здесь и увезти с собой. Точно так же ружья и припас к ним, здесь это лучше и гораздо дешевле. Все прочее — на месте.

— Ваш план мне нравится, — сказал Шенк, — и я думаю, что две с половиной тысячи рублей я вам найду. Но условие: с Земли Санникова привезти коллекцию горных пород и гербарий, если возможно также мелких животных и записи

о флоре, фауне и климате. Ну, конечно, и об онкилонах, если таковые найдутся. Сможете ли вы с товарищами сделать это?

— Надеюсь, что справимся. Мы все, конечно, не заправские ченые, но подготовку имеем: один из нас немного геолог, другой ботаник, а я интересуюсь больше животными и человеком.

— Прекрасно! Инструменты для научных наблюдений — барометр, термометры, компасы и пр. — я добуду вам из Академии. Вы понимаете, что очень важно будет определить широту и долготу нескольких пунктов этой земли, — если вы ее найдете, — улыбнулся Шенк, — и сделать хотя бы грубую съемку ее очертаний и пути к ней.

— Разумеется. Съемку я могу взять на себя. Но определения широт и долгот? Этому мы не обучены.

— Ну, это не так трудно. С этим вас познакомят в Главной физической обсерватории, я дам вам записку к директору. На подготовку понадобится две-три недели. Есть у вас время? Когда вы думаете выехать отсюда?

— Сейчас у нас конец ноября. Необходимо выехать через месяц, чтобы быть в Казачьем в конце февраля, а в половине марта двинуться на острова.

— Обыкновенно туда ездят в апреле.

— Совершенно верно, но нам нужно попасть раньше, чтобы в начале апреля уже ити через море к Земле Санникова, пока лед еще прочен.

— А в один месяц вы успеете заготовить и закупить все, что нужно?

— Да, я уже справлялся в мастерских. Нарты берутся изготавливать в две недели, закупить прочее я успею в это же время и вместе с тем могу посетить обсерваторию.

— Итак, дело устраивается здесь, но в Казачьем у вас будет еще много хлопот.

— Если дело решено, я сейчас же телеграфирую в Олекминск, почтой в Казачье, чтобы товарищи начали готовиться — закупали собак, одежду, собачий корм.

— Но ведь денег у них на это нет?

— Им поверят в долг до моего приезда, нас в Казачьем знают.

— А сколько нужно вам сейчас на задатки при заказах и покупки?

— Рублей пятьсот пока хватит.

— Я дам вам эту сумму из своих денег, а через две-три недели добуду и остальные, и инструменты.

Шенк написал чек на банк и рекомендацию директору обсерватории и, передавая их молодому человеку, сказал:

— Зайдите ко мне через две недели в это же время рассказать, как подвигается подготовка.

— Позвольте выразить вам мое восхищение таким быстрым решением вопроса! — воскликнул молодой человек, глубоко взволнованный. — Идя к вам, я сильно сомневался в осуществимости моей мечты. А тут вышло все так просто. Вы даете большую сумму совершенно неизвестному вам человеку, веря ему на слово

— Я еще не разуверился в людях, несмотря на свои седые волосы, — добродушно ответил Шенк. — Я уже помогал не раз в научных предприятиях и мое доверие очень редко было обмануто. Кроме того, я умею оценивать людей почти с первого взгляда. Но вы действительно напомнили мне, что я еще не знаю ни вашего имени, ни ваших товарищेय, а для открытого листа, который вам необходим для администрации края и который я вам достану, это нужно знать. Итак, вас зовут?.. Я записываю

— Матвей Иванович Горюнов, бывший студент Петербургского университета, административно высланный в Якутскую область. Товарищи мои — Семен Петрович Ордин и Павел Николаевич Костяков, тоже бывшие студенты, первый — университета, второй — технолог. Мы все были высланы на пять лет за студенческие беспорядки в 1899 г.

— Чем же вы провинились, что вас выслали так далеко, точно опасных преступников?

— Мы были председателями сходок и потому причислены к коноводам. Нас хотели сдать в солдаты, — помните, было такое распоряжение, — но мы отказались подчиниться. За это нас и отправили к белым медведям.

— А скоро ли кончается срок ссылки?

— Мой кончился, почему мне и разрешили выехать на ро-

лину в Вологодскую губернию под надзор полиции; в столицу я приехал, конечно, без разрешения. Товарищи освободятся через год.

— Я вижу, что для вас придется еще выхлопотать разрешение губернатора на выезд в Якутскую область.

— Ну, в этом, конечно, не откажут!

4

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Через месяц Горюнов, снабженный деньгами и документами, выехал на восток, увозя инструменты и прочее снаряжение, в том числе три великолепные нарты и одну большую байдару, разбившуюся на две части, которые в полчаса не-трудно было соединить друг с другом совершенно герметически. В ней могли поместиться четыре человека, три нарты с грузом и десять собак, что позволяло членам экспедиции совершить переход через море в два приема.

От Иркутска начался уже санный путь на лошадях через Качуг вниз по Лене, длинный и скучный путь по занесенному снегом бесконечному коридору замерзшей реки между ее высокими, часто скалистыми берегами, вплоть до Якутска, жалкой столицы сурогого края административной ссылки. Дальше путь шел через низовья реки Алдана и по диким ущельям утромого Верхоянского хребта, затем по холмам и равнинам обширного бассейна реки Яны до ее устья, где приотилось на краю света занесенное снегом до крыши село Казачье. Уже от Якутска дня почти не было, а за хребтом началась полярная зимняя ночь; только звезды, луна и сполохи — северные сияния — освещали путь, если не было пурги.

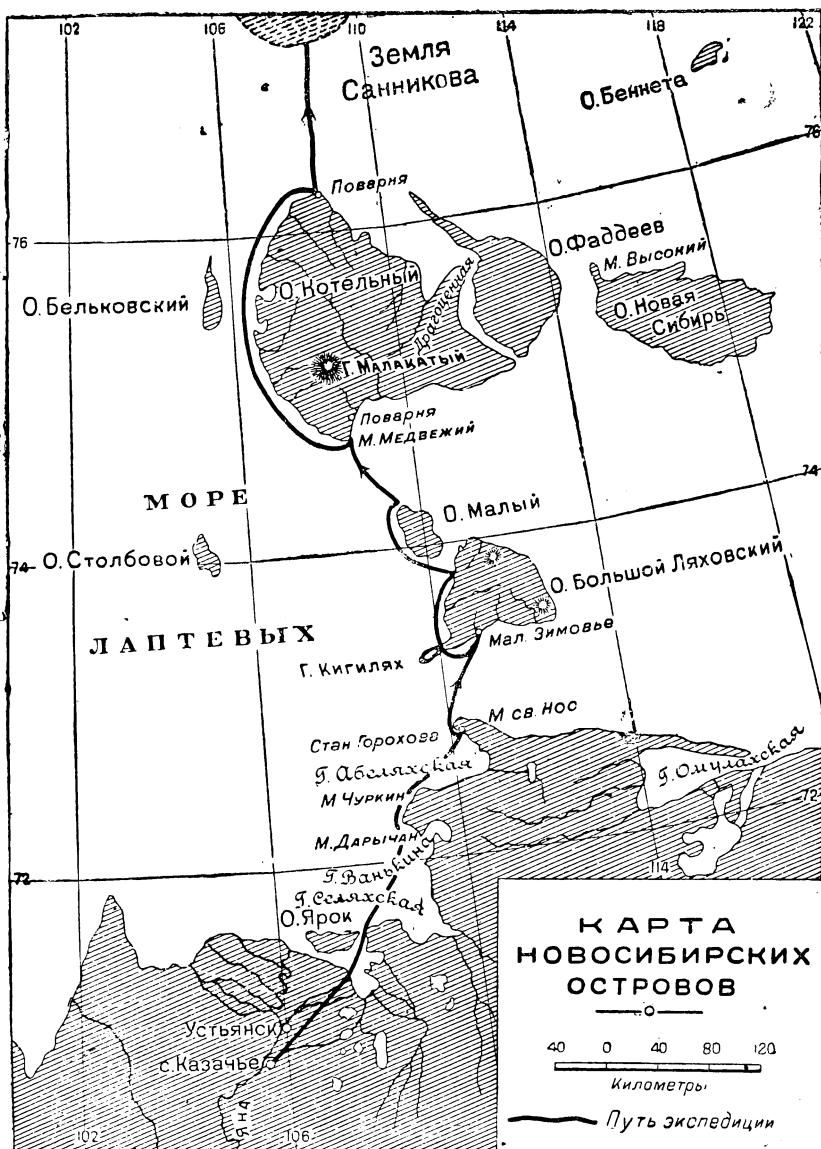
Только в конце февраля, с первыми лучами возвращающегося дня, Горюнов с грузом прибыл в Казачье, где его товарищи уже подготовили все для экспедиции — тридцать собак, запас вяленой рыбы (юколы) для них, припасы для людей, полярную одежду, лыски. Два опытных промысленника — якут Никита Горохов, брат пропавшего без вести спутника барона Толля, и казак Капитон Абрамович Никифоров

согласились участвовать в экспедиции. Оба не раз побывали на Новосибирских островах, в последний раз с экспедицией, искавшей следы Толля и объездившей все берега. В существовании Земли Санникова оба были убеждены и утверждали, что видели ее в ясные дни с высот Котельного острова. Эта таинственная земля манила их не меньше, чем наших трех товарищ, и они были рады, что на их долю выпало счастье первыми посетить ее.

Село Казачье стоит на плоском холме правого берега реки Яны выше начала ее дельты под 71° северной широты и у северной границы леса; несколько изб казаков и купеческих домов, несколько юрт якутов и небольшая церковь разбросаны в беспорядке по холму и почти до крыши занесены снегом. Только дымки, вьющиеся из труб избушек, да споны искр, вылетающих из юрт, где топятся чува́лы (камини), и облепленная снегом колокольня выдают зимой жилье человека, немаловажное для всего севера Приянского края, несмотря на свои малые размеры. К северу, востоку и западу расстилается бесконечная ровная тундра, зимой — белая равнина, покрытая застругами, т. е. плоскими твердыми сугробами, созданными и уплотненными свирепыми пургами, разгуливающими на просторе. На юге чернеет полоса чахлого редкого леса, а на горизонте в ясные дни видны округленные высоты хребта Кулар, которые как бы отрезают Янское устье от остального мира.

За две недели были закончены все приготовления и в половине марта, когда день уже продолжался часов десять, экспедиция тронулась в путь. Наших путешественников с их тремя нартами до Новосибирских островов сопровождали еще пять нарт с их каюрами (вожаками), которые везли запас корма для собак, провизию и всякое снаряжение для людей, назначенные для склада на островах и для прокормления всех по дороге туда.

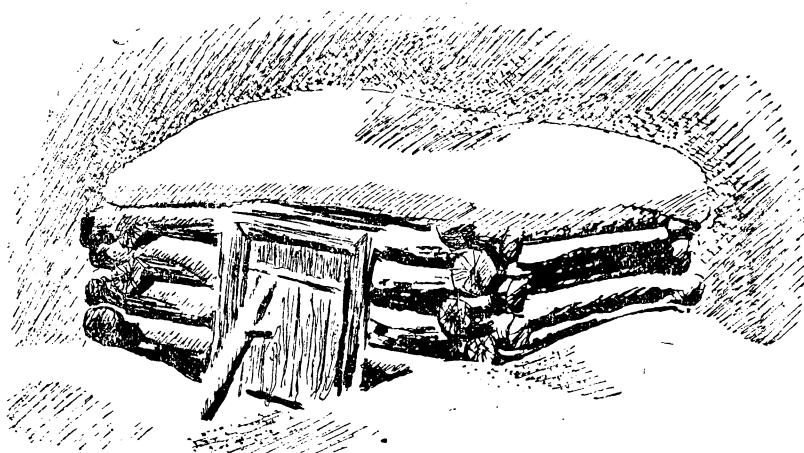
Путь шел на северо-восток по одному из рукавов Янской дельты, мимо брошенного поселения Устьянск, оставленного людьми из-за частых наводнений. Теперь это селение исчезло бесследно. В два дня, благодаря ровной дороге, дошли до устья. Низменная равнина незаметно переходила в поверхность мо-

ря, такую же белую и ровную. Но вблизи и вдали над ней плоскими буграми поднимались острова, а справа мысы выдвигавшегося далеко на север берега материка. В этом направлении держали путь, пересекая бухты и стараясь хоть через

день ночевать у берега, чтобы иметь топливо из плавника — деревьев, принесенных Яной с юга и выброшенных морем.

Так миновали остров Ярок, мыс Манико с одинокой юртой, широкий Селяхский залив, мыс Туруктак, Ванькину губу, мыс Дарычан. Отсюда до мыса Чуркина шли вдоль берега, затем пересекли Абеляхский залив и остановились в Гороховом стане на южной стороне длинного мыса Св. Нос, которым кончается материк.

Поварня

На весь этот путь, около двухсот километров от устья, ушло четыре дня, потому что ехали не торопясь, чтобы не утомить сразу собак. Тороса (т. е. глыбы льда, поставленные стоймя или нагроможденные грудами при нажиме ледяных полей друг на друга, представляющие главную трудность при езде по морю) в этом мелком огромном заливе, вдающемся между дельтой реки Лены и выступом Св. Носа, были невелики и недлинны, так что их можно было объезжать. Погода стояла пасмурная, но тихая.

Горохов стан представлял две поварни, т. е. избушки, выстроенные из плавника, конечно, без окон и без печей, но с чувалом — большим неуклюжим камином, который греет только пока топится. В них по временам жили промышлен-

ники, добывавшие тюленей или моржей весной или осенью или охотившиеся на диких оленей и белых медведей.

В день приезда на стан небо к вечеру прояснилось, и все трое путешественников поспешили подняться на плоские высоты Св. Носа, закрывавшие вид на открытое море и представлявшие в береговых обрывах черные скалы базальта, когда-то излившегося в этой местности отненным потоком из земных недр. Карабкаясь с глыбы на глыбу, добрались до плоской поверхности мыса. Впереди белоснежной равниной расстипалась застывшее море, на котором то тут, то там тянулись неровные валы торосов, сильно занесенные снегом.

За этой равниной на горизонте, прямо на севере, чуть виднелся большой Ляховский остров — плоский бугор с четырьмя вершинами; кое-где черные пятна на белом фоне выдавали скалы и обрывы. Это — ближайший из Новосибирских островов, знаменитый обилием мамонтовых бивней, за которыми и ездят промышленники. До него по прямой линии было километров шестьдесят-семьдесят. Путь наших исследователей лежал мимо него.

Солнце зашло. С ледяной равниной потянул холодный ветерок, и наблюдатели поспешили спуститься засветло к стану, где в поварне уже пыпал камин, клокотали подвешенный к огню чайник и котел с ужином. На дорожном ящике, заменившем стол, были расставлены тарелки; ящики поменьше служили сиденьем. Горохов и Никифоров, сидя возле камина с трубками в зубах, с нетерпением ждали возвращения товарищей, чтобы приступить к ужину. Они успели уже все прибрать, распрячь собак, разложить спальные мешки. Из соседней поварни слышался громкий говор и смех — там расположились каюры пяти нарт, сопровождавших экспедицию до островов.

На следующее утро с восходом солнца караван из восьми нарт, запряженных восемьюдесятью собаками, покинул материк и, обогнув скалы оконечности Св. Носа, потянулся через море на север. По ровным участкам, хотя и изборожденным застругами, собаки тянули быстро, так что люди на лыжах едва поспевали за ними. Но там, где путь преграждался грядой тороса, движение очень замедлялось, так как, выбрав более низкое место для прохода нарт, приходилось каждую из них про-

таскивать отдельно, причем люди помогали собакам, одни подталкивая нарту сзади, другие — направляя ее сбоку и поддерживая при помощи лыжных палок. Если среди глыб тороса не было удобного проезда, людям приходилось работать топорами, которые у всех были за поясом; под ударами топоров лед, охлажденный зимними морозами до $30-40^{\circ}$ ниже нуля, разлетался на осколки со звоном, словно стекло. Во время этой работы собаки всех нарт, пользуясь остановкой, словно по команде ложились отдыхать на снег, прекрасно зная, что стук топоров предвещает им четверть часа особенно трудной тяги.

Так подвигались вперед то быстрее, то медленнее, со средней скоростью около семи километров в час и к полудню прошли половину расстояния до острова. Не распрыгая собак, сделали привал для завтрака, состоявшего из холодного мяса, сухарей и горячего чая. Ради приготовления последнего огня, впрочем, не разводили. Горюнов привез из столицы термосы, чтобы при дневных остановках не терять времени на разведение огня и кипячение воды. Эти чудесные сосуды каждый раз при их употреблении возбуждали восхищение каюров, пивших чай горячий без огня с особым удовольствием, словно священный напиток. Они ни за что не хотели поверить, что дело обходится без колдовства, когда при морозе в 30° из холодного наощупь сосуда выливался чай, обжигавший губы. В день выезда из Казачьего, когда в первый раз сделали обеденный привал и каюры собирались разводить костер, Горюнов подштил над ними, заявив, что вскипит чай в снегу скорее, чем они на огне. Когда они повесили свой чайник на отонь, он достал термосы, зарыл их на половину в снег и через пять минут стал наливать горячий чай пораженным изумлением якутам. Горохов и Никифоров, которые были посвящены в секрет, покатывались от смеха при инсценировке этой шутки, слушая восклицания и наблюдая лица каюров.

После завтрака двинулись дальше тем же порядком. Остров уже вырос в большую массу, закрывавшую северный горизонт и полого поднимавшуюся над белой раниной; видны были отдельные темные скалы среди снегового покрова и темные пятна в береговом низком обрывае. При закате солнца, преодолев по-

Мыс Святой Нос со стороны моря. На переднем плане торосистый лед.

следний торос, покатили во всю прыть — собаки прекрасно знали, что на земле будет отдых и корм, и при виде поварни, черневшей у подножия обрыва, завыли в восемьдесят голосов и пустились бежать, словно бешеные.

Но у берега им пришлось умерить свой пыл, потому что осенние бури в начале морестава наворотили целый вал льдин, через который нарты перетаскивали опять по одной, прежде чем добрались до так называемого Малого Зимовья — избушки, построенной еще известным промышленником Санниковым, спутником и проводником Геденштрома, первого, описавшего острова в начале девятнадцатого века. Но столетняя избушка мало пострадала в этом холодном климате. Пропитанные морской солью стволы плавника только потемнели и кое-где покрылись лишаями, а внутри были свежи. Немало промышленников находили приют в этой поварне по пути на остров или обратно и все заботились об исправности ее двери, висевшей на кожаных петлях, и крыши, на которую нужно было время от времени подсыпать землю. Возле избушки была даже подготовлена куча плавника для топлива, что было очень кстати — пленко было разыскивать его вдоль берега, выкапывая из под снега.

Скоро запыпал костер на площадке возле зимовья, и красные отблески осветили высокую ледяную стену, которая далеко тянулась в обе стороны.

5

КЛАДБИЩЕ МАМОНТОВ

Большой Ляховский или Ближний остров замечателен по своему геологическому составу. Его четыре плоские, но скалистые вершины, вернее группы вершин, состоят из гранита, а вся остальная площадь — из мягких четвертичных отложений. Поэтому многочисленные ручьи и речки, стекающие с вершин и, врезающиеся глубоко в эти мягкие толщи, расчленили остров на множество холмов и холмиков, почти лишенных растительности. В течение короткого лета поверхность острова представляет глинистую моховую тундру с отдельными сугро-

бами снега в более глубоких оврагах и долинах на склонах, обращенных к северу.

Те же мягкие толщи слагают берега острова, омыываемые прибоем волн и потому представляющие длинные или короткие отвесные или даже нависающие обрывы, прерываемые долинами ручьев и речек. Эти толщи сверху донизу скованы вечной мерзлотой, оттаивающей летом на очень небольшую глубину; оттаявшие массы или сами сползают в море или обрушаются, подмытые волнами снизу, и таким образом море постепенно разрушает остров. И если бы не было вечной мерзлоты, сильно задерживающей этот процесс размыва, остров давно был бы уничтожен, за исключением его гранитного ядра.

В мягких толщах в изобилии попадаются бивни мамонтов, а местами даже целые трупы этих животных и их современников — длинношерстного носорога, первобытного быка, канадского оленя, лошади и многих других — трупы сохранившиеся в не-прикосновенности, с шерстью, рогами, внутренностями, благодаря вечной мерзлоте. Но вследствие оттаивания последней летом на некоторую глубину, ручьи и речки вымывают из нее трупы, отдельные кости, бивни и выносят их к устью, на берег моря. Точно также в береговых обрывах при их оттаивании и подмытии, то тут, то там обнаруживаются трупы или кости вымерших животных, в конце концов также попадающих в море, которое хоронит их вторично под своими наносами. Только трупы эти зачастую уничтожаются хищными птицами и животными, не брезгующими мясом, пролежавшим десятки тысяч лет в замороженном виде.

Такой своеобразный состав Большого Ляховского острова и привлекает ежегодно весной промышленников с материка; они приезжают собирать на лайдах, т. е. плоском побережье моря, в устьях и долинах ручьев и речек бивни мамонтов, освободившиеся за минувший год из мерзлой почвы и торчащие еще в оттаявшей земле или вынесенные на берег. Эти бивни, прекрасно сохранившиеся в мерзлоте, представляют такую же ценность, как и современная, так называемая, слоновая кость — бивни пыне живущих слонов. Их скупали у промышленников местные и приезжие купцы и увозили на ярмарку в Якутск, откуда они направлялись дальше в Сибирь и в Россию и упо-

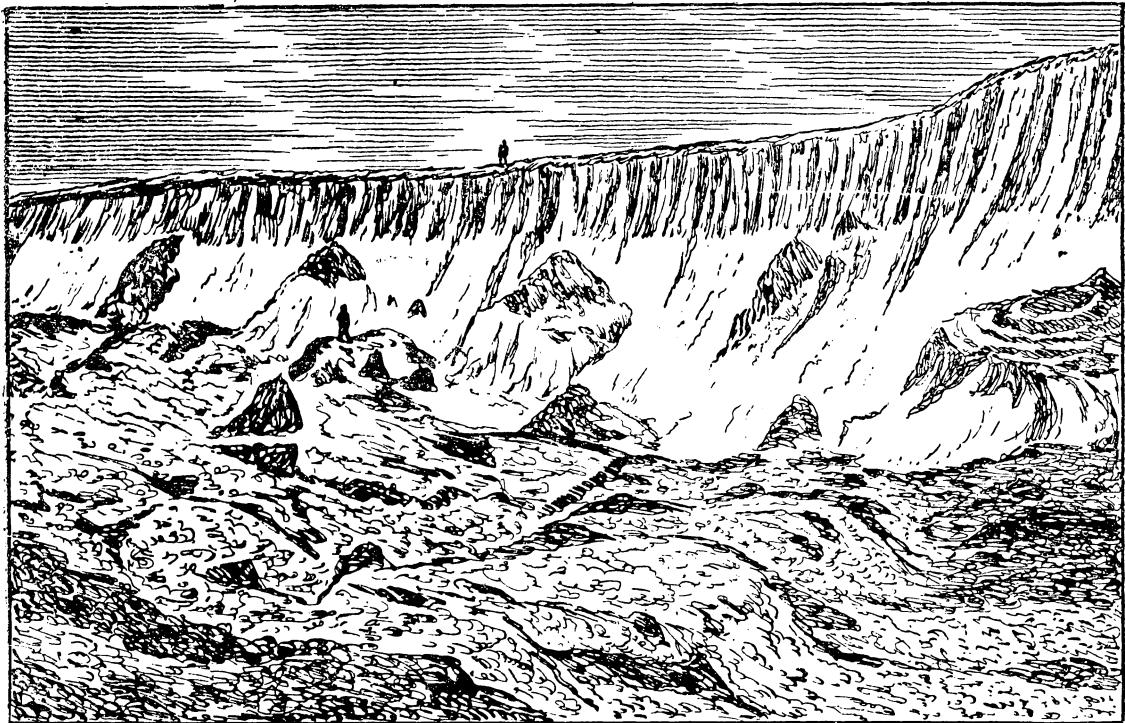
треблялись на разные изделия — гребни, запонки, разные шкатулки, биллиардные шары и т. п.

Другие кости ископаемых животных бесполезны для промышленников; они представляют интерес только для науки, которая по ним судит о животном мире прошлых времен. Только трупы, вытаивающие время от времени то тут, то там, обращали на себя внимание, но большей частью гибли бесследно, так как промышленники не знали их значения и не умели ни обмерить и описать их, ни сохранить от порчи.

Горюнов и его два товарища уже раз побывали на острове вместе с промышленниками для сбора бивней и заинтересовались странным изобилием их именно здесь. Но объяснить это явление они не могли и в Казачьем, конечно, не нашли литературы по этому вопросу.

Теперь Горюнов не упустил случая познакомиться с литературой в столице, а кое-что привез с собой. Поэтому путешественники решили сделать на острове дневку, чтобы осмотреть береговые обрывы внимательнее, и кстати дать отдых людям и собакам.

На другое утро все трое в сопровождении Горохова отправились вдоль морского берега. Разрушительная летняя работа солнца и моря еще не начиналась, хотя низкое солнце, лучи которого падали отвесно на обрывы, уже кое-что сделало. Эти обрывы достигали двадцати-двадцати пяти метров высоты; с верхнего края огромными фестонами то выше, то ниже свешивались надувы плотного смерзшегося снега, подобно тем, которые свешиваются нередко с крыш домов после сильных метелей. Но только здесь, где зимние пурги так часты и сильны, эти фестоны достигали четырех-шести метров длины и двадцати-сорока метров ширины при толщине в один-два метра. Под этими надувами начиналась отвесная стена обрыва, состоявшая в верхней части то из сплошного льда, то из песчано-глинистого наноса. Лед по обрыву представлял сплошные массы различной ширины, как бы огромные ледяные стены, уходившие в глубь острова. Промежутки между этими стенами были заняты наносом, состоявшим из тонких чередующихся слоев глины, мелкого песка и льда. У верхнего края обрыва, там, где какой-нибудь фестон оборвался, можно было видеть,

Обрыв берега Большого Ляховского острова — стека льда с отдельными конусами наносной почвы (песка, ила, торфа, с остатками флоры и фауны). На переднем плане байджарахи — вытаившие из-подо льда подобные же конусы

что и лед и наносы перекрыты слоем песка, глины или торфа, оканчивающимся у поверхности земли слоем черной почвы тундры, покрытой еще толщей снега.

Нижняя часть обрыва была большей частью закрыта откосом из твердого снега, накопившегося под защитой берега за зиму. По этому откосу, достигавшему восьми-десяти метров в вышину, можно было взобраться к самой стене обрыва и убедиться, что и ледяные массы и толща наносов между ними лежали на сплошном льде, составлявшем таким образом основание острова вышиной над уровнем моря в двенадцать-пятнадцать метров.

Осмотр берега показал путешественникам, что кости животных находились не в ледяных массах, а в толщах наноса между ними. Это подтвердил и Горохов, бывший на острове много раз и видевший иногда и трупы; последние также находились в наносе

Пройдя километров десять вдоль берега и убедившись, что его состав повсюду одинаков, путешественники вернулись к обеду в Малое Зимовье, захватив несколько найденных костей, в том числе череп носорога и бивень мамонта. В ледяных частях стены им удалось видеть также начало разрушительной работы солнца в виде ниш, выеденных во льду его лучами, украшенных свисавшими сверху ледяными сосульками, подобными сталактитам известковых пещер.

За обедом Горюнов рассказал товарищам, как объяснял Толль образование этого странного острова и причины его богатства трупами исчезнувших животных. По мнению этого ученого, льды острова, сохранившиеся со временем великого оледенения, представляют остатки большого ледника. Поверхность ледника, сокращавшегося по окончании этого периода, была изрыта проходом таяния, работой ручейков талой воды, стекавших с более высоких частей острова; в этих ложбинах и рывинах вода отлагала песок и ил. Остатки растений, найденные в этих наносах, показывают, что в то время здесь растительность была гораздо пышнее, чем сейчас, когда она состоит из лишаев, мхов и цветковых растений карликового роста; прежде же здесь росли целые рощи ольхи, достигавшей четырех-шести метров вышины, затем ивы и многочисленные злаки, несмотря на

соседство ледяных масс. Очевидно климат послеледникового времени был мягче современного, так как теперь подобные растения встречаются на материке только на несколько градусов широты южнее.

Остатки пищи, найденные в желудках и в зубах трупов мамонта, показывают, что последний питался этими растениями, а положение трупов в толщах наноса между ледяными массами доказывает, что он тут же и жил, и погибал.

Почему же Большой Ляховский остров стал излюбленным приютом различных млекопитающих послеледникового времени?

Это объясняется тем, что в ледниковый период острова составляли еще одно целое с материком, который простирался гораздо дальше к северу в виде большого полуострова. Более высокие части его были покрыты ледниками, на низменных — жили мамонт и его современники. В конце ледникового периода полуостров начал погружаться в море, затоплившее постепенно нижменные части. Животные, спасаясь от воды, поднимались вслед за сокращавшимися ледниками на высоты. Нужно думать, что, руководимые инстинктом, они направлялись преимущественно на юг, к матерiku; но если не всем, то части их, запоздалым, преградил путь пролив, уже образовавшийся между Большим Ляховским островом и Св. Носом. И вот на острове скопилось особенно много животных, которые и нашли себе на нем могилу, одни — увязая в болотистой почве заиленных впадин на поверхности острова ледника, другие — попадая в грязевые потоки, образовавшиеся при продолжавшемся таянии льда, трети погибли может быть от голода и холода позже при наступившем ухудшении климата, погубившем растительность. Иные вероятно провалились в трещины ледника и потом были занесены песком и илом. Уцелевшие трупы только тех из них, которые быстро увязли или которые были заилены, остальные же, несомненно большинство, были уничтожены разными хищниками, также жившими на острове. Вот почему отдельные кости попадаются гораздо чаще, чем целые трупы, составляющие исключение. Быстрое разрушение берегов острова показывает, что прежде он был гораздо больше.

— Нужно заметить, — прибавил Горюнов по окончании своего объяснения, — что не все ученые разделяют взгляды Голля на происхождение ископаемого льда Ляховского острова. Например Бунге, изучавший его одновременно с Толлем, полагает, что этот лед — не остатки прежнего ледника, а позднее образование, и что подобный лед создается и в настоящее время по всей северной Сибири замерзанием воды, попадающей весной в глубокие трещины в мерзлой почве, образовавшиеся осенью от морозов и зимой заполненные снегом. Следовательно этот ископаемый лед гораздо моложе того времени, когда жили мамонты.

— Как же тогда животные могли попасть в лед, если он гораздо моложе? — спросил Костяков

— В том-то и дело, что трупы их лежат не во льду, а в почве тундры между ледяными массами. Это заметил и подчеркивает Толль.

— Следовательно они разгуливали и гибли, увязнув в болотистой тундре? Разве эта тундра во время их жизни была так болотиста? Мы слышали, что на ней росли порядочные деревья и хорошая трава, — заметил Ордин.

— По мнению Бунге, выходит как будто так, — ответил Горюнов. — Но я больше склоняюсь к гипотезе Толля и вот почему. Мы сегодня видели в обрывах, что не лед образует отдельные стены среди почвы тундры, а наоборот — эта почва заполняет впадины и расщелины среди льдов.

— А имеются ли доказательства оледенения севера Сибири помимо Ляховского острова? — спросил Ордин.

— В том-то и дело, что имеются. Толль нашел старые морены, т. е. глину и песок с валунами, оставленные ледниками при их отступлении, и на Таймырском полуострове, и на р. Анабаре, и на Котельном, и на острове Новая Сибирь. Миддендорф видел так называемые эратические валуны, т. е. валуны, принесенные льдом издалека и оставшиеся после его таяния, по всей Таймырской тундре¹.

— Я читал как-то, что есть и другие способы образования

¹ По новым данным весь север Сибири до 60—62° северной широты подвергался очень сильному оледенению.

ископаемого льда, — заметил Ордин. — Небольшие озерки на тундре нередко вымерзают до дна и, если лед весной будет занесен слоем ила, который предохранит его от таяния, он превращается в ископаемый. Большие сугробы где-нибудь на склоне холма, под обрывом речного берега или в овраге тоже могут быть случайно занесены песком и илом и постепенно превратятся в лед, который будет существовать до тех пор, пока случайно его защита не будет уничтожена.

— Совершенно верно! — сказал Горюнов, — и я могу прибавить еще один способ. Это — наледи на берегах сибирских рек, иногда достигающие большой толщины, длины и ширины. Они весной также могут быть занесены илом и песком.

— В таких ископаемых наледях кое-где также были найдены трупы современников мамонта. Но нужно сознаться, что вопрос об ископаемом льде имеет еще много темных сторон, которые ждут новых исследований. До сих пор никто им специально и всесторонне не занимался.

— Мне кажется, что и вопрос оо условиях жизни и гибели мамонта и его современников тоже разъяснен недостаточно и заслуживает дальнейшего изучения, — заметил Ордин. — Ну, например, — зачем они ходили по леднику или забирались на речные наледи?

— Это-то вполне понятно: они спасались от комаров, оводов и других жалящих насекомых, очевидно уже многочисленных в то время. И теперь северные олени летом поступают так же, спасаясь на уцелевшие снежные сугробы, наледи, ледяные поля на берегу моря; наевшись на моховых кормовицах, они стоят часами в этих холодных местах, дремлют или жуют свою жвачку. Но помимо этого в мамонтовом вопросе конечно достаточно неразъясненного. Вымирание этих животных объясняют ухудшением климата. Но последнее произошло не сразу, а тянулось целые века; следовательно вымиранию должно было предшествовать вырождение, измельчение. Эта сторона совсем не освещена, нужно собрать огромные коллекции костей, чтобы проследить этот процесс.

— Не заняться ли нам этими вопросами? — сказал Констяков.

— Вернемся через год в Россию, кончим университет и...

6

МЕЖДУ ОСТРОВАМИ НОВОЙ СИБИРИ

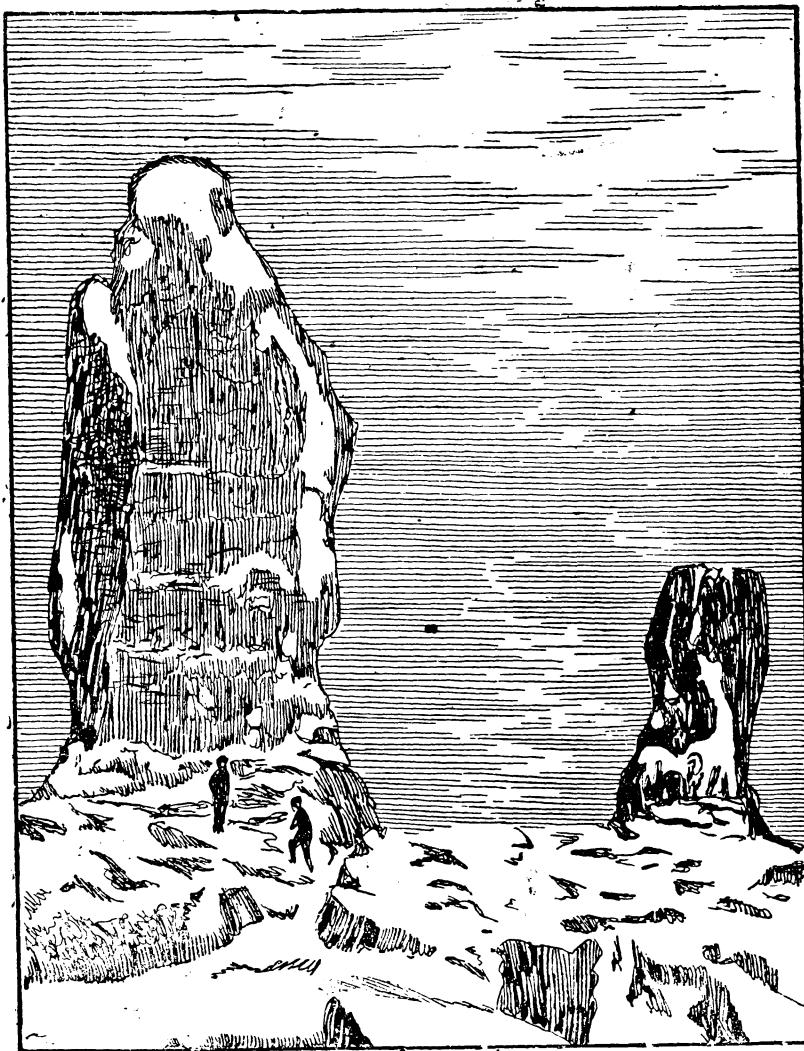
На следующее утро чуть свет караван опять двинулся в путь. Километров пять шли на запад вдоль южного берега острова и имели возможность наблюдать такие же ледяные обрывы, как на кануне. Затем начался перевал через длинный западный полуостров, вытянувшийся в море и оканчивающийся скалистой горой Кигилях — одной из четырех вершин острова. Ее странное положение среди моря всего лучше объясняется уничтожением части острова, которая окружала ее прежде, за исключением узкого и длинного перешейка. Через начало этого перешейка и нужно было перевалить, чтобы сократить себе дорогу километров на тридцать.

Горная группа Кигилях получила свое название от обилия скал в виде высоких столбов с фантастическими формами, созданными выветриванием гранита. Воображение промышленников видит в этих столбах фигуры окаменевших людей (киги — человек, кигилях — человеческий); промышленники окружают гору суеверным уважением.

Они например были крайне недовольны, когда Бунге отбивал молотком образчики горной породы от утесов, и говорили ему, что это кощунство не пройдет ему даром. Они говорили также, что на вершину взобраться нельзя, так как дерзкий путник будет немедленно окутан густым туманом и погибнет, свалившись в какую-нибудь трещину. Туманы действительно образуются здесь внезапно и очень быстро, так что предсказание суеверных людей легко может оправдаться. Спутники Бунге, которому так и не удалось взобраться, принесли горе в жертву медные и серебряные монеты.

Перевал через перешеек заставил путешественников изрядно попотеть; сначала пришлось втаскивать нарты по крутым оврагу, врезанному в обрыв берега, а затем, после нескольких километров пути по холмистой поверхности, также круто спускаться на другую сторону.

После подъема каюры, обратившись лицом к Кигиляху, кланялись ему, вымаливая себе счастливый путь и удачный промысел.

Кагилях — гранитные столбы на вершине г. Кагилях Большого Лаховского острова

Так как гора, возвышавшаяся со своими мрачными столбами, полу занесенными снегом, подобно огромной развалине, находится километрах в двенадцати от перевала, то каюры не могли покертовать ей монеты и ограничились щепоткой табаку, который сдунули с пальцев в ее сторону. Даже Горохов, более развитой и сознательный, чем его темные сородичи, хотя и не принял участия в обряде, но взглянул с укоризной на Никифорова, когда последний сказал с усмешкой:

— Ишь, сколько табаку зря истратили, суеверы!

После спуска направились на северо-восток по льду вдоль северо-западного берега острова, который в плане представляет неправильный треугольник со сторонами длиной около ста километров, вершиной направленный к северу. Путь был нетрудный, так как тороса шли большею частью параллельно берегу и можно было ехать по ровному льду между ними, изредка только пересекая поперечные гряды. Каюры поторопливали собак, часто поглядывая на небо. Погода, со времени выезда из Казачьего тихая и солнечная, начинала портиться; солнце светило в этот день сквозь какую-то дымку легких облачков и с северо-запада по временам налетал порывами ветер. Нужно было торопиться, чтобы пурга не захватила в неудобном для ночлега месте. Топлива с собой не взяли, рассчитывая на плавник где-нибудь на берегу. Последний километров на двадцать от перешейка представлял те же ледяные обрывы. В одном месте Горохов указал путешественникам мало заметную промоину в обрыве, по которой когда-то стекла вся вода довольно большого озера Частного, прорвавшаяся в море. Это озеро было любимым местом пребывания диких гусей, летовавших на острове, в период их линяния, а потому усердно посещалось в это время промышленниками, которые добывали ленных¹ гусей сотнями, убивая их дубинками. После исчезновения озера гуси нашли себе другие места, а промышленники лишились охоты, дававшей им и собакам провизию во время промысла.

За речкой Большое Зимовье берег острова сделался плоским, поднимаясь постепенно вглубь, где вдали виднелась центральная

¹ Гуси во время линяния теряют маховые перья и не могут летать; их называют леными.

гора Хаптагай. От устья этой речки следовало бы постепенно отдаляться от берега, направляясь прямо к южному концу следующего к северу острова Малого Ляховского, уже чуть видневшегося вдали. Но каюры, взглянув на западный горизонт, предпочли ехать и дальше вдоль самого берега и еще пуще подгоняли собак.

— Им хочется до непогоды добраться до Ванькина мыса, — пояснил Горохов, обменявшийся несколькими словами с каюрами. — За мысом лучше укрыться от пурги, да и плавника там много.

После полудня, когда миновали устье речки Блудной, западный ветер налетал уже чаще, поднимая с торосов мелкую снежную пыль, которая неслась по воздуху прозрачными облаками и струилась змейками по поверхности снега. Низкое солнце уже было чуть видно сквозь пелену этой пыли, несшейся в воздухе.

Становилось холоднее. На ровных местах собаки бежали почти вскачь и люди на лыжах едва поспевали за ними, отдыхая от бега только на торосах, где зато приходилось работать руками, помогая перетаскивать нарты.

Но вот впереди, в те промежутки, когда ветер затихал и даль немного прояснялась, стал показываться темный профиль Ванькина мыса. Миновали устье речки Тирской и стали отибать мыс, далеко выдавшийся в море. И было время: небо на западе стало уже зловеще-свинцовым и при отдельных порывах ветра с трудом можно было держаться на ногах; снег слепил глаза, колол лицо уколами тонких иголок; собаки бежали опустив головы и повернув их вправо.

С трудом обогнули мыс и сразу вдохнули свободнее; здесь под его защитой ветер чувствовался слабо. На высоте нескольких метров над головой небо было молочно-белое от несшихся тучами снежинок, а вниз падали немногие, вырванные случайно из этого потока.

Хотя было еще рано, но о дальнейшем пути нечего было и думать: — за мысом сразу начиналась белая стена пурги, в глубь которой пришлось бы ринуться. Глубокая бухта, которая тянулась к востоку от мыса, также исчезла в белой мгле, так как мыс давал защиту только ближайшей к нему полосе. Никакого жилья здесь не было и приходилось расставлять палатки у са-

мого подножия обрыва, выбрав местечко поровнее среди байджарахов, т. е. куч сползшей с обрыва за лето земли. Каюры впрочем выбрали иное: вооружившись топорами, они стали вырубать себе нишу в высоком снеговом надуве, примыкавшем к обрыву. Горохов посоветовал путешественникам последовать их примеру, потому что ветер мог повернуть к северу и мыс перестал бы быть защитой, а гrot в снегу служил бы лучшим убежищем. Пурга могла ведь продолжаться сутки и двое суток.

Вырубить гроты в плотном снегу, который выламывался крупными глыбами, не потребовало много времени; глыбы складывались в стенку у входа, защищая последний на случай изменения направления ветра. Затем среди береговых торосов и сугробов стали откапывать плавник для топлива и только после этого разгрузили нарты и устроились, хоть тесно, но уютно в обоих жилищах. Собаки давно уже лежали, свернувшись калачиками, среди байджарахов, за торосами и нартами и отдыхали в ожидании своего ужина. Костры развели не внутри снеговых гротов, а снаружи под защитой стенки из глыб, так как под влиянием лучистой теплоты огня гроты стали бы обтаивать и обдавать людей каплями воды

Пурга бушевала всю ночь и затихла только к полудню следующего дня

Как только ветер стал ослабевать и небо немного прояснилось, начали готовиться к отъезду. От Ванькина мыса взяли направление на северо-запад, на оконечность Малого Ляховского острова, которая отстояла километрах в десяти. Этот остров, гораздо меньше Большого, вытянут с севера на юг километров на сорок-пятьдесят и не представляет выдающихся вершин; это — очень плоская и низкая, слегка всхолмленная возвышенность. Его обогнули с запада, придерживаясь берега, и остановились на ночлег, не доезжая северной оконечности. Укрытием от непогоды здесь могли служить только ледяные глыбы торосов, но к счастью было тихо

На следующий день предстояла самая трудная часть пути — через широкий промежуток между Малым и Котельным островами, достигающий почти семидесяти километров. Трудность состояла в том, что здесь существует морское течение с востока на

запад и осенью море долго не замерзает, а затем, замерзнув, нередко во время бурь вскрывается. Поэтому происходит частая подвижка ледяных полей и в результате сильная торосистость льда.

Запасвшись топливом на очень вероятный случай ночевки в море, двинулись на северо-запад по направлению к мысу Медвежьему, самому южному на Котельном острове. Последний виднелся на горизонте, в виде большой плоско-выпуклой массы, напоминавшей опрокинутый чугунный котел, чем и объясняется его название; мало выдающаяся вершина горы Молакатын, высшей точки острова, поднимается над этим котлом.

Первые десятка два километров путь был довольно легкий, тороса нечасты и невелики; но затем в полосе течения и осенних поплыней начались тороса, один другого хуже. Иные кучи ледяных глыб и даже отдельные глыбы, поставленные торчком, достигали двадцати метров в высшину. Приходилось работать топорами, выравнивая дорогу, и втаскивать нарты при помощи веревок (кожаных, сплетенных из ремней), помогая собакам, выбивавшимся из сил. Иные тороса требовали по полчаса, а и то по часу времени.

Поэтому к закату солнца сделали только половину пути, правда худшую, и заночевали перед большим торосом, который не хватило сил преодолеть. Под защитой нескольких больших глыб расставили палатки и, наскоро поужинав, крепко заснули после трудного дня.

Около полуночи Горохов проенулся от громкого щелканья палатки над его головой.

— Неужели опять закрутило? — пробормотал он и хотел было повернуться на другой бок, как вдруг палатку так рвануло, что казалось она вот-вот лопнет по всем швам.

«Неладно видно!» — подумал Горохов и, высвободившись из своего спального мешка, подполз к входу, с трудом отстегнул полотнище и выглянул. По лицу ударило жестоким холдом и залепило глаза снегом. Палатка трепетала, вздрагивала, словно собираясь вспорхнуть и улететь.

— Ничего же поделась! Надо будить всех и укрепляться, — решил промышленник, — не то худо будет.

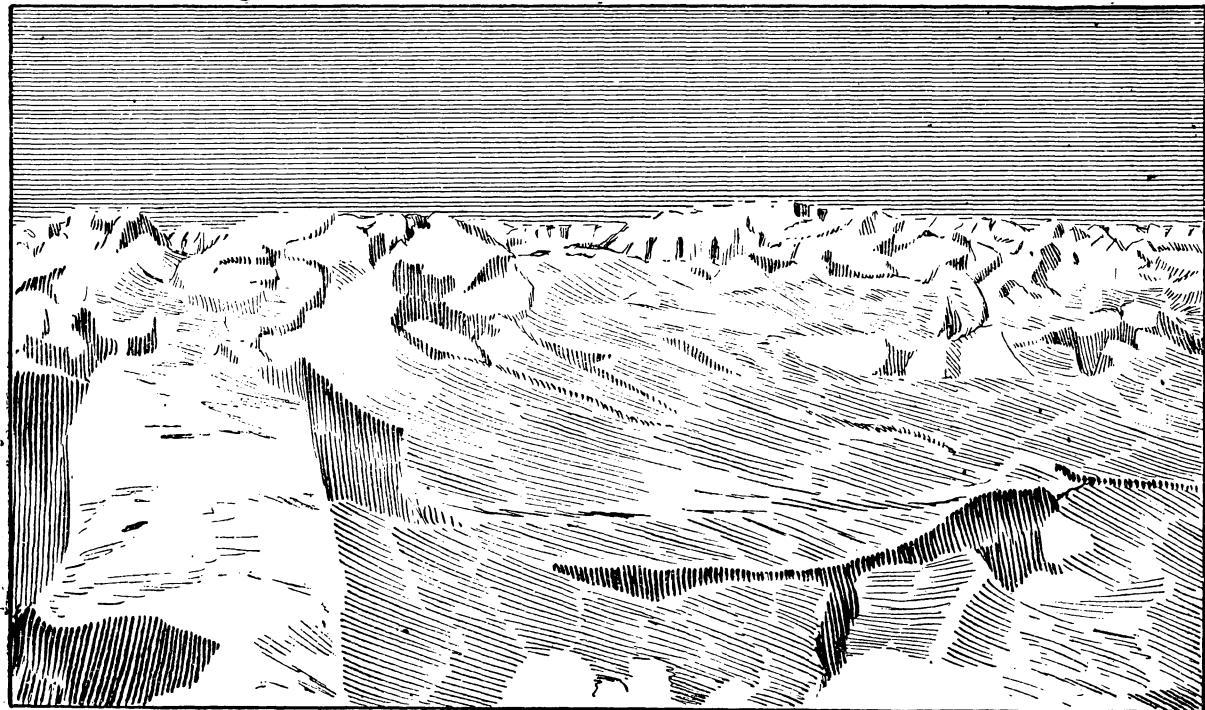
Он растолкал спящих и все пятеро выползли на четверень-

ках на волю и принялись забивать глубже в лед железные кольяшки, придерживавшие полы палатки. Затем все ползком подтащили труженые нарты, поставили их по одной с трех сторон палатки и, перекинув через последнюю веревки, привязали их к нартам. Все это требовало больших усилий; ветер валил с ног и захватывал дыхание, снег слепил глаза; тьма была полная и в трех шагах нельзя было разглядеть друг друга. Сквозь вой и свист ветра, вырывавшегося со стонами из щелей между глыбами тороса, слышался стук топоров у палатки каюров, стоявшей шагах в десяти. И там проснулись и укреплялись.

Сделав возможное, залегли опять спать, но долго не могли согреться, прозябнув на ветру, с набившимся в рукава и за воротник снегом. Когда стало светать, Горюнов, проснувшись первым, убедился, что пурга не унимается. Но палатка почти не трепетала; нагруженные снаружи снегом полы ее выпятились внутрь, словно брюхо огромного животного, и угрожали лопнуть от тяжести. Приходилось опять вылезать и счищать снег. Горюнов не стал будить товарищей, а занялся этой работой при помощи лопаты. Сквозь белесоватую мглу уже просвечивали ближайшие глыбы тороса; ветер как будто ослабел, но валил более густой и мягкий снег.

Заглушенный крик и затем стон заставили Горюнова повернуться в сторону палатки каюров. Раньше она чуть-чуть была видна, а теперь исчезла. Почуяв недоброе, он подбежал к ней, спотыкаясь почти на каждом шагу о собак, зарывшихся в снег. Оказалось, что палатка, достаточно старая и непрочная, не выдержала тяжести навалившегося снега, разорвалась вдоль конька и обрушилась со всей своей нагрузкой на спящих. Последние под своими одеялами, придавленные снегом, не могли пошевельнуться; они глухо стонали, задыхаясь от недостатка воздуха.

Горюнов вернулся к своей палатке, разбудил товарищей, а сам с лопатой побежал к каюрам и начал их откапывать из снежной могилы. Подошедшие вскоре Горохов и Ордин помогли ему потом сташить полы палатки вместе со снегом в сторону и освободить людей; одного, потерявшего уже сознание, пришлось приводить в чувство.

Большие торосы морского льда между островами Малым и Котельным

Пока возились, стало совершенно светло, а пурга очевидно кончалась: снег поредел, ветер налетал только порывами, на востоке чуть-чуть показалось солнце. Откопали собак, нарты, сварили чай и пустились в дальнейший путь. Свежевыпавший снег несколько затруднял движение, так как выровнял неровности и собаки или нарты часто проваливались в глубокие впадины. Пришлось двоим идти на лыжах впереди, чтобы проминать собакам дорогу.

Впереди горб Котельного острова занимал уже четверть горизонта; теперь на нем различались и гряды плоских высот и береговые обрывы, в которых среди снегового покрова чернели отдельными пятнами скалы. Правее, за небольшим промежутком, тянулся более низкий Фаддеевский остров, чуть видный на горизонте.

К закату солнца, преодолев несколько гряд трудного тороса, добрались до мыса Медвежьего и затем быстро проехали еще пять километров до поварни на юго-восточном берегу. Последний не представлял таких ледяных стен, как берега Ляжеского острова, а состоял из твердых горных пород, то стоявших стеной надо льдом, то спускавшихся полого к морю и в этом случае скрытых сугробами снега.

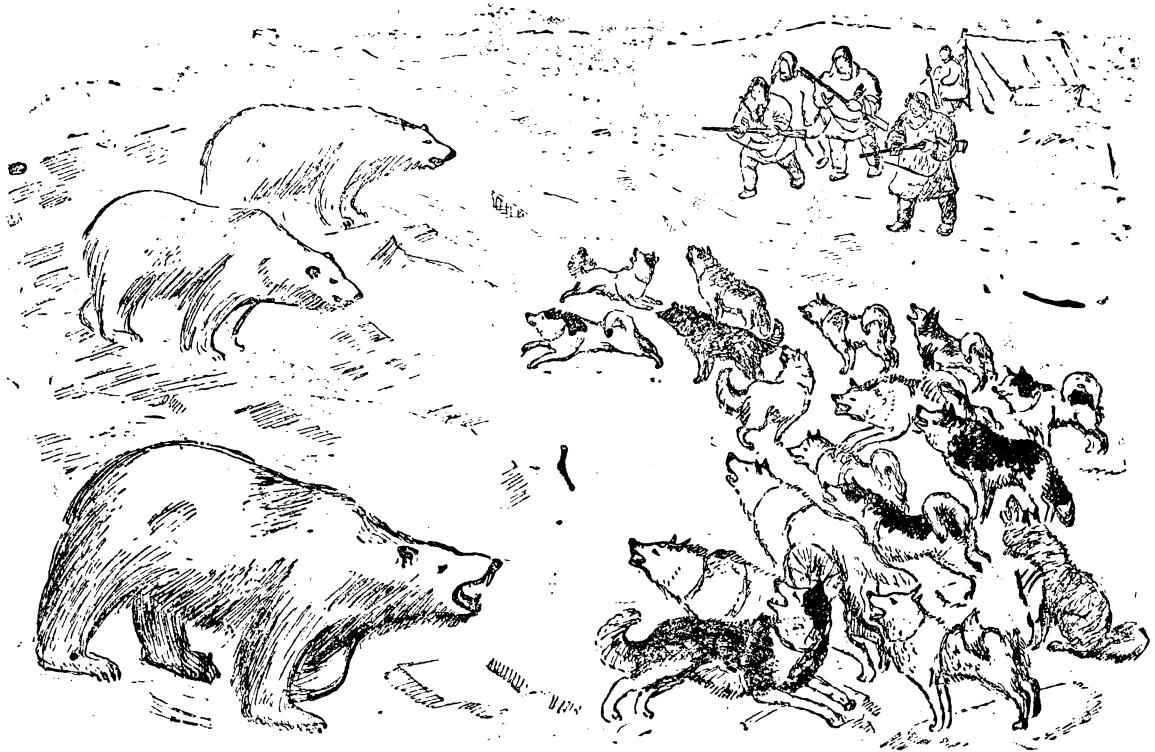
7

ВДОЛЬ ОСТРОВА КОТЕЛЬНОГО

Поварня на берегу оказалась полуразрушенной. Промышленники реже посещают этот остров, на котором для них мало поживы, а добираться до него трудно. Поэтому поварни, возобновляемые только при научных исследованиях островов, годами не поддерживаются, крыши начинают протекать и проваливаться, стены рушатся. Тратить время на починку ради одного ночлега не стоило и, так как погода была хорошая, расположились ночевать на льду.

На рассвете все проснулись от собачьего концерта.

— Не иначе как медведь! — воскликнул Горохов и полуодетый выскочил с ружьем из палатки; остальные последовали за ним и увидели интересную картину. Шагах в десяти от со-

Нападение белых медведей

бак стояли три белые медведя в нерешительной позе, так как все восемьдесят собак метались на своих привязях, вскакивая на задние лапы, беспрерывно лая вперемежку с визгом и воем. Концерт был ужасающий, способный разбудить мертвого. Медведи вероятно высматривали, которую из собак легче подмять, не подвергаясь нападению ближайших сбоку и сзади. Они уже направились к самой крайней упряжке, где несколько собак перепутали свои привязи и сбились беспомощно в кучу, не переставая лаять. Но тут раздались выстрелы от обеих палаток и один медведь, пораженный разрывной пулей из ружья Ордина, рухнул на лед, а два других пустились наутек, оставляя за собой кровавые следы. Каюры, Горохов и Горюнов бросились вслед за ними и вскоре догнали одного, видимо раненого сильнее, и прикончили его. Третий скрылся за торосом.

Неожиданная охота дала хороший запас свежего мяса, необходимого людям и собакам, и возможность оставить больший запас юколы на складе, который собирались соорудить у северного конца острова.

Свежеванье туш и разделка их заняли немного времени и вскоре караван двинулся дальше на север. Путешествие вдоль острова продолжалось еще четыре дня, потому что остров достигает ста восемидесяти километров в длину, а вдоль берега — больше двухсот. Внутри весь остров гористый и представляет каменную тундру.

На последнем переходе вдоль берега, когда после полудня миновали устье реки Решетниковой, погода опять испортилась. Небо быстро покрылось тучами, задул свежий юго-западный ветер и пошел снег. Но, несмотря на метель, шли вперед, так как мороз был небольшой, а до конечной цели — северного конца Котельного — было уже близко.

Этот конец представляет плоский мыс, вблизи которого экспедиция Толля построила поварню для склада на случай зимовки на острове. В этой же поварне Горюнов хотел устроить и свой склад — базу для той же цели и для обратного пути на материк.

Поварня оказалась в хорошем состоянии и в ней неожиданно нашли даже некоторые припасы, оставленные за ненадобностью при ликвидации поисков — порядочный запас юколы,

несколько ящиков с консервами, большую жестянку с медвежьим салом, несколько ящиков с сухарями и даже мерзлую тушу оленя. На островах летает довольно много диких оленей, которые ранней весной приходят с материка по льду и уходят поздней осенью, когда море только что замерзнет. Они совершают это большое путешествие на север, небезопасное при осеннем возвращении, когда тонкий лёд легко может быть взломан ветром, потому что на островах им привольнее,

Кормление собак

безопаснее от главного врага — человека; кроме того нет докучливых насекомых, составляющих летний бич животных и людей на материке.

Переход оленей на острова уже начался — на снегу местами виднелись их следы возле Малого Ляховского — и должен был усиливаться. Каюры рассчитывали поохотиться на оленей на обратном пути. Поэтому они, разгрузив нарты и пользуясь остатком дня, простились с нашими путешественниками и поехали налегке вдоль восточного берега Котельного, предполагая ночевать в удобном для охоты месте. С ними Горюнов от-

правил письмо Шенку с изложением хода экспедиции; это была последняя весть, которую он мог послать, да и она должна была прибыть в столицу только к осени.

Не без тяжелого чувства путешественники распостились с каюрами и смотрели им вслед, пока те не скрылись за поворотом берега. Порвалась последняя нить, соединявшая их с остальным миром. Теперь они остались одни, предоставленные собственным силам на пороге неизвестной области, где не могли рассчитывать ни на какую помощь.

Желая рассеять грустные мысли, принялись за сортировку и укладку имущества, оставляемого в складе, чтобы на следующее утро, если позволит погода, спешить на север. Был уже конец марта, день длился более тринадцати часов и в тихую погоду солнце могло греть и портить дорогу. Распортировали и переметили ящики и сложили все в глубине поварни, в которой оставалось еще место для ночлега.

Но утихший под вечер ветер с полуночи возобновился со страшной силой, температура упала до 40° и закрутила пургу. Горохов и Никифоров, вышедшие на рассвете покормить собак, вернулись окоченевшие и заявили, что ехать невозможно. В такую погоду приходится буквально отлеживаться, потому что сидеть в поварне, полутемной и дымной от огня в чувале, — мало удовольствия. Встают только для притопления пищи, а потом опять на боковую.

На второй день невольного сидения из-за пурги Никифоров, растапливая чувал, нашел среди дров, запасенных в поварне, какое-то странное тяжелое, плоское полено с мелкоребристой поверхностью, слегка изогнутое и с одним острым концом. Он повертел его в руках и, усунувшись в его горючести, показал Горохову.

— Это, надо быть, коготь птицы экзекю, — сказал якут, осмотрев полено.

— Коготь! Да он только чуть короче моей руки, — удивился казак. — Эта птица должна быть побольше нашей поварни, если имеет такие огромные когти. Где же эта птица живет?

— Она жила, старики говорят, на Котельном острове. Первые промышленники еще видели ее. Правда ли это, как полагаете, Матвей Иванович?

Горюнов осмотрел находку, рассмеялся и передал ее Ордину со словами:

— Это рог ископаемого длинношерстного носорога, современника мамонта. Я видел такие рога в Якутском музее и в Петербурге, в музее Академии наук

— Почему же его считают когтем исполинской птицы?

— Потому что он по своей форме и ребристой поверхности действительно похож больше на коготь, и среди югатиров, ламутов и тунгусов нашего края другого мнения нет. Мало того, сто лет тому назад некоторые ученые думали так же: Геденштром, первый исследователь Новосибирских островов, в своих «Отрывках о Сибири» упоминает об этих когтях в полном убеждении, что они принадлежали птице. Толькъ на Котельном острове посетил холм Эксекю близ речки Драгоценной, на котором, по уверению его проводников, эта птица жила. Они сказали ему, что она была так велика, что при полете заслоняла солнце. Когда первые промышленники, попавшие на Котельный, приблизились к холму, птица закричала «маук, маук» и улетела. На холме они нашли яичную скорлупу и огромные перья. Но птицы с тех пор никто больше не видел.

— Она имела две головы, говорят, — вставил Горохов

— Да, да. Всего любопытнее, что двуглавый орел, изображенный на наших медных монетах, по мнению югатиров и представляет птицу эскекю. У них много курьезных преданий о птице, как упоминает Брангель. А черепа носорога, находимые иногда рядом с рогами, они считают черепом эскекю

— О мамонте туземцы Сибири также рассказывают много небылиц, — заметил Ордин

В этот день путешественники коротали время, расспрашивая Горохова и Никифорова о мамонте и других исчезнувших животных и передавая им то, что сами знали о них из книг.

8

ЧЕРЕЗ ЛЕДОВИТОЕ МОРЕ

Наконец пурга, державшая путешественников трое суток в плену, утихла. С раннего утра весеннее яркое солнце осле-

щительно засверкало по снегам необозримой равнины Ледовитого моря, расстилавшейся на запад, север и восток от северного мыса Котельного острова. Всем пришлось надеть суггированные очки, чтобы не получить мучительной болезни глаз, которой на крайнем севере многие подвергаются весной. Солнце стоит еще низко, бесчисленные снежинки равнин, особенно после выпадения свежего снега, отражают лучи его миллионами крошечных зеркал своих ледяных пластинок и получается такой яркий блеск, что глаза воспаляются. Человек слепнет на несколько дней и испытывает колющие боли, не дающие покоя. Даже самые темные очки недостаточны, если не дополнены густой сеткой, закрывающей с боков промежуток между лицом и стеклом. Туземцы носят самодельные очки, представляющие просто дощечку с узким прорезом, пропускающим минимум света, но и они не всегда спасают.

Пока Горохов и Никифоров откапывали занесенные сугробами нарты, приводили в порядок упряжь и распределяли груз, все три путешественника поднялись на невысокий холм, возвышавшийся позади мыса, чтобы осмотреть местность и выбрать лучшее направление пути через море; ясная погода позволяла видеть вдали на большое расстояние.

Снеговая равнина моря, где зимние пурги свирепствовали на полном просторе, в разных местах нарушалась более или менее широкими и длинными полосами торосов в виде очень неровных белых валов с торчащими то тут, то там глыбами льда, на которых снег не мог удержаться и которые просвечивали бледно-зеленым светом; иные сверкали как зеркало, отражая солнечные лучи. Местами видны были темноватые площади среди белых; но это не были полыньи, а места, где снег был до чиста сметен с гладкого льда. Только вдали, километрах в сорока, полоса низкого белого тумана выдавала открытое море — полынью, которая тянулась по всему горизонту, так что обойти ее было невозможно; при пасмурном небе площади открытой воды узнаются по темному пятну, которое они дают на светлосерой пелене облаков.

Эта полоска тумана закрывала лежавшую за полыней снеговую равнину, но на самом горизонте, на севере виднелось что-то темное, выдававшееся над туманом.

— Вот, кажется, виден остров Беннета! — воскликнул Ордин, первый обративший внимание на это место горизонта.

Горюнов и Костяков взглянули в указанном направлении и первый сейчас же взял засечку по компасу.

— Это не остров Беннета, — сказал он. — Остров находится много восточнее и с Котельного невиден, он слишком далек. Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова. По Толлю она должна быть в этой стороне.

Двое вытащили бинокли, а третий — старую подзорную трубу, подарок Шенка «для поисков Санниковой Земли». Темные массы то исчезали за туманом полыньи, то появлялись. Тем не менее удалось рассмотреть, что это целая цепь довольно острых темных вершин, на которых белели полосы и целые поля снега, рассекавшие цепь на отдельные части. Эта цепь тянулась на некоторое расстояние, а затем быстро исчезала, понижаясь в обе стороны. До нее по прямой линии было не меньше ста двадцати-ста тридцати километров.

— Несомненно земля!

— Да, и очень высокая и гористая!

— Почему же она не вся в снегах?

— Очевидно склоны гор слишком круты, чтобы на них по-всюду мог удержаться снег.

— Но на таких круtyх горах не может быть места ни для гусей и уток, ни для онкилонов.

— Среди гор есть и долины.

— Во всяком случае это не мираж, а Земля Санникова! — заявил Горюнов. — Она расположена в той части горизонта, где ее видели и Толль и сам Санников. Мираж не может быть всегда на том же месте. Он образуется над полыньями, а последние меняют место, как мираж меняет свои очертания.

Подзорная труба оказалась лучше хороших биноклей и Костяков, обладавший ею, заявил, что различает две гряды, переднюю пониже и почти сплошь белую, а заднюю выше с черными скалами.

— А между грядами несомненно есть долина и может быть очень широкая!

— И в ней онкилоны, живущие вне досягаемости! — заместил Ордин.

— А мы хотим нарушить их мирное существование своим появлением! — прибавил Костяков. — Трудно даже представить себе людей, которые несколько веков уже оторваны от всего мира.

Визг, вой и лай собак, донесшийся на холм снизу, прервал беседу и напомнил, что пора отправляться в путь. Если нет пурги или жестокого мороза, то собаки с нетерпением ждут отъезда и посвоему выражают свою радость, когда видят, что все готово. Горюнов еще раз взял по компасу направление на таинственную землю и все трое спустились к поварне.

— Однако, землю сегодня видно? — встретил их вопросом Горохов.

— Отлично видно, никакого сомнения быть не может, — сказал Горюнов.

— Надо поглядеть! Пока вы чай пьете, я успею сбегать. Я ведь только раз видел, и то плохо

Взяв у путешественников бинокли, оба промышленника отправились на холм. Собаки, заметив, что одни люди ушли в поварню, а другие на гору, затихли и улеглись в своих упряжках на снег.

Спустившись с холма Горохов и Никифоров подтвердили, что Землю Санникова отлично видно — и на том самом месте, на котором они наблюдали ее раньше.

Вскоре маленький караван спустился с мыса на море и пошел почти прямо на север. Собаки, отдохнувши за три дня, везли бойко, хотя нарты получили добавочный груз в виде дров, запасенных на целую неделю. Хотя переход до земли можно было сделать дня в три, но пурга могла опять разразиться и задержать движение; ночевать же без возможности согреть чай и пищу при жестоком морозе очень тяжело.

Подвигались то быстро по ровным местам, то медленно, преодолевая торосы. К вечеру прошли километров сорок и остановились на ночлег среди широкой полосы торосистого льда, выбрав ровное местечко под защитой больших глыб. Быстро раскинули палатку, зажгли костер, сварили ужин и потом посидели часок у отня, который бросал красные отблески на зеркала льдин. Солнце исчезло на западе; на юге сквозь легкую пелену туч то показывалась, то исчезала прибывающая

луна; на севере слабо играли сполохи — северное сияние — в виде желтоватых дуг и столбов, хорошо заметных только когда луна скрывалась за тучей.

Перед тем как лечь спать, Горюнов вскарабкался на гребень тороса смотреть горизонт. Показалась луна, и снеговая равнина, валы торосов и глыбы засияли мягким голубоватым снегом. С юга тянул холодный ветерок, и там на горизонте чернели тучи, на фоне которых плоским горбом чуть выделялся Котельный остров.

На следующий день погода была хмурая и южный ветер усилился. Горохов и Никифоров ждали пургу и подгоняли собак. Но лед стал очень неровным, широкие пояса торосов встречались чуть не на каждом километре, и вперед подвигались медленнее, чем накануне. На сером небе впереди с утра уже ясно выделилась темная полоса, указывавшая широкую и длинную польню. К вечеру последняя была уже настолько близко, что можно было расслышать шум волн. С перевала через высокий торос наконец увидели в полукилометре открытое море, покрытое беляками волн и отдельными плавающими льдинами; оно уходило на север, казалось, до горизонта. На завтра предстоит переезд через него, если не помешает пурга.

Поэтому решили подъехать ближе к краю льда для более быстрого спуска байдары и удобной ее нагрузки; так как ветер дул с юга, то нельзя было опасаться, что море начнет ломать лед с этой стороны. На ночлег устроились среди льдин последнего тороса, шагах в полутораста от открытой воды, выбрав ровную площадку, на которой с трудом уместились нарты, собаки и палатка; с юга и запада эта площадка была защищена огромными отвесными и наклонными льдинами, и вообще этот торос изобиловал ими, свидетельствуя о том, что при последнем северном ветре здесь был страшный нажим ледяных полей друг на друга.

Под защитой льдин и с огоньком у входа в палатке было тепло и уютно. Между тем ветер к ночи усилился и пурга разразилась. При свете костра видно было, как в темном небе на пять-шесть метров над палаткой несутся целые потоки снежинок, сложенные из изгибающихся, переплетающихся, волнующихся струй и струек. Под напором ветра толстые льди-

ны содрогались, а сквозь свист и гул по временам раздавались как будто резкие выстрелы.

— Это что такое? — испуганно воскликнул Костяков, когда такой выстрел послышался впервые.

— Во льду образовалась новая трещина, — ответил Горюнов.

— Лед трещит, — подтвердил Горохов спокойно.

— А наше убежище не может разломать?

— Если ветер повернет кругом и подует с севера, тогда пожалуй, потому что волна будет бить в край нашего ледяного поля и начнет поднимать и ломать его. А пока ветер с юга — опасаться нечего.

— А жутковато здесь, Матвей Иванович, — сказал Никифоров, — что ни говорите! Подумать только, сидим мы спокойно, трубочки потягиваем, жалякаем, а под нами всего аршина два льду и бездонная бездна! Там, промеж островов все-таки спокойнее, море неглубоко, земля близко.

— Не все ли равно, сколько глубины под нами, двадцать ли, сто ли метров, — засмеялся Ордин. — И там, и тут утонем, если лед провалится.

— Все-таки здесь страшнее, потому что моря и земли не видно.

— А залезь под шубу и засни, может и увидишь! — пошутил Горохов.

— И то правда, заляжем-ка, проспим до утра, там на свету спокойнее будет.

Но спали все-таки тревожно, потому что, лежа на льду, слышали еще лучше, как то ближе, то дальше образуются трещины. Собаки также против обыкновения спали беспокойно и то одна, то другая начинала ворчать или завывать. Горохов несколько раз вставал и выглядывал из палатки, чтобы убедиться, не меняется ли направление ветра. Когда рассвело и все проснулись, он успокоил остальных словами:

— Ни эти не видно, задувает попрежнему, можете не вставать.

Проявлялись до позднего утра, когда голод поднял всех. Развели огонь, поставили чайник; Горохов и Никифоров пошли кормить собак, сбившихся в кучу между двумя нависшими

льдинами, где ветер совсем не чувствовался. Пурга начала менять свой характер — то затихнет минут на пять-на десять, так что небо начинает проясняться, то заревет с удвоенной силой. Во время, одного затишья Горохов вскарабкался на высокую льдину, огляделся кругом, протяжно свистнул и закричал:

— Однако, паря, мы куда-то поплыли, кругом вода!

Все, перепуганные, полезли к нему на льдину и увидели, что на юге, откуда вчера пришли по льду, чернеет сквозь снежную мглу море; на севере тоже чернела вода, а на запад и восток тянулся торос, но насколько далеко — нельзя было разобрать. Вглядываться долго не пришлось, потому что новый порыв ветра застлал все снегом и согнал их вниз. Пришлось вернуться в палатку.

— Я думаю, — сказал Горюнов, — что ледяное поле, на котором мы находимся, было слабо припаяно к остальным. Когда лед потрескался, напор ветра оторвал наше поле и потянул по морю.

— Но куда?

— Очевидно на север, куда он дует.

— Но если в этой части моря есть течение, то нас может унести далеко на запад или на восток!

— Конечно может.

— Что же нам делать?

— Ничего сделать нельзя. В такую погоду плыть на нашей байдаре опасно. Остается ждать, пока пурга не кончится.

— А если льдину еще разломает?

— Если ее до сих пор не разломало, то будем надеяться, что не разломает и впредь, по крайней мере пока не нагащит на другое поле или не прибьет к сплошному льду.

— На этот случай не мешало бы приготовить нашу байдару и сложить в нее все вещи.

— Правильно! — заявил Горохов.

Позавтракав, занялись разгрузкой нарт и соединением обеих частей байдары. Потом сложили в нее груз и нарты, оставив только палатку и постели в ней, уборка которых могла быть исполнена при первых признаках опасности. Время от времени, когда ветер затихал, лазали на льдину, но видели по-

прежнему на севере и на юге море, от которого в обе стороны их отделяло расстояние метров по сто.

Так прошел день. Пурга свирепствовала попрежнему. Пожиная, долго сидели при свете догорающего отня. Настроение было тревожное; по временам казалось, что лед колеблется под ногами. Но выстрелов, показывающих образование новых трещин, с утра уже не было слышно. Очевидно оторвавшееся поле было достаточно прочно. Ночью дежурили поочередно на всякий случай. Ветер стал ослабевать и по временам сквозь снежную мглу даже показывалась луна в виде тусклого расплывающегося пятна.

Ордин, которому досталось последнее дежурство, на рассвете задремал и проснулся от солнечного луча, освещившего его лицо. С удивлением он увидел взошедшее уже солнце и над собой бледно-голубое небо. Ненастье кончилось, ветер дул сравнительно слабо, часто затихая; свежий снег начал ослепительно сверкать.

Быстро вскарабкался Ордин на льдину и увидел на юге до горизонта синеющее море с зайчиками на мелкой волне; на западе ледяное поле кончалось в полукилометре, на востоке — еще ближе. На севере, совсем близко за полосой воды виднелся край сплошного льда, медленно приближавшийся. Ордин поспешил разбудить остальных. Все залезли наверх

— Если бы восходящее солнце не показывало сразу, где у нас север, где юг, я бы подумал, что море к северу от нас, как и раньше! — воскликнул Костяков.

— Да, нам удивительно повезло! — заявил Горюнов.

— Вместо того, чтобы плыть в байдаре и хлопотать с нагрузкой и выгрузкой, мы лежали себе спокойно в палатке, а пурга перевезла нас сама через море

— Словно на плашкоте через речку переправились, — добавил Горохов.

— И на казенный счет, ничего не заплатимши, — рассмеялся Никифоров, — по нашему открытому листу!

— Попугала нас пурга-матушка только немного для острактики, чтобы не баловались! — сказал Костяков

— А что, причалит она нас к берегу или придется все-таки спускать байдару? — заметил Ордин.

— Будем надеяться, что причалит. Плыть уже немного, а ветерок задувает и наш торос хорошо парусит

— Пока что, давайте завтракать и в путь готовиться, — предложил Горюнов.

Так как ветер был слабый, льдина, так удачно послужившая паромом для экспедиции, подвигалась вперед медленно. Успели позавтракать, разобрать байдару, уложить нарты и взобрались опять на торос, чтобы выжидать момент причала парома к краю неподвижного льда. Пришлось ждать около часа; нако-

Льдина, переворившая экспедицию через открытое море, подплывает

иец почувствовалось сотрясение всего поля и на глазах у наблюдателей вдоль линии соприкосновения начало крошить лед и вздыматать обломки торосом. Но напор был слабый, торос выпшел пустяковый и паром успокоился.

— Причалили! — воскликнул Горохов.

Вооружившись топорами и лопатами для очистки дороги, путешественники подъехали к краю парома и, выбрав более ровное место, в короткое время переправились на неподвижный лед.

Никифоров с комической важностью поклонился покинутой льдине и крикнул:

— Спасибо, парень, за перевоз! Молодцом прокатил, что и говорить!

Предполагая, что ледяной паром не очень уклонился от направления маршрута, Горюнов повел нарты на север, рассчитывая с высоты более крупного тороса увидеть Землю Санникова и ориентироваться по ней. Путь сначала был очень труден, один торос сменился другим, и к обеду едва сделали десять километров. Эти тороса совершенно закрывали вид вдали. Наконец, около полудня, начался более ровный лед и на горизонте сквозь дымку чуть показались острые вершины таинственной земли, все еще очень далекой.

— Третий день едем, а будто нисколько не виднее стала она! — сказал Горохов таким странным тоном, что Горюнов, стоявший рядом с ним, обратил на это внимание.

— Ты что-то нехорошее надумал, Никита, — сказал он.

— Верно! Сомнительно мне стало. Не к добру нас льдина так чудно через море перевезла, Матвей Иванович. И подумалось мне, что это не земля, а марево. Завлечет нас, все будет маячить вдали и манить. Заедем так далеко, что и вернуться нельзя будет.

— Ну, пустяки ты надумал! — рассмеялся Горюнов. — Вот увидишь, еще день-другой — и рукой подать будет до этой земли.

— А я полагаю, что если завтра ее не будет видно, так, чтобы не было сомнений, нам лучше повернуть назад, пока не поздно.

Горюнов прекратил разговор и взял направление на землю. Она оказалась уже на северо-востоке; очевидно паром снесло ветром или течением порядочно на запад. Пришло изменить направление маршрута: Более ровный лед позволил двигаться быстрее и к вечеру прокатили еще тридцать километров. Перед закатом горизонт совсем прояснился и путешественники увидели уже совершенно ясно без помощи бинокля цепь остро-конечных черных вершин, поднимавшихся над плоским белым горбом. Даже Горохов как будто успокоился.

Еще два дня шли в том же направлении, но из-за пасмурной погоды земли не было видно; тучи низко стлались по небу и очевидно скрывали ее. Наконец на третий день, вскоре после

обеденного привала тороса совсем прекратились и снеговая равнина, покрытая застругами, начала заметно подниматься. Собаки сразу замедлили свой бег.

— Уж не земля ли под ногами? — воскликнул Ордин.

— Подлинно земля! — подтвердил Никифоров. — В гору поехали, собачки ясно показали.

В это время сквозь рассеявшиеся на минуту тучи впереди в нескольких верстах показалась как будто высокая белая стена.

— Пока кроме снега ничего нет на этой земле! — проворчал Костяков. — Горы куда-то скрылись.

— Вот нетерпение! За белой стеной и горы увидим. А вот вам и кое-что кроме снега! — Горюнов указал вправо, где что-то чернело в сотне шагов от каравана.

Все трое устремились к этому месту. Ордин вынул из-за пояса молоток, готовясь вступить в рукопашную схватку со скалой, потому что это была плоская, гладкая скала, выдававшаяся бугром над снеговой равниной. Поверхность ее была отполирована снежинками, которые проносили по ней пурги. Но с помощью зубила, вставленного в трещину, удалось выломать кусок породы. Ордин внимательно осмотрел ее и заявил:

— Это пожалуй базальт.

— Что и следовало ожидать, — заметил Горюнов. — Эта вулканическая порода повидимому очень распространена на островах Ледовитого океана и свидетельствует, что здесь когда-то были громадные излияния лавы.

— Эх, и тепло было тогда здесь! Не то что теперь! — добавил Костяков тоном сожаления.

Кусок базальта торжественно поднесли Горохову, оставшемуся с Никифоровым у нарт. Это было лучшее доказательство, что под ногами земля, край таинственной Земли Санникова, на которую может быть впервые ступила нога человека.

Медленно поднимаясь вверх по уклону, караван часа через два очутился у подножия белой стены, которая оказалась тоже откосом, но более крутым. Она тянулась, насколько видно было сквозь легкий туман, окутавший местность, далеко в обе стороны, преграждая путь. Приходилось подниматься вверх, но

не прямо, а наискось. Снег, уплотненный пургами, был настолько тверд, что даже полозья тяжелых нарт слабо врезались в него

9

НА ПОРОГЕ ОБЕТОВАННОЙ ЗЕМЛИ

Медленно, длинными зигзагами поднимался караван по белому склону все выше и выше, и казалось конца не будет подъему; легкий туман, окутывавший склоны, не позволял видеть его гребень, и снежной откос скрывался уже в сотне шагов в сероватой мгле.

— Вот так высокая гора! — воскликнул Горохов при одной из остановок на повороте, необходимых для отдыха собакам.

— Мы вероятно попали очень неудачно на склон одной из окраинных гор вместо того, чтобы пройти в долину, — предложил Ордин.

— Весьма возможно, что весь южный край земли таков, — заметил Горюнов. — Вспомните, что мы видели впереди скалистой горной цепи высокий снежный вал, протянувшийся далеко, вот на него мы очевидно и поднимаемся

— Странная земля! — сказал Костяков. — Вместо крутых обрывов и скалистых мысов, которые окаймляют острова Новосибирские и Бенинeta, здесь такая ровная длинная покать.

— И даже нет ледников, сползающих сверху, а только снег, — прибавил Ордин.

— Да, это странно! Этот склон южный и снег на нем должен ставить за лето. Но над ним, как мы видели, поднимается более высокая цепь гор, с которых должны были бы спускаться ледники через этот склон к морю. А мы их пока не видели.

— Единственное объяснение этого странного факта, что за этим снежным валом лежит глубокая долина и ледники спускаются в нее, — предположил Ордин, — а затем огромным ледяным потоком где-нибудь выходят к морю как на Шпицбергене.

— Но где же тогда будут кормовища для птиц, прилетающих будто бы сюда, не говоря уже об онкилонах, в существование которых я, впрочем, не верю? — заявил Костяков.

— Потерпите же немножко, тварищи, разгадка не за горами, — рассмеялся Горюнов. — Вперед, бодрее!

На следующей остановке барометр показал уже высоту в восемьдесят метров над уровнем моря. Туман как будто стал туще и Горохов заявил:

— Как хотите, а нужно повернуть обратно.

— Это почему? — воскликнул Горюнов

— Не видите, что ли? Лезем-лезем, словно на небо . . . Не может быть такой высокой горы.

— Ох-хо-хо! — рассмеялись все трое и даже Никифоров присоединился к ним

— А туман что значит? Вспомните тору Кигилях, которая пускает туман, чтобы люди не могли влезть на нее.

— Ну, Никита, я вижу, ты от каюров суеверия набрался. Туман на высокой горе — самая обыкновенная вещь, особенно в здешних местах. Не видали мы его, что ли?

— Ваша воля, делайте как знаете, а я вас предостерег. Потом не говорите, что Горохов вас в беду завел

Потянулись дальше и через полчаса сквозь поредевший туман увидели наконец несколько темных скал среди снега, еще довольно высоко впереди. Все вздохнули свободнее и с новой энергией продолжали путь; снег стал рыхлее и хотя уклон сделался пологим, но нарты погружались глубоко и пришлось уминать дорогу для собак. Поэтому подъем замедлился и последние полкилометра достались тяжело.

Солнце склонилось уже к закату, когда караван очутился наконец почти на гребне этого высокого снегового увала, где барометр показал девятьсот семьдесят метров. Туман белой пеленой стлался внизу, скрывая почти весь склон и подножие, но через него открывался далекий вид на торосястую равнину моря, расстилавшуюся до горизонта.

Оставив нарту у подножия плоской черной скалы, поднимавшейся невысоко над снегом, все пятеро поднялись на самый гребень и остановились в двух шагах от края огромного обрыва, которым оканчивался этот снеговой склон

— Ну, и чудеса! — воскликнул Никифоров, выразив этим всеобщее изумление перед развернувшейся впереди картиной.

Вместо сплошного снега и льда, которых нужно было ожидать на такой высоте почти в тысячу метров над уровнем моря под широтой в 79 или 80°, путешественники увидели перед собой картину пробудившейся весенней природы, хотя была только половина апреля, когда и под Якутском, на 15—17° южнее, весна еле намечается первым таянием снега.

Вниз от края обрыва мрачные черные уступы, на которых белел снег, уходили в глубь огромной долины, расстилавшейся на север до горизонта. На дне ее ярко зеленели обширные лужайки, разделенные площадями кустарника или леса, уже чуть подернувшегося зеленью первых листочеков. В разных местах среди лужаек сверкали зеркала больших и малых озерков, соединенных серебристыми лентами ручьев, то скрывавшихся в чащах кустов, то появлявшихся на лужайках. Над более далекими озерками клубился белый туман — они словно дымились. На западе, за этой зеленою долиной, поднималась чуть не отвесной стеной высокая горная цепь, гребень которой был разрезан на остроконечные вершины, подобные зубьям исполинской пилы; на них полосами и пятнами лежал снег, тогда как ниже на обрыве его почти не было. Солнце уже спустилось за эту цепь и вся долина погрузилась в вечернюю тень.

Цепь гор уходила на север за горизонт, скрываясь в тумане, покрывавшем отдаленную часть долины. Туда же на север, насколько можно было видеть, тянулась и гряда, на гребне которой стояли наблюдатели и которая была ниже противоположной. На юге та и другая как будто соединялись, совершенно замыкая долину с этой стороны.

Безмолвное созерцание первых минут сменилось оживленным обменом впечатлений.

— Диво дивное, Матвей Иванович!.. — произнес Никифоров.

— Настоящая обетованная земля! — сказал Ордин.

— Совершенно непостижима эта зелень, эта растительность под такой широтой, — заявил Костяков. — Долина открыта на север, в сторону полюса, словно оттуда идет к ней тепло.

— И неудивительно, что сюда летят издалека птицы, пренебрегая нашим суровым побережьем. Вполне возможно, что сюда скрылись и онкилоны. Но как мы спустимся вниз по

Первый взгляд на таинственную землю в котловине среди льдов и снегов

этим обрывам с нашими нартами? По ним и порожняком не сойдешь, — заметил Горюнов

— А вот же звери спускаются! — воскликнул Ордин, указывая на несколько темнобурых животных с огромными рогами, закрученными спиралью по бокам головы, которые появились на уступе под ногами путешественников

— Эх, каменные бараны! Вот бы подстрелить парочку на ужин! — воскликнул Горохов.

Между тем животные, очевидно почувствав людей, остановились и в недоумении подняли головы вверх

Бараны повидимому все-таки были знакомы с человеком, так как, постояв минуту, резко повернули назад и скрылись за выступом скалы

В это время Горюнов изучал при помощи бинокля гребень в обе стороны от места их стоянки; на северо-восток он повышался, на юго-запад как будто понижался и в этом направлении может быть представлял возможность спуска.

— Идем вдоль гребня на юго-запад, — заявил он. — Если есть спуск вниз, то скорее всего там

— Может быть придется окружить всю впадину, — заметил Ордин — чтобы..

— Чтобы убедиться, что спуска в нее для людей нет, и что только для птиц она доступна, — подхватил Костяков.

— Ну, что же, придется удовольствоваться на первый раз открытием этой громадной впадины с богатой растительностью среди полярных льдов и немедленно вернуться на материк

Пользуясь остатком дня, пошли на юго-запад вдоль гребня, который оказался неровным; он то понижался — и здесь снеговое поле южного склона доходило до самого края обрыва, то повышался и представлял скалы или острые грядки. При виде их Ордин вспомнил про свой молоток и освидетельствовал несколько таких выступов

Все они оказались состоящими из базальта, то плотного, то пузыристого или шлаковатого, представляющего базальтовую лаву.

— Я начинаю думать, — сказал он, обращаясь к Горюнову, — что ваше предположение, высказанное академику

Шенку, что Земля Санникова представляет остаток вулкана, оправдывается. Эта огромная котловина, окруженная кольцом отвесных обрывов, очень похожа на кальдеру¹ большого древнего вулкана, а базальты, встреченные нами внизу и здесь на гребне, подтверждают это

— Такое происхождение котловины объяснит нам и существование богатой растительности под этой широтой, — прибавил Горюнов. — Но не будем решать преждевременно, посмотрим, что будет дальше

По мере движения на юго-запад гребень заметно понижался, но в сторону впадины обрывался так же круто. Сумерки гущались, но почти полная луна уже поднялась и освещала путь. Прошел еще час. Горюнов взглянул на барометр — он показывал уже только пятьсот метров над уровнем моря.

— Я думаю, нам придется заночевать на гребне. Луна не осветит спуска на ту сторону, а в темноте итти по неизвестной дороге опасно

— Найдем ровную площадку и станем, — согласился Никифоров.

— Но если ночью поднимется пурга, нас может смыти в пропасть, — заметил Костяков.

— Пурги не будет, — заявил Горохов, — небо чистое, ветра нет, солнце село не красное. Вот разве шайтан захочет наказать нас...

— Будем надеяться, что он помилует, — рассмеялся Горюнов.

Выбрали более ровное и широкое место гребня в промежутке между двумя скалами, поставили палатку, поужинали, но спать не хотелось. Таинственная впадина была слишком близко и возбуждала любопытство. Луна уже освещала более отдаленную часть ее, тогда как ближайшая оставалась в тени; в разных местах серебрились зеркала озер и ленты ручьев среди темного фона лугов и леса. Усевшись на краю обрыва, все пятеро созерцали лежавшую у ног странную впадину

¹ Кальдерой (испанское слово «котел») называют старые кратеры потухших вулканов, сильно расширенные и пониженные процессами размыва и имеющие форму обширного цирка. Среди кальдеры нередко расположен конус действующего вулкана.

освещенные луной обрывы противоположного края казались теперь еще выше и круче. Они поднимались над дном на тысячу пятьсот-тысячу шестьсот метров /почти отвесно. И вдруг в ночной тишине из глубины раздалось сначала протяжное мычанье, а затем глухой рев.

— Эге-ге, там зверье есть, коровы мычат! — воскликнул Никифоров.

— А другой кто, который ревет? Уж не сохатый ли? — спросил Горюнов.

— Нет, не сохатый, и не бык. Этот зверь словно трубит в большую трубу. И не медведь.

Погадали, какой это может быть зверь, но ни один из известных промышленникам не издавал таких звуков, и все остались в недоумении.

— А это что? — спросил Ордин, указав на засветившуюся вдали среди впадины красную точку, похожую на звезду; она то разгоралась, то почти потухала.

— Это пожалуй огонек на дне кратера этого вулкана, который очевидно не совсем потух! — засмеялся Костяков.

— А не костер ли это?

— На то похоже. Значит здесь есть люди, может быть эти пропавшие онкилоны? — предположил Горюнов.

Опять воцарилось молчание. Все следили глазами за этим новым загадочным явлением в странной впадине. И вот издалека чуть слышно донеслись звуки, напоминавшие барабанный бой.

— Не иначе, что бубен шамана! — заявил Горюков. — Стalo быть люди есть, и огонь ихний.

— А если есть люди, то должен быть и спуск вниз, — заметил Горюнов. — Люди не могли слететь, как птицы по воздуху.

— Спуск мог быть, но обрушился!

Прошло еще полчаса в молчании и всех стало клонить ко сну. Но тут новое явление обратило на себя внимание. Несмотря на поднявшуюся выше и ярко светившую луну, дальняя часть впадины стала неясной и скоро совсем исчезла в пелене тумана. Эта пелена медленно ползла на юг и вскоре вся впадина превратилась в огромное белесоватое озеро слегка вол-

нувшегося тумана. Затем он стал подниматься выше и ключами переползать через низкое место южной окраины, где находились путешественники. С севера потянуло сырым, но тепловатым ветерком и скоро гребень, скалы, палатка очутились в густом тумане, через который едва была видна луна.

— Представление кончилось, занавес спущен и пора уходить! — заметил Ордин.

— Уйдем от греха в палатку! — предложил Горохов. — И как вы себе хотите, Матвей Иванович, а все это — одно нахождение, марево, и земля эта, и леса, и луга, и звери. Вот увидите, завтра проснемся, ничего кроме снега не будет — и нам придется ворочаться поскорее.

— Ну ладно, прорицатель, завтра увидим, — ответил Горюнов.

Легли спать, но спали тревожно, потому что собаки по временам поднимали лай и визг, героятно чуя каких-то не очень далеких животных.

10

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ЗЕМЛЕ САННИКОВА

Когда рассвело, туман еще не рассеялся; он был так густ, что в пяти шагах силуэт человека почти исчезал в молочно-белой мгле. Даже по соседству стоянки нужно было ходить очень осторожно, чтобы не свалиться с обрыва, находившегося в нескольких шагах от палатки.

Приходилось ждать возможности итти дальше по гребню в поисках места для спуска. Развели огонь последними дровами, взятым с Котельного, накормили собак, не торопясь по завтракали.

Судя по часам, солнце поднялось уже больше часа, но туман совершенно скрывал его; он, казалось, переливался через гребень, словно жидкий кисель, переполнивший огромную чашу впадины и стекавший через выщербленный край.

— Это дымит ваш вулкан, — острил Костяков. — Он действует по ночам, сначала загорелись огни, а потом повалил дым.

— Смейтесь, смейтесь, Павел Николаевич, — ответил Ордин. — А все-таки эта впадина — вулкан, и это открытие не менее важно, чем нахождение самой Земли Санникова.

— Но разве могут быть вулканы среди полярных льдов? — спросил Костяков.

— Почему же нет! В южной полярной области есть даже действующие вулканы Эребус и Террор и несколько потухших. А в Ледовитом океане мы находим вулканические породы разного возраста и в Гренландии, и на Шпицбергене, и на земле Франца-Иосифа и даже на ближайшем соседе Земли Санникова — острове Беннет

— Но это все очень старые.

— Не все. А Исландия с ее грандиозной вулканической деятельностью?

— Ну, этот вулкан заткнет за пояс все остальные по своим размерам, — заметил Горюнов. — Вот что заставляет меня пока сомневаться в правильности вашей гипотезы..

— Он действительно очень велик; я полагаю, он имеет километров двадцать в поперечном и сорок-пятьдесят в продольном направлении.

— А каковы размеры самых крупных кратеров, известных на земле?

— Насколько помню, кратер Мауна-Лоз на Гавайских островах имеет около четырех километров, а Гунунг-Тенгер на Яве немного меньше шести километров в диаметре

— Ну, вот видите! Этому впору быть на луне, а не на земле, — заметил Костяков.

— На луне он был бы самым заурядным, потому что там есть кратеры в шестьдесят, восемьдесят, сто и больше километров в диаметре; например кратер Птоломея имеет сто шестьдесят один километр, Лянгренус — сто пятьдесят восемь. а в семьдесят-девяносто километров имеется больше десятка. Всего же на луне насчитывают около тридцати тысяч кратеров.

— Должно быть красивое зрелище представляла луна, когда все они действовали!

Пока наши путешественники беседовали о луне, солнце делало свое дело и туман быстро начал редеть, поднимаясь вверх

и превращаясь в тонкие пленки, которые постепенно таяли в воздухе. Скоро гребень настолько очистился, что можно было тронуться в путь, хотя впадина представляла еще молочно-белое море, поверхность которого медленно колебалась. Пошли дальше, уже на запад, согласно изгибу гребня, который продолжал понижаться. Наконец, незадолго до полудня, дошли до самого низкого места, за которым ясно было видно новое повышение.

— Если здесь нет спуска, то придется искать его далеко на северном конце впадины! — заявил Горюнов.

— Это будет очень печально! — заметил Ордин, — потому что дров у нас нет, а корма для собак хватит дня на три, не больше.

Подошли к краю обрыва, чтобы осмотреть его внимательнее. Барометр показывал только сто двадцать метров над уровнем моря и можно было надеяться, что при помощи веревок удастся спуститься с уступа на уступ.

— Ну, вот вам и спуск! — воскликнул Горюнов, указывая вправо.

Все взглянули туда. Там тянулся от требия в глубь впадины длинный снеговой откос, огромный сугроб, нанесенный пургами, наметавшими снег со стороны моря через самое низкое место гребня и отлагавшими его под защитой обрыва. Он спускался довольно круто в виде двускатной крыши с широким коньком, поднимаясь до самого края обрыва; правее и левее его видны были еще подобные сугробы, но не доходившие уже до повышавшегося гребня, так что только он один давал возможность спуска. Попробовали плотность снега — она оказалась вполне достаточной, нога погружалась только на четыре-пять сантиметров.

Так как уклон доходил до 40° , нарты нельзя было спускать с упряжкой. Отстегнули собак, достали веревки и, привязав их по две к каждой нарте, стали спускаться, удерживая нарту вдвоем. Пока две нарты спускались, Костяков остался на верху с третьей нартой и собаками. Когда Горохов и Никифоров поднялись обратно, Костяков повел все три потяга собак вниз: пустить их одних было опасно, так как они могли немедленно увлечься погоней за какой-нибудь дичью. Но ве-

сти тридцать собак вниз по склону — нелегкая задача; увидев внизу нарты и людей, собаки помчались так быстро, что Костяков не удержался на ногах, упал ничком и прокатился на животе по всему откосу, вздымая тучу снежной пыли, к общему удовольствию зрителей вверху и внизу.

Закончив спуск, осмотрелись кругом. Почва вокруг подножия сугробов была совершенно обнажена. Сюда солнце начинало заглядывать в самые длинные летние дни и со стороны севера, т. е. собственно ночью, когда оно стояло низко и трепетало слабо. Снег вероятно долго не таял и растительность не могла развиваться. Но шагах в тридцати от конца сугробов среди плит и обломков базальта, рассеянных по поверхности почвы, зеленел мох и карликовые цветы раскрывали свои первые лепестки. Немного дальше видны были стелющиеся кустики, еще обнаженные, а затем в полукилометре — более высокие и густые, чуть подернувшиеся зеленью. За ними уже темнела стена невысокого леса.

За обедом или вернее за закуской с чаем, сваренным на остатке дров, найденных по нартам, обсуждали важный вопрос — как двигаться дальше. Байдара, нарты, собаки уже не были нужны, так как в котловине не было ни снега, ни достаточно больших рек для плавания.

Вести с собой 30 собак и заботиться об их корме — было слишком стеснительно для передвижения. Ввиду обилия дичи собаки доставили бы много хлопот, разбегаясь для ее преследования, а вести их на привязи — значило бы все внимание уделять им и занять трех членов экспедиции этой непроизводительной работой. Запрячь собак в нарты и ехать на них по траве и по лесам — это значило стереть дочиста полозья нарт и сделать их негодными для обратного пути через льды, а также измотать собак трудной работой.

Единственным приемлемым решениемказалось — оставить все лишнее имущество и собак под надзором одного человека тут же у сугробов; здесь было прохладно, а человек мог уделять все свое время на добычу пропитания себе и собакам посредством охоты. Остальные четверо пешком и налегке могли предпринять экскурсию по Земле Санникова, возвращаясь время от времени к этой базе для сдачи собранных коллекций.

Горохов, знавший чукотский и ламутский языки, был необходим для сношений в случае встречи с онкilonами, поэтому оставаться сторожить вещи и собак приходилось Никифорову. Последнего несколько смущала необычная обстановка, но вообще он, как и все промышленники севера, не боится провести несколько дней или даже неделю в одиночестве; свора собак представляла достаточную защиту от хищных зверей, а вместе с тем доставляла достаточно забот, так что скучать от бездействия не приходилось.

Выбрали место между двумя сугробами, поставили палатку и употребили конец дня на сортировку вещей. Идя в глубь котловины пешком, нельзя было обременять себя большим грузом; приходилось брать только самое необходимое — небольшой запас одежды, белья и обуви, ружья и заряды к ним, котелок и чайник, рассчитывая питаться охотой и ночевать под открытым небом.

К вечеру небо покрылось тучами и пошел мокрый снег, иногда сменявшийся дождем; пришлось укрыться в палатку.

— Эта погода показывает нам, что нужно принять какие-нибудь меры, чтобы оставляемые вещи, нарты и байдара за лето не попортились и не погнили, — сказал Горюнов.

— Придется выстроить щалаш из кольев и коры, — заметил Ордин.

— Это будет плохая защита, да и за корыем придется далеко ходить, — заявил Горохов.

— А эти сугробы на что? В глубине они наверно не тают. Выроем в них пещеру и сложим там все вещи; будет и сухо и холодно, и от хищников безопасно.

— А для собачек выроем другую, — прибавил Никифоров, — они жары не любят, да и запирать их на ночь можно будет, чтобы не разбегались.

— Не только на ночь! Пойдешь на охоту с двумя-тремя, а остальных запрешь. Не всю же свору с собой водить! Этак ничего не добудешь, они всех зверей распугают, — заметил Горохов.

— Совершенно верно! Мысль прекрасная — сказал Горюнов. — Завтра с утра мы ее претворим в дело.

В этот вечер в палатке было холодно и неуютно; дров не

ыло и ужин сварили кое-как на хворосте, набранном по соседству в полосе кустарника. Поэтому рано легли спать. Но доносиившиеся из котловины гораздо более близкие различные звуки — мычанье, блеяние, рев животных — часто тревожили собак, поднимавших лай и вой и будивших спящих.

— Не завидую я Капитону, который все время будет спать возле этих горланов! — проворчал Костяков во время одного из концертов.

— Когда он запрет их в сугговую пещеру, они будут спокойнее, — ответил Горюнов, поворачиваясь на другой бок.

Утром принялись за работу и при помощи топоров вырубили в сугробе, вблизи того места, где он примыкал к базальтовому обрыву, глубокую галлерею. Под поверхностным слоем снега оказался сплошной лед, который очевидно лежал уже целые столетия, так что нельзя было опасаться, что он за лето растает. В трот сложили лишние вещи, байдару и две нарты, а вход заложили глыбами льда, чтобы вглубь не мог проникнуть теплый воздух и чтобы какой-нибудь хищник не мог в отсутствие Никифорова забраться внутрь. По соседству вырубили еще три грота поменьше, каждый для одной упряжки собак.

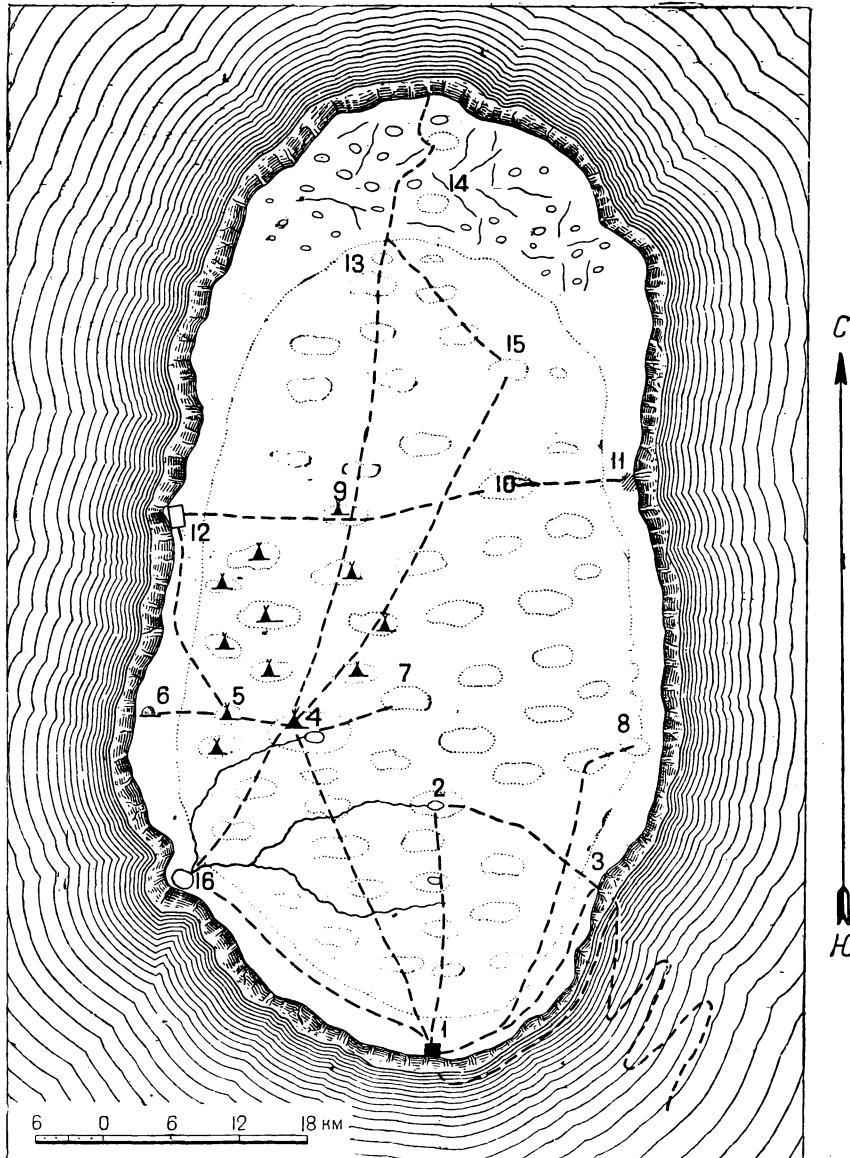
Третью нарту оставили Никифорову, чтобы он мог подвозить к своему жилью дрова из леса и туши добытых животных. Никифоров, которому ледяные пещеры очень понравились, намеревался вырыть еще одну для хранения мяса, а вторую для себя и палатку поставить внутрь последней, чтобы спать спокойно, не опасаясь нападения. В пещеру ночной незваный гость мог проникнуть только с одной стороны, а не со всех, как в палатку, и достаточно было положить пару собак у входа, чтобы чувствовать себя в полной безопасности.

Эти работы заняли почти целый день; успели только сходить на опушку ближайшего леса и нарубить дров для ночлега.

11

СТРАННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Утро, хотя и хмурое, но без дождя и тумана, позволяло начать исследование котловины. Четверо путешественников

Карта Земли Санникова

1—база у сургобов; 2—первое пузыряющееся озеро; 3—пещера с костями; 4—главное стойбище онкилонов; 5—жилье шамана; 6—священный камень; 7—поляна носорогов; 8—стойбище дикарей; 9—северное стойбище онкилонов; 10—поляна засады; 11—пещера дикарей (место битвы); 12—кладбище онкилонов; 13—окраина леса; 14—долина Тысячи Дымов; 15—поляна мамонтов; 16—священное озеро.

с котомками за спиной, с ружьями на плече, двинулись на север; они взяли с собой двух наиболее смуглых собак, вожатых упряжек; одна была совершенно черная, другая почти белая; первую звали Крот, вторую — Белуха. Никифоров с третьим вожаком — Пеструшкой — провожал товарищей, чтобы добыть себе и собакам пропитание на ближайшие дни.

По мере отдаления от сугробов растительность становилась более обильной; мох сменила трава, затем пошли кусты полярных березы, ивы и ольхи, ставшиеся по земле. Сюда ненадолго уже заглядывало полуденное солнце и растительность пробуждалась к жизни. Чем дальше, тем выше становились кусты и затем полярные виды уступили место представителям более умеренной полосы — появилась лиственница, белая береза, ольха, а среди травы пестрели первые цветы. Деревья достигали трех-четырех метров высоты, образуя небольшие рощи, перемежавшиеся с полянами.

При проходе через одну такую рощу собаки, бывшие на привязи, обнаружили беспокойство, стали рваться вперед и ворчать. Приготовив ружья, путешественники осторожно подошли к опушке и увидели на поляне небольшое стадо пасущихся животных. Видны были черные спины с довольно большими горбами и пушистые короткие хвосты, напоминавшие большую кисть. Когда одно из животных подняло голову, то оказалось, что она похожа на бычью, но короче и круче и увенчана большими, загнутыми вперед и вверх рогами. Животное уже почувствовало опасность и издало глухое мычанье, встревожившее все стадо.

Медлить было нельзя. Горюнов выстрелил из своего винчестера в ближайшего быка, который подскочил и упал на колени. Остальные в недоумении шарахнулись в разные стороны, но не убежали. У некоторых рога были короче и тоньше; видны были и телята разного возраста.

Спустив собак, охотники побежали к раненому быку. Стадо при виде людей пустилось наутек, но собакам удалось остановить теленка, который и был застрелен Никифоровым. Раненый бык при приближении людей поднялся и бросился им навстречу со свирепым ревом; наклонив голову и выставив огромные рога, он несся вперед, оставляя кровавый след. Но

собаки, подбежавшие сбоку, обратили на себя его внимание; он круто повернулся к ним и в это время получил еще две пули, которые его свалили.

Обступив жертву, охотники с удивлением рассматривали ее.

— Как хотите, это не мускусный бык, как можно было думать, — заявил Костяков. — У него и шерсть короче, и голова и рога другие.

— Да он похож на тибетского дикого яка, которого я видел в зоологическом саду! — сказал Горюнов.

— Но здесь на севере единственным представителем этого семейства является мускусный бык, *Ovibos moschatus*, — заметил Ордин, — да и тот водится в Северной Америке, а не в Азии.

— Вы правы, но только это не овцебык, это беспорно.

— Но как же мог тибетский як очутиться здесь, так далеко от своей родины, за десять тысяч километров?

— Это очевидно еще одна из загадок Земли Саникова, которую он задает нам, — заметил Костяков. — Может быть онкилоны привели этих быков с собой и мы нарушаем их право собственности?

— Нет, быки эти дикие! — заявил Горохов. — В нашей земле никогда таких не было.

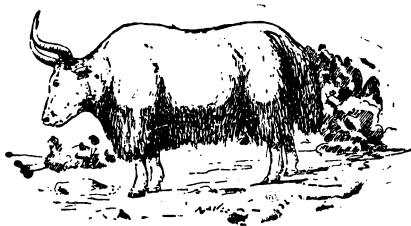
— Для решения загадки нам придется сохранить и увезти с собой хотя бы его череп с рогами, — сказал Горюнов. — Мне помнится, что у яка рога загнуты на концах больше вверх и вообще тоньше, а хвост короче и туже.

В это время Никифоров приволок добытого им теленка, имевшего только две-три недели от роду.

— Вот-то вкусное жаркое будет! — заявил он. — Много лет я не едал телятины.

— Возвращайтесь сейчас на стан, Капитон, — распорядился Горюнов, — и приведите нарту, а мы пока освежаем зверей.

Никифоров с Пеструшкой пошли назад, ориентируясь на

Первобытный бык

снеговые сугробы, которые отлично выделялись на черном обрыве позади низкой полосы леса.

Остальные стали снимать шкуры с быка и теленка, причем Горюнов обмерил животных и записал их приметы. Над поляной уже кружилось несколько крупных птиц, повидимому грифов, которые рассчитывали, что люди оставят им часть своей добычи. Но их надежды были обмануты, потому что Никифоров догадался привести всех собак, чтобы накормить их досыта на месте и облегчить груз мяса, который приходилось везти к стану. На прощанье ему было наказано сохранить черепа и шкуры всех животных, которых он добудет, сберегая их в ледяной пещере.

Четыре путешественника отправились дальше. По мере удаления от окраины котловины деревья становились выше, трава гуще; появились тополя, осина, черемуха, жимолость, шиповник и другие кусты; иные уже покрылись свежей листвой или зацветали. Горохов с изумлением разглядывал растительность, потому что в окрестностях Казачьего и по всему берегу ничего подобного не было, а южнее он бывал только в зимнее время. Остальных также немало удивило то, что здесь, под 80° широты, растут формы, которые в Сибири не переходят за полярный круг.

Попрежнему чередовались луговые поляны и полосы леса, становившегося более густым; на двух полянах увидели пасущихся быков и с интересом наблюдали их. Но животные при приближении людей обратились в бегство. Это доказывало, что в котловине живут люди, охотящиеся за быками, но не имеющие огнестрельного оружия, так как выстрелы животных не путали. На одной из полян, километрах в восьми от окраины котловины, кроме черных быков заметили каких-то бурых животных того же роста. Когда одно из них подняло голову, Горохов воскликнул:

- Смотрите, Матвей Иванович, ведь это же конь надо быть!
- Похоже на то! Неужели домашний?
- Едва ли; все они одной масти, бурые, с черной полосой вдоль хребта, жидким хвостом и жидкой гривой, да и уши у них длинные, — заявил Ордин, рассматривавший животных в бинокль.

— Тогда они похожи на дикую лошадь, которую Пржевальский открыл в глубине Центральной Азии! — сказал Горюнов.

— Но здесь, среди полярных льдов? Еще одна загадка этой странной земли! — воскликнул Костяков.

— Попытаемся подойти к ним поближе.

Огибая поляну по опушке леса охотники немного приблизились к лошадям. Они паслись отдельно от быков. Один из них, очевидно старый жеребец, вожак табуна, постоянно подымал голову, осматривая поляну и, раздувая ноздри, нюхал воздух. Вдруг, заметив людей, он издал тревожное ржание, отчасти напоминавшее ослиный рев, и весь табун, штук двадцать взрослых и десяток жеребят, помчался прочь, подняв головы и изогнув хвосты.

— Эх, упустили дичь! — вздохнул Горохов. — Жеребеночка бы свалить, вкусные они.

— Ну, зачем? Мясо у нас есть на сегодня, а нагружаться нам не к чему. Да и жаль убивать зря.

— А для коллекций? — заметил Ордин, — разве это не редкость, дикая лошадь и вероятно особой породы.

— Просто одичавшие лошади, — предположил Костяков.

— Не может быть! Все кони у нас белые, редко когда серые или в яблоках, — заявил Горохов.

— И стать совсем другая, — прибавил Горюнов. — Очевидно благодаря каким-то невыясненным еще условиям на Земле Санникова сохранились животные предшествовавшего геологического периода, вымершие в других странах.

— Вот как в Австралии сохранилась дикая собака, кенгуру, и другие странные сумчатые животные, примитивные млекопитающие, бескрылье птицы и тому подобные «живые окаменелости», как их называют, — пояснил Ордин.

— Вы пожалуй, скажете, что здесь проживает мамонт, длинношерстый носорог, пещерный медведь и другие современники первобытного человека, — засмеялся Костяков.

— Вполне возможно, если только человек не истребил их, — ответил Горюнов.

— И интерес, который представляет Земля Санникова по своему положению и форме, еще увеличится ее живыми окаменелостями, — прибавил Ордин.

— Подойдем к озерку, которое я вижу вот там среди поляны, — предложил Костяков. — Не увидим ли в воде бегемота?

— Бегемот не живая окаменелость, — поправил Горюнов, — а водится в большом числе в реках Африки и здесь мы его не найдем.

Но добраться до озера не удалось; по мере приближения к нему почва становилась все более вязкой и наконец превратилась в трясину, колебавшуюся под ногами и поросшую болотными растениями. Очевидно озеро прежде было гораздо больше, но постепенно заастало от берегов вглубь. Поэтому ни попробовать его воду, ни посмотреть, есть ли в нем рыба и какова она — не пришлось. О бегемоте конечно и речи быть не могло; его тузная туша провалилась бы в трясину при первых же шагах.

За этой поляной начался более густой и высокий лес с таким густым подлеском из молодых деревьев и кустов, что, не будь троп, протоптанных животными, движение было бы очень трудно.

Подвигаясь по такой тропе, путешественники слышали громкое весеннее пение разных птиц, воркование горлиц; в отдалении даже послышался зов кукушки. Замечены были сойки, сороки и галки, а в вышине плавали два орла, высматривая добычу на полянах.

— Положительно чудесная страна! — удивлялся Горюнов. — Можно подумать, что мы находимся где-нибудь в южной полосе Сибири, а не в десяти градусах от северного полюса.

— Да, одно только низкое положение солнца, несмотря на полуденное время, показывает, что мы на крайнем севере, — заметил Ордин.

— А мне эти черные зубчатые вершины окраинного обрыва с их полосами снега напоминают мою родину — долину Иркута, вдоль которой тянутся Тункинские альпы такого же вида, — сказал Костяков, — а растительность и птицы увеличивают иллюзию.

На следующей поляне, также с озером посередине, заметили пасущихся быков и лошадей и решили остановиться на опушке, чтобы понаблюдать за ними, а кстати сварить обед. Ру-

чеек, вытекавший из озера и пересекавший поляну, давал возможность набрать чистой воды. Расположились на самой тропе у выхода ее на поляну среди кустов, быстро развели огонь, повесили чайник и котел для супа, нарезали шашлык из телятины и, нанизав на прутики, поставили жариться. Сами уселись в кустах возле тропы, откуда через просветы можно было видеть пасущихся животных.

Вдруг в глубине леса послышался тяжелый топот, быстро приближившийся. Изумленные путешественники едва успели откинуться в кусты, как по тропе промчалось огромное темнобурое животное, издававшее глухой рев.

— Это что такое было? Что за чудище? — шептал перевернутый Горохов.

— Заметили вы огромный рог у него на носу? — спросил Горюнов, не менее *Длинношерстый носорог Rhinoceros horhinus* пораженный.

— И кудый поросячий хвостик? — добавил Костяков.

— А вот его следок! — сказал Ордин, указывая на отпечаток ноги на мокром месте тропы, где выпилили лишнюю воду; этот след имел почти восемнадцать сантиметров в диаметре и оканчивался впадинами, оставленными несколькими копытами.

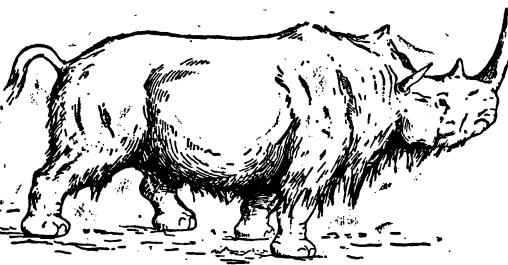
— Итак мы видели еще одну живую окаменелость — искощаемого длинношерстного носорога! — сказал Ордин.

— А будь она проклята за ее живость, эта окаменелость! — воскликнул Костяков. — Она весь наш обед изгадила.

Действительно носорог, пронесшийся ураганом по тропе, наставил беды: котел с супом был отброшен в кусты и конечно пуст, мясо валялось на траве, палочки с шашлыком растоптаны, чайник лежал на боку.

— Начинай сначала, повар! — усмехнулся Горохов, подбирая котел и чайник, чтобы идти за водой.

— Этакое неуклюжее чудище, — ворчал Костяков, собирая по тропе кусочки мяса. — Мало ему было места на тропе!

— В другой раз будем умнее, — смеялся Горюнов, — и расположимся в сторонке от звериного тракта.

— Еще кто-то бежит! — крикнул Ордин и прыгнул в кусты; остальные последовали за ним.

Через несколько секунд по траве с таким же глухим ревом пробежали один за другим три носорога, которых успели рассмотреть лучше. Спереди был самец с огромным рогом на морде, позади которого возвышался второй рог гораздо короче. За ним следовала самка с одним небольшим рогом, а в хвосте — детеныш, безрогий, еле поспавший на своих коротких ножках за родителями. Все трое были покрыты редкой, но довольно длинной чернобурой шерстью.

— Ну, ребята, берегитесь! — предупредил Горюнов. — Вероятно они от какого-то хищника убегают. Приготовьтесь к ружью!

Не успел он сказать это, как на тропе показался хищник, в котором нетрудно было узнать медведя, но огромной величины; он бежал, низко опустив голову и обнюхивая землю, слепка переваливаясь с ноги на ногу. Заметив догоравший и дымивший огонь у тропы, он сразу остановился, поднял голову, раскрыл пасть, показав свои огромные клыки и красный язык. Но тут его сзади атаковали собаки и он круто повернулся и побежал назад, издавая недовольное ворчанье.

— Ну, товарищи! — возгласил Горюнов, — переберемся-ка на поляну. Здесь видно звери не дадут нам не только что сварить обед, а даже съесть его спокойно.

— Матерой Мишка! В жисть я таких не видывал... — сказал Горохов, вылезая из кустов.

— Огромный, да не очень храбрый, собак испугался! — смеялся Ордин. — А знаете ли, я уверен, что это не просто очень крупный бурый медведь, а ископаемый пещерный, современник носорога и мамонта. Вы заметили, каковы у него челюсти?

— Значит, еще одна живая окаменелость! Наша коллекция очень быстро увеличивается и становится слишком неправдоподобной, — сказал Костяков.

— Да, придется фотографировать всех этих ископаемых животных прямо на лоне природы, иначе нам никто не поверит, — заметил Горюнов. — Жаль, что у нас мало фотографи-

ческих пластинок взято. Но кто же мог знать, что Земля Санникова — зоологический или вернее палеонтологический сад.

— Теперь вы можете, Никита, рассказать вашим приятелям каюрам, что видели сами на голове носорога тот рог, который они считают когтем птицы экзекю.

— Да я же видел эту тварину и раньше.

— Где же это? Сегодня ночью, что ли?

— Нет, давно дело было. На речке Ачаде, что справа в Яну падает, в весеннюю пору из берега такой же зверь вывалился и у воды лежал. Песцы уже объели у него морду и выели брюхо, когда он мне попался. Тогда наш исправник о нем губернатору докладывал, а тот чиновника послал, чтобы зверя увезти. Да только к его приезду ничего не осталось, песцы мясо съели, а кости река схоронила.

— Так всегда бывает с этими находками, — пояснил Горюнов. — Пока их кто-нибудь случайно увидит, пока сообщит по начальству, а последнее в Петербург Академии, пока она командирует ученого для осмотра — проходят многие месяцы. А хищники и реки не дожидаются. И сколько редких находок уже пропало.

— Ну, мы с вами привезем кое-что лучшее! — сказал Ордин, — шкуры, черепа и фотографии не дохлых, а живых ископаемых животных.

— Фотографии — пожалуй, но на счет черепов и шкур придется сильно экономить, они очень тяжелы и объемисты, а у нас всего три парты, — заметил Костяков.

— А уж череп и шкуру мамонта не увезешь с нашими средствами передвижения! — рассмеялся Горюнов.

— Вы, кажется, рассчитываете, что мы увидим и живого мамонта? — спросил Костяков насмешливо.

— Почему же нет? Если здесь благоденствует и плодится носорог, как мы видели только что по его детенышу, то может жить и мамонт.

— Ну, ваши онкилоны давно истребили его, если застали здесь.

— А ради чего? Бивни им ненужны, продавать их некому; дичи и без мамонтов довольно, а добывать эту машину без огнестрельного оружия нелегко.

— Но ведь человек каменного века охотился на мамонта с еще более примитивным оружием.

— А я полагаю, Матвей Иванович, — вмешался в разговор Горохов, — что если этот самый мамонт тут проживает, то ему здешние люди поклоняются, как священному зверю вроде птицы эхесекю.

— Вполне возможно, Никита. И поэтому я надеюсь, что мы этого зверя увидим.

Собрав пожитки, перебрались на край поляны возле ручья и снова развели огонь. Поляна оказалась пустой, вероятно лосороги своим толпотом и ревом испугали всех животных.

— И тут напакостили! — заметил Ордин. — А я надеялся, пока варится обед, подкрасться по опушке и сфотографировать быков и лошадей.

— Да, остались только птицы, которые интересны только как жаркое! — сказал Костяков, указывая на стаю уток, летавших над озером.

12

ПУЗЫРЯЩИЕСЯ ОЗЕРА

Без дальнейшей помехи побежали, отдохнули и пошли дальше, придерживаясь берега ручья в надежде, что он приведет к озеру. Эта надежда оправдалась; хотя луг становился все болотистее, но вдоль ручья удалось пройти, и вскоре перед глазами открылась площадь воды до полукилометра в диаметре, окаймленная зеленью камышей; большие кувшинки расстилали по воде свои листья вперемежку с мелкими листьями водяного ореха (*Trapa natans*) — растения, почти вымершего на земле, а здесь существовавшего в изобилии. Дно озера, покрытое водорослями, медленно уходило вглубь и среди подводной зелени сновали жуки и плавали стайки мелкой рыбешки. Дальше на озере плавали утки, гуси и чайки, а всплески в разных местах выдавали присутствие более крупной рыбы. Полуденное солнце, прорываясь через тучи, освещало косыми лучами эту мирную картину обильной жизни, невероятную для подобной широты.

— Ручей-то ведь течет не в озеро, а из озера! — заметил Горюнов.

— Что же из этого следует?

— А следует то, что воды котловины должны иметь какой-нибудь выход в море, т. е. кольцо гор должно быть где-нибудь разорвано донизу.

— Допустим, что так.

— Нам важно выяснить это. Снеговые сугробы, по которым мы спустились, за лето сильно понизятся и по ним уже нельзя будет подняться наверх. Стало быть только разрыв в горах даст нам возможность выйти из котловины.

— Но его может и не быть, — сказал Ордин. — Вода может стекать по подземному каналу. В потоках лавы такие каналы бывают нередко. Вспомните дельфинов Гавайских островов из курса геологии.

— Это что такое? — спросил Костяков.

— Это длинные туннели в потоках лавы, которые тянутся от морского берега вглубь. Во время прилива вода заполняет их и выбивается фонтанами через трещины. Отсюда и название.

— Неправильное, потому что дельфины не пускают фонтанов воды, как киты, а только разбрызгивают воду, играя, — заметил Горюнов. — Но для нас отсутствие разрыва будет приятно, придется ждать конца зимы, когда сугробы опять начнут расти.

— Ну, что же, зимовка на Земле Санникова входила в наши планы, если окажется возможной. А теперь ясно, что зимовать здесь можно.

В это время Горохов, не спускавший глаз с озера, прервал беседу восклицанием:

— Смотрите-ка, что там творится! Какое-то чудище из воды лезет!

На середине озера вода вздувалась медленно большим плоским бугром или пузырем. Вдруг этот пузырь лопнул и из него вырвался клуб белого пара, быстро рассеявшийся в воздухе. По всему озеру от этого места разбежались круговые волны и плавающие птицы покачивались на них.

— Уж не кит ли живет в глубине или другой крупный зверь? — предположил Горохов.

— Киты в пресной воде не живут, — заметил Горюнов. — Но что за причина этого явления?

В это время Ордин вынул из футляра термометр и погрузил его в воду. Горохов рассмеялся — настолько бессмысленным показался ему этот способ узнать, кто живет в озере.

— Представьте себе, вода имеет 25° тепла по Цельсию! — воскликнул Ордин.

— Ранней весной под этой широтой и 25°! Это непостижимо! — сказал Костяков. — Вы не ошиблись ли десятка на два?

— Смерьте сами, если не верите.

— Но как же объяснить это?

— Очевидно озеро имеет подземный приток горячей воды или скорее даже пара, судя по тому, что мы только что видели. А это согласуется с моим предположением, что котловина — дно кратера старого вулкана, в глубине которого еще сохранилось достаточно тепла, выделяющегося время от времени по трещинам.

— Нужно подождать, не повторится ли это явление, — сказал Горюнов.

— Подождем. А пока я скажу, что если таких озер здесь много, то одна из причин теплого климата Земли Санникова найдена.

Круговые волны успокоились и озеро снова стало гладким, как зеркало. Все с интересом смотрели на него в ожидании. Горюнов держал в руке часы. Через тридцать две минуты после первого вздутия, вода снова начала подниматься пузырем, который достиг примерно двух метров высоты, после чего лопнул с выделением пара.

— Ваше объяснение очевидно правильно! — сказал Горюнов. — Мы имеем периодическое выделение пара или горячего воздуха из недр земли, которое непосредственно и через воду озера согревает котловину.

— А озер мы видели целый ряд, рассматривая котловину с высоты ее окраин.

— Я все-таки смею, что это кит пускает фонтан, — заявил Горохов, для которого явления вулканизма были непознаны.

— Ну как же мог кит пробраться в озеро, Никита? Не может же он перелезть через эти горы.

— А как попали сюда носороги, быки и лошади, которые не могут лазать по отвесным обрывам? — спросил Костяков.

— Вы плохо знаете геологическую историю Новосибирских островов, — возразил Ордин. — В начале четвертичного периода они составляли еще часть материка Сибири и тогда этот вулкан, очевидно уже потухший, мог быть заселен животными; потом произошли разломы и значительные площади опустились на дно моря, а остальные превратились в острова. Животным путь спасения на материк был отрезан, и в связи с ухудшением климата они вымерли на всех островах, кроме Земли Санникова, благодаря ее теплой почве.

— Но это не объясняет, как спустились крупные животные в эту яму!

— Во-первых, в то время могли существовать более глубокие разрывы в стенах кратера, позже завалившиеся. Во-вторых, мы видели только небольшую часть окраин, и где-нибудь дальше на севере может быть более или менее удобный вход.

— Я теперь не сомневаюсь, что мы откроем здесь еще много неожиданного и интересного, — сказал Горюнов. — И я очень рад, что деньги, которые старый академик дал нам так доверчиво, не истрачены напрасно и наука получит такой ценный дар — рассадник вымерших животных.

— А может быть и людей, — прибавил Ордин.

— Жаль только, что наша экспедиция так мало подготовлена для научных наблюдений. Мы не можем заменить опытных ученых и наверно многое прозеваем.

— Что же делать! Мы открыли эту чудесную землю и путь к ней. Академия конечно снарядит большую экспедицию из ученых разных специальностей, а мы будем их проводниками.

За время разговора среди озера вновь поднялся водяной бугор и явление повторилось в точности.

— В этот раз я заметил точно время, — сказал Ордин, — промежуток ровно тридцать три минуты.

— Но как же рыбы и птицы живут в горячей воде? — поинтересовался Горохов.

— А вы обратили внимание, что птицы не подплывают к середине озера? Вероятно вода становится слишком горячей вблизи места извержения, и они ее избегают.

— И рыба тоже не держится там, а в стороне ей простора достаточно.

Налюбовавшись вдоволь озером, пошли дальше, обогнув поляну ближе к опушке. В одном месте наткнулись на ту же семейку носорогов, которая промчалась через их стоянку; папаша и мамаша, задрав головы, обедали молодые побеги на кустах, помахивая от удовольствия хвостиками, а детеныш то пощипывал траву, то резвился неуклюжими прыжками, на которые нельзя было смотреть без смеха;казалось, что это прыгает порядочная бочка, к которой ради шутки прилеплены четыре толстые столбика. Притаившись за кустами, путешественники долго любовались на эту семейную идиллию и увековечили ее на фотографической пластинке. Только Горохов взглянул на семью более прозаическими глазами, хотя и смеялся, глядя на прыжки носорожонка; он сообразил, сколько пудов сала можно было бы добыть из этого бочонка и сколько хороших прочных ремней для нарт можно было бы нарезать из его кожи.

Он уже схватился за ружье, чтобы осуществить свои хозяйствственные соображения, и Горюнов едва успел остановить его, шепнув:

— С ума сошел, Никита! Старики растопчут нас, если мы тронем их детеныша! С этими зверями шутки плохи.

Осторожно обогнув по лесу носорогов, вышли на тропу, пересекавшую следующую лесную площадь; деревья поднимались здесь уже до десяти метров, а туской подлесок не позволял подвигаться вперед без затруднений и шума. Тропа представляла опасность встречи с каким-нибудь крупным зверем и, наученные опытом, путешественники держали ружья наготове, а вперед пустили Крота, который привык к безлесной тундре севера Сибири и в лесу не решался шнырять по чаще и отделяться от людей.

В лесу было много жижи. Кроме разных мелких птиц, видели рябчиков, посвистывавших на ветвях, пестрых соек, перекликавшихся друг с другом, сорок, перелетавших с де-

рева на дерево и трещавших без умолку; слышны были голоса дроздов и других певчих птичек. Шорохи в кустах обнаруживали присутствие каких-то мелких млекопитающих. За одним поворотом, когда тропа показалась по прямой линии впереди, увидели вдали темную массу какого-то крупного хищника, повидимому медведя, который медленно шел навстречу, обнюхивая землю. Заметив людей, он круто свернул с тропы и скрылся в чаще.

— Этих мишек здесь видно немало шатается! — заметил Горохов.

— Но только как будто трусливые, — сказал Костяков.

— На какого нападешь! Если голодный, то полезет и на человека.

— Нужно принять за правило держать в половине наших ружей патроны с разрывной пулей на всякий случай, — заявил Горюнов.

В этот раз лес тянулся без перерыва километра два; за ним снова оказалась поляна с ручьем, окаймленным довольно крупными тополями, ивами, кустами черемухи, боярки, шиповника, из которых раздавался многоголосый птичий хор. Вдоль ручья добрались до озера, которое было еще больше и без толпки берегов.

— А что, это озеро тоже пузырится, интересно бы знать? — спросил Ордин.

— Присядем, отдохнем и посмотрим.

Так и сделали и посидели с четверть часа, наблюдая птиц в разных местах; частые всплески обнаруживали обилье рыбы.

— Ну и благодать здесь, а не жизнь! — восхищался Горохов.

— Дичи всякой, рыбы — сколько хочешь, не то что на нашей бедной тундре.

— Теперь понятно, почему перелетные птицы стремятся сюда, не боясь перелета через льды и снега океана; здесь им приволье, — сказал Горюнов.

— Странно, что не все слетаются сюда, а многие остаются по всей северной тундре.

— При перелетах птицы руководятся только инстинктом, передаваемым из поколения в поколение, — пояснил Горюнов.

— Сюда летят только те, которые родились здесь, а те, которые родились на тундре, остаются там и не летят дальше на север, хотя видят, что другие улетают.

— Да, кабы птицы были умнее, нам на тундре плохо стало бы жить. Пролетная птица и ленные гуси нас часто спасают от голодовки, когда улов рыбы или промысел зверя плохой,— сказал Горохов.

— Замечено, что местами птицы не летят по прямой линии, а делают большой крюк только потому, что так летали их предки, огибая местности, неудобные для спуска на отдых, например покрытые ледниками, которые давно исчезли, или сплошными лесами, которые вырублены.

В это время среди озера вода медленно начала подниматься, но не одним бугром, а двумя — на некотором расстоянии друг от друга. Оба бугра выпустили по клубу пара и осели.

— Нужно подождать следующего извержения, чтобы определить периодичность, — предложил Ордин.

— Что же, подождем, а пока сварим чай.

Выбрали удобное место, развели огонь и повесили чайник. Горохов, захватив двустволку, стал подкрадываться к стайке уток, плававших по соседству вблизи берега. Вскоре раздался выстрел, после которого утки взлетели, оставив двух на месте. Но затем послышался второй выстрел и вслед за ним крик Горохова:

— Скорее сюда, помогите!

Все трое, схватив ружья, побежали к месту происшествия; но тростник и кусты задержали их немного и когда они добрались, то увидели Горохова, лежащего на брюхе возле воды, по которой расходились большие круги, словно туда только что погрузилось крупное тело.

— Что такое? В чем дело?

— Эх, опоздали, милые! — огорченно сказал Горохов, поднимаясь на ноги, — она ушла!

— Кто она? Рыба что ли?

— Нерпа, настоящая нерпа! — со вздохом ответил промысловник.

— Не может быть! — заявил Костяков. — В пресной воде нерпа не живет. Это вероятно была речная выдра.

— Ну вот еще что скажете! — возмутился якут. — Мало ли я добыл нерп на своем веку.

— Где же она была?

— Вон здесь, между кочками. Когда я пальнул в уток, она приподнялась из травы и глядит на меня, словно очумелая. Я не утерпел и утинным зарядом в нее бухнул. Она завертелась, я к ней, навалился и заревел вам. Да покуда вы бежали, она вырвалась из рук, скользкий зверь ведь, не за что уцепиться, и поминай как звали.

Нерпа (тюлень) в озере

— Что же, большая она была?

— Нет, куда поменьше наших; может быть молоденькая.

— Как же очутилась нерпа в озере? — недоумевал Костяков. — Не верится мне все-таки.

— Вы ошибаетесь, Павел Николаевич! — сказал Ордин. — Вспомните, что в Байкале, тоже пресном, водится особый вид нерпы *Phoca sibirica*. Говорят, что она живет и в озере Орон, составляющем расширение реки Витима между двумя его порогами. А здесь, так близко от Ледовитого моря, ее присутствие еще более понятно.

— Но как она могла проникнуть в это сравнительно маленькое озеро?

— Это доказывает, что озера Санниковой Земли прежде были больше и имели более свободное сообщение с морем. В то время нерпы и забрались сюда; может быть вся эта земля представляла морской залив и имела соленую воду, а затем отделилась, и залив, превращенный в озеро, постепенно опреснился, так что нерпы мало-по-малу, может быть в течение целых поколений, приспособлялись к пресной воде.

Вернувшись к чайнику, который уже кипел, путешественники вскоре были свидетелями вторичного извержения пара в центре озера. Промежуток оказался в сорок минут.

После чая, огибая озеро по самому берегу, путешественники убедились в правдивости слов Горохова.

В одном месте они увидели высунувшуюся из воды голову небольшого тюленя, который глядел на людей своими бархатными круглыми глазами. Но собаки, узнав хорошо им знакомого зверя, представлявшего лакомую добычу, бросились с тромким лаем к берегу и тюлень, презрительно фыркнув, скрылся.

— Ваша правда, Никита, это конечно нерпа! — сознался Костяков.

13

ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ ЧЕЛОВЕКА

За поляной снова начался лес, в котором опять шли по звериной тропе, пустив собак вперед.

Среди леса вдруг послышался отчаянный лай последних. Приблизившись с ружьями наготове, путешественники увидели, что собаки остановили целый табун лошадей, бежавших очевидно к озеру на водопой. Собаки, поджав хвосты, лаяли и визжали, а лошади смотрели с изумлением на этих храбрых карликов, осмелившихся загородить им дорогу.

Они были копытами землю, хранили, но не решались двинуться вперед.

— Ну, что нам делать? — недоумевал Костяков. — Путь загорожен.

— Придется стрелять! — предложил Горохов.

— Но только не пулей! — заявил Горюнов. — Мяса у нас достаточно, стоят они неудобно и раненый вожак бросится на нас, а за ним весь табун. Стреляйте утиной дробью, она щелкнет по всем ближайшим и испугает их.

Гром выстрела, прокатившийся по узкому зеленому коридору тропы, и мелкая дробь, осыпавшая передовых лошадей, произвели удивительный переполох.

Дикое ржание отгласило воздух, лошади взвивались на дыбы, поворачиваясь в тесноте, опрокидывали друг друга и ломая кусты и молодые деревья по бокам тропинки. Сплоченной массой табун наконец повернулся и помчался обратно.

— Теперь можно идти спокойно, никого не встретим в лесу, — сказал Ордин.

Дикая скачка табуна действительно распугала не только животных, но и птиц, которые на некоторое время замолкли. Беспрепятственно дошли до следующей поляны, на которой внимание немедленно привлек к себе снежно-белый холм, возвышавшийся в центре и резко выделявшийся на зеленом фоне луга и леса.

— Вот те раз, какой большой сугроб! — воскликнул Горохов.

— Скорее наледь, не успевшая растаять, — поправил Горюнов.

— Разве тарыны бывают такие высокие? — спросил Костяков.

— Нет, не бывают! Разве что это наледь очень сильного источника, образовавшаяся вокруг его устья.

— Тогда что же это такое?

Миновав луг, путешественники убедились, что холм возвышается среди небольшого озера, так что предположение, что это наледь или сугроб, отпадало. Вблизи холм представлялся в виде поднимавшихся друг над другом уступов и в бинокль можно было рассмотреть, что по ним струйками стекает вода.

С недоумением все рассматривали это странное возвышение, как вдруг из его вершины со свистом и шипением вырвался

фонтан, сопровождаемый клубами пара; он поднялся метров на десять и рассыпался дождем по уступам. Интересное явление продолжалось не более одной минуты, по истечении которой холм принял прежний вид и только слепка дымился.

— Теперь все понятно!! Это гейзер, горячий периодический источник, какие часто бывают в вулканических областях земли, — сказал Ордин.

— Вы правы, а холм — отложение кремнистого туфа, осаждающегося из выбрасываемой воды, пока она стекает по уступам.

Смерили температуру воды в озере, — она оказалась 35° по Цельсию и опущенной руке казалась горячей.

— Вот почему на озере невидно птицы, — сказал Костяков.

— Вероятно нет и рыбы, всплесков нигде невидно, — добавил Ордин.

Но озеро не было совершенно безжизненным. На дне его были видны странные красноватые водоросли, между которыми сновали массами мелкие ракообразные, очевидно чувствовавшие себя прекрасно в теплой воде. Но высшим животным она была не по вкусу — несколько уток, севших на озеро, с испуганным кряканьем снова поднялись, едва только коснулись воды.

— А не пора ли нам подумать о ночлеге? — спросил Горюнов.

— Да, солнце уже собирается сесть за горы, а впечатлений мы за день получили довольно, — согласился Ордин.

— И нужно выбрать удобное место, защищенное от хищников, — прибавил Костяков.

— Такое место мы не найдем, разве влезем на дерево и будем спать сидя на ветках, как птицы, что едва ли будет приятно.

— Я думаю, что нужно спать не в лесу, а на чистом месте и поеочередно караулить, — заявил Горюнов.

— Конечно, и все время поддерживать огонь, который пугает хищных зверей, — сказал Горюнов.

Так как возле озера топлива не было, то прошли вдоль ручья, вытекавшего из него, к опушке леса, вблизи которой

расположились под одиноким тополем. Засветло нарубили дров на всю ночь и разложили два костра; в промежутке между кострами и легли после ужина, разделив время на двухчасовые дежурства. Ночь прошла несовсем спокойно: по временам то ближе, то дальше раздавались разные звуки — мычанье быков, ржанье лошадей, рев носорогов, крики сов, а собаки отзывались на них ворчанием или лаем. С полночи туман начал окутывать поляну и свет луны на щербе еле пробивался; туман медленно полз на юг, по временам разрываясь, и луна на несколько минут ярко озаряла поляну, а белый холм среди озера иногда казался плавающим в молочном море. Его извержения повторялись каждые двадцать минут и также нарушали тишину легким ~~свистом~~ и шумом падающей воды.

На рассвете подул довольно сильный северный ветер и туман быстро рассеялся. Солнце, поднявшееся над восточной окраиной котловины, имевшей вид черного острозубчатого хребта с полосами снега по уступам и морщинам, застало путешественников уже готовыми для работы. В этот день решили ити на восток до окраины котловины и вдоль нее вернуться на базу у сугробов, чтобы проводить Никифорова, сообщить ему о существовании крупных медведей и носорогов и посоветовать не охотиться на них.

Вскоре нашли узкую тропу, ведущую с поляны на восток через лес, который тянулся несколько километров, постепенно мельчая. Добыли несколько рябчиков и большого глухаря, которого собаки загнали на дерево, откуда он с удивлением разглядывал странных зверей, пока выстрел не сбросил его вниз. Поляна, которая сменила лес, оказалась очень мокрой, а середина ее представляла настоящее моховое болото, занявшее очевидно место прежнего озера.

Пришлось отивать ее по опушке, где собаки вскоре выгнали крупного оленя.

— Так и есть, сохатый! — воскликнул Горохов.

Но это был не сохатый, а олень того же роста, с гордо поднятой красивой головой, увенчанной огромными рогами, которые соединяли в себе особенности рогов как лося, так и изюбра (благородного оленя); на рога последнего они походи-

ли своими размерами, на рога первого тем, что оканчивались широкой лопаткой с зубцами. Эта великолепная дичь раззадорила охотников и, остановленная напавшими на нее собаками, пала жертвой разрывной пули.

— На сохатого похож и непохож, — заявил Горохов. — Что за зверь, не знаете ли, Матвей Иванович?

— Я думаю, — ответил Горюнов, рассмотрев животное, — что это исполинский ископаемый олень, *Cervus euryceros*, современник мамонта.

— Но не из крупных, вероятно молодой экземпляр, — добавил Ордин.

— Нет, олень старый! — заявил Горохов. — Считайте, сколько отростков на рогах. По-моему, ему лет пятнадцать.

— Очевидно это мельчающая порода, — предположил Костяков.

— И редкая. Других зверей из живых окаменелостей мы видели много, а этого впервые встретили.

— Следовательно нужно его обмерить и захватить с собой череп и рога, — заявил Горюнов.

— Рога слишком тяжелы, да и сохранить их нельзя, — смотрите они весенние, мягкие, налитые кровью, — заметил Костяков.

— Жаль! Ну, фотография хоть будет. Я успел его снять, пока он отбивался от собак, — сказал Ордин.

Не теряя времени, произвели обмер, затем вырезали лучшие части мяса, накормили собак досыта, отрубили рога и унесли целиком голову для препарировки на базе.

— Мозг и язык на ужин! Это лакомое блюдо, — восторгался Горохов, вырезавший также кожу со спины для починки обуви.

За поляной снова пошел лес, который тянулся, постепенно редея, и мельчая, почти до подножия окраинного обрыва. Вдоль последнего расстипалось метров на пятьсот богатое мховище; зеленый печеночный мох и беловатый олений покрывали толстыми подушками неровную почву, скрывая свалившиеся с обрыва обломки камня.

— Эх, благодатное место для оленей! Сюда бы пригонять их на лето, — вздохнул Горохов.

— А вы заметили, что на Земле Санникова, несмотря на

обилие озер и болотистых лугов, почти нет гнуса? — спросил Горюнов.

— Да, да! Ни слепней, ни оводов, ни москитов и даже комаров совсем мало,— подтвердил Ордин.

— Словом, рай земной! Не то, что наша страна, где летом жизни не рад от гнуса, — прибавил Горохов.

— А вспомните, Никита, что вы говорили недавно про марево и шайтана, — засмеялся Горюнов.

— Может быть все, что мы видим, только наваждение? — спросил Костяков.

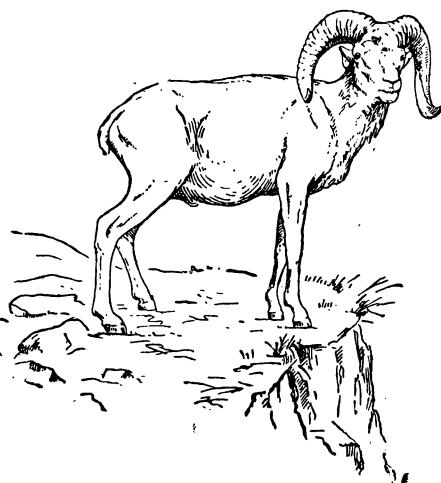
Горохов смущенно улыбнулся и покачал головой. Все, что он видел за эти два дня, было необычайно, но на наваждение не похоже.

— А вот, когда мы благополучно вернемся в Казачье, тогда я скажу, наваждение это или нет! — вывернулся лукавый якут.

На моховище заметили поблизости несколько пасшихся северных оленей, которые, увидев людей, быстро скрылись в кустах.

Ближе к подножию обрыва наткнулись на стадо каменных баранов, которые были скрыты огромной глыбой, свалившейся сверху. Они помчались сначала вдоль обрыва, а потом с изумительной ловкостью начали подниматься по узкому карнизу, перепрыгивая через широкие промежутки, разрывавшие его на части. На высоте метров ста они скрылись на более широком уступе.

Обрыв в виде мрачных черных стен с буро-красными подтеками и пятнами лишаев, тянулся высокими уступами вверх; он состоял из базальта, слагавшего очевидно всю окраину этой

Каменный баран, живущий и ныне в горах Северной Сибири

замечательной впадины. У его подножия растительности не было; здесь тянулся хаос свалившихся обломков, подернутых лишайами; кое-где в ямах между ними белел снег. Нависшая скала обратила на себя внимание путешественников. Она защищала от дождя площадку в несколько квадратных метров, свободную от обломков, но всю истоптанную и загаженную каменными баранами. В глубине ее было нечто вроде естественной ниши, на стенке которой острый взор Горохова заметил налет копоти.

— Ой, тут были люди! — воскликнул он.

— Те, которые пасли каменных баранов? — засмеялся Костяков.

Все столпились возле ниши; в глубине ее оказалось несколько головешек, угли, зола, обгорелые кости. Осмотрев внимательно площадку, нашли несколько очень трубо обделанных кремневых орудий и осколки кремня.

— Люди каменного века! — заявил Ордин. — И даже не неолита, а палеолита, судя по примитивности обделки.

— Когда же они жили здесь? Может быть тысячу лет тому назад? — подхватил Костяков.

— Нет, огнище довольно свежее. Оно на самой поверхности не покрыто обломками скалы, а только пылью, которую вероятно поднимают бараны, топчась здесь.

— Следовательно, мы встретим где-нибудь на Земле Санникова дикарей каменного века, может быть людоедов? — спросил Костяков.

— Обгорелые кости как будто человеческие, — подтвердил Ордин.

— Неужели это будут ваши онкилоны? — обратился Костяков словно с упреком к Горюнову.

— Онкилоны ушли из Сибири несколько сот лет тому назад. В то время северные инородцы не были уже людьми каменного века, они знали употребление железа.

— Да, наши праотцы уже добывали руду и ковали железные ножи, стремена, кольца, крючья, — подтвердил Горохов.

— Но рядом с этим широко применяли изделия из рога, кости, камня, изготовление которых уцелело у всех туземцев,

оторванных от новейшей культуры и живущих в дебрях, куда тяжелый железный товар проникает с трудом. Но эти изделия сравнимы по своей отделке с изделиями неолита, а никак не палеолита, — пояснил Горюнов.

— Следовательно это огнище не онкилонов?

— Конечно нет! Очевидно здесь уцелели люди древнего каменного века, современники мамонта, пещерного медведя и других животных конца ледникового периода.

— И если уцелели эти животные, как мы уже убедились, то естественно могли уцелеть и люди, — прибавил Ордин.

— Если только онкилоны, обладавшие высшей степенью культуры по сравнению с этими дикарями, не истребили последних, — сказал Горюнов.

— Огнище показывает, что они еще существуют или существовали очень недавно, может быть единицами, — заметил Ордин.

— И увидеть дикарей каменного века будет крайне интересно, — прибавил Костяков. — Они живут очевидно в пещерах окраин котловины и нужно предупредить Никифорова, потому что встреча с ними едва ли небезопасна, если они людоеды.

Вернувшись к опушке кустарников, путешественники направились вдоль нее на юго-запад и к вечеру приблизились к своей базе.

Когда белые сугробы были уже недалеко, Горохов не удержался и подстрелил каменного барана, стоявшего в удобном положении на уступе.

В ответ раздался выстрел на базе и вскоре навстречу вышел Никифоров в сопровождении Пеструхи, которая, весело виляя хвостом, бросилась обнюхивать Крота и Белуху, отвечавших ей тем же.

Никифоров накануне доставил благополучно тушу быка на стоянку, а в этот день добыл каменного барана и подвез запас дров. Он уже вырубил для себя трот в сугробе, поставил в нем палатку, огородил выход стеной из глыб льда с узким проходом, который на ночь также закладывал глыбами, и в обществе Пеструхи чувствовал себя в безопасности.

14

ВСТРЕЧА С ОНКИЛОНАМИ

Тихая погода следующего дня задержала путешественников до полудня на стоянке, так как только к этому времени расселялся густой туман, очевидно составлявший характерную особенность климата Земли Санникова — весной во всяком случае. Это не было удивительно: многочисленные теплые озера и ручьи давали много влаги воздуху, а обширная площадь снегов и льдов, окружавшая землю, обусловливала стужение этой влаги в туман после заката солнца. Сырой климат земли объяснял также обилие мхов и лишаев в лесах; стволы всех деревьев были мшистые, а с ветвей спускались многочисленными космами серые лишай.

Тот же туман очевидно был причиной того, что Землю Санникова, несмотря на высоту ее гор, так редко было видно с острова Котельного; весной туманы вероятно висели почти все время над ней, а позже, когда вскрывалось море, стоявшие над последним туманы скрывали землю густой завесой.

Вторую экскурсию в глубь земли сделали с северо-запад. И в этом направлении леса чередовались с более или менее обширными полянами; среди последних большею частью были озера; ближайшие с юга уже застали, превращаясь в болота, более далекие еще не подверглись этой части, но извержения паров были замечены у немногих и только в слабой степени. Повидимому в этой стороне вулканизм котловины уже угасал. На полянах встречали быков и лошадей, но в меньшем количестве и более осторожных, очевидно хорошо знавших опасность близости человека. Носорогов видели только один раз издали. Зато здесь было много кабанов, населявших камыши вокруг озер, и один из них был добыт на ужин.

На ночлег остановились на опушке большой поляны и, сложив котомки и ружья на траву, отправились в лес рубить дрова для костров. Вдруг собаки, оставшиеся у вешней, отчаянно залаяли. Горохов и Ордин, бывшие поблизости, выбежали на поляну и увидели огромного медведя, который обнюхивал их котомки; запах свежего мяса очевидно раздразнил его аппетит.

Собаки с лаем и визгом старались укусить его за задние ноги, но он ловко отбивался ими и сердито ворчал.

Что было делать? Ружья лежали возле котомок, которым угрожала опасность быть изодранными в клочья, несмотря на усердие собак. Ордин, у которого в руках был топор, шепнул Горохову:

Пещерный медведь

— Я подойду к нему сзади и ударю топором. Когда он повернется ко мне — хватайте ружье и стреляйте.

В это время медведь разорвал когтями одну из котомок и засунул в нее морду; Ордин быстро подскочил сзади и со всего размаха всадил топор до самого обуха в крестец медведя, а затем отскочил в сторону. Страшный рев огласил поляну, медведь встал на дыбы, но сейчас же опрокинулся навзничь, чуть не придавив Крота. У него был перебит позвоночник и он катался с ревом по траве, размахивая передними лапами.

Собаки вцепились в его неподвижные задние ноги, а Горохов, подхватив ружье, всадил разрывную пулю в левый бок. Через несколько секунд громадная туша лежала неподвижно, орошая траву потоком крови.

Подошли Горюнов и Костяков с охапками дров. Все обступили медведя, удивляясь его величине; он был раза в полтора больше знакомого им бурого медведя, а клыки его имели более десяти сантиметров в длину.

— Мы дешево отделались в этот раз! — сказал Горюнов.

— Одна изодранная котомка и раненая собака, а могло быть хуже.

Действительно медведь в агонии зацепил лапой бок Белухи, покрасневший от крови. Собака уже залезывала свою рану, к счастью неглубокую.

— Впредь нам наука! Кто-нибудь должен оставаться у вешей с ружьем наготове, — сказал Ордин. — Не всякий раз удастся так ловко всадить топор в спину громадного зверя.

— Да, попадись ему в лапы — живым не уйдешь! — заметил Горохов, принимаясь за сдирание шкуры. Ордин обмерил медведя, фотографировать его было поздно — уже смеркалось.

Пришлось перенести вещи в другое место, потому что туша издавала неприятный запах, что не помешало собакам наесться до отвала. Ночь прошла неспокойно. Собаки все время ворчали, но густой туман, затянувший поляну к полуночи, не позволял видеть причину их беспокойства. Возле туши, оставшейся в сотне шагов в стороне, слышалась возня, чавканье, хруст костей; какие-тоочные хищники пировали над остатками. На рассвете Горохов нашел уже обглоданный дочиста скелет и видел двух крупных волков, быстро скрывшихся при его приближении.

В этот день туман благодаря ветру рассеялся раньше, и путешественники продолжали свой маршрут на северо-запад. Медвежью шкуру Горохов распялил между деревьями опушки, рассчитывая захватить ее на обратном пути. Миновали еще две поляны с озерами; во втором возвышался белый холм из туфа, но извержения очевидно давно не было, так как туф покрылся лишайниками.

При выходе на третью поляну услышали голоса людей на

противоположной окраине. Но собаки подняли лай и голоса сразу замолкли. Через поляну шла хорошо убитая тропа, отибавшая небольшое озеро, вблизи которого на влажной почве легко было распознать следы человеческих ног, обутых в мягкие торбасы.

— Вот это уже не дикии каменного века! — воскликнул Горюнов при виде следов. — Те наверно ходят еще босиком.

— И раз люди обуты подобно нашим северным туземцам, они должны быть сродни последним, и нам нечего опасаться встречи с ними, — прибавил Ордин.

Когда обогнули озеро, камыши которого закрывали вид на противоположный край поляны, на последнем обнаружился зеленый холм, из вершины которого вился дымок. Возле холма стояли люди, а один, взобравшись на вершину его, очевидно обозревал поляну. Заметив появление путешественников из-за озера, он сообщил об этом остальным, которые засуетились, и вскоре навстречу двинулся отряд, человек тридцать, рассыпавшийся цепью по лугу. Когда они приблизились, можно было различить, что все вооружены; каждый держал в правой руке длинное копье, а в левой — лук; из-за плеча видны были перья стрел.

На расстоянии сотни шагов от путешественников цепь остановилась и один, шедший по тропе, очевидно предводитель, поднял руку и что-то крикнул.

— Что он говорит? На каком языке? — спросил Горюнов Горохова.

— Похоже на чукотский, — ответил Никита, — приказывает нам поднять обе руки, если мы мирные люди.

Путешественники подняли руки вверх. Немедленно цепь возобновила движение, но, сократив расстояние шагов до тридцати, снова остановилась по знаку предводителя, который спросил теперь:

— Что вы за люди, откуда и зачем пришли на нашу землю?

— Скажите, что мы белые люди и пришли с южной стороны, с большой земли, чтобы посмотреть эту маленькую землю среди льдов, — распорядился Горюнов.

Горохов перевел эти слова, которые произвели на незнакомцев необыкновенное впечатление; все, словно по команде, под-

няли луки и копья вверх и испустили тромкий протяжный вопль, словно умоляя небо о пощаде. Потом предводитель произнес:

— Приближайтесь, белые люди, но знайте, что нас много и что мы все вооружены.

Путешественники подошли под наблюдением тридцати пар глаз, зорко следивших за их движениями; Горюнов, выступив вперед, протянул предводителю руку; последний сначала коснулся своей правой рукой лба, затем сердца и только после этого пожал руку пришельца. Тот же жест он повторил с остальными. Цепь в это время, заходя с флангов, сомкнулась и окружила пришельцев кольцом; воины стояли плечом к плечу с оружием в руках и вполголоса обменивались впечатлениями по поводу одежды, обуви, котомок, топоров за поясом и блестящих палок на спине чужеземцев.

Все они были обнажены до пояса, одеты в мягкие кожаные штаны и обуты в торбасы из легкого меха. Лица, грудь и предплечья были покрыты татуировкой в виде волнистых линий, кругов и точек. На шее у каждого висело ожерелье из зубов, повидимому волчьих, спереди с одним, двумя или тремя крупными медвежьими клыками. Черные гладкие волосы были скучены на темени в узел, в который были воткнуты одно, два или три орлиные пера. Тело было мускулистое, смуглое, лица с мало выдающимися скулами, черными глазами и прямыми носами. Два верхние средние резца были выкрашены в красный цвет, что делало улыбку людей странной — рот при этом как будто раздваивался на два круглые отверстия. Предводитель отличался от остальных более могучим сложением и высоким ростом, ожерельем из медвежьих клыков, красной полосой вдоль лба и красными перьями в волосах. Племя очевидно было храброе и представляло опасных врагов, несмотря на примитивность вооружения: наконечники копий были из прозрачного камня, наконечники стрел из кости, у многих за поясом засунут был каменный топорик с деревянной рукояткой, привязанный ремешками. На спине кроме колчана со стрелами висел небольшой кожаный щит.

— Как зовут ваш народ и эту землю? — спросил Горохов по поручению Горюнова.

Встреча с онкилонами

— Мой народ онкилоны и земля эта наша, завоеванная нашими предками. Меня зовут Амнуундак, я вождь онкилонов. А как зовут вас и вашу землю?

Получив ответ на этот и еще несколько вопросов, преследовавших ту же цель — узнать, зачем и каким путем белые люди пришли к ним, вождь произнес:

— Вы пришли издалека и в малом числе, будьте гостями онкилонов. Пойдем в мое жилище.

Он повернулся и пошел обратно по тропе, путешественники вслед за ним, а воины по сторонам и сзади. Они обращались к Горохову с разными вопросами, касавшимися одежды и оружия, пути через льды и жизни на большой земле, о которой они кое-что знали по преданиям, передававшимся из рода в род. Горохов едва успевал отвечать, тем более, что язык онкилонов, хотя близкий к чукотскому, все же несколько отличался от него и собеседники не всегда понимали друг друга.

Зеленый холм оказался обширной землянкой — жилищем онкилонов. У ее входа в виде двери, завешенной шкурами, вождь остановился, поднял занесу и жестом пригласил гостей войти. Всем пришлось согнуться, так как дверь была низкая. В центральной части землянки горел костер, над которым на перекладине, подобной вертелу, висело несколько кусков жарившегося мяса. Эта центральная часть представляла четыре толстых столба, поставленных по углам квадрата в шесть метров в стороне; вверху столбы были связаны толстыми перекладинами, поверх которых лежала крыша из более тонких бревен с квадратным отверстием, служившим и окном и для выхода дыма. К каждой перекладине на верху квадрата были прислонены длинные бревна, в виде ската, упирающиеся нижним концом в землю. Каждый скат с боков был закрыт более короткими и тонкими бревнами, также поставленными наискось. Таким образом получилось жилище, имевшее в плане вид креста с округленными входящими углами. Три ветви креста служили спальнями, в четвертой была дверь и склад разного имущества; центральный квадрат являлся кухней, столовой и приемной. Снаружи весь остов был покрыт толстым слоем земли, которая поросла травой. В общем получилось обширное, теплое, но темноватое жилище.

Войдя в землянку, вождь повел гостей на сторону квадрата, противоположную входу, сел, поджав ноги, на медвежью шкуру и усадил остальных справа и слева от себя. Воины расположились по другим сторонам квадрата вокруг огня. Когда глаза путешественников освоились с полумраком землянки, они заметили, что в склоненных боковых частях толпились женщины и дети, с любопытством разглядывавшие пришельцев и постепенно поддвигавшиеся к сидевшим воинам. Женщины были почти нагие; только узкая, в ладонь, повязка из темной кожи, по цвету почти не отличавшейся от смуглого тела, огибая бедра, проходила по нижней части живота. У молодых женщин повязка была украшена вышивкой из тоненьких черных, желтых и красных ремешков. Кроме этой повязки на них были ожерелья из мелких белых, серых, зеленых и красноватых камней и такие же браслеты на предплечьях и запястьях. Нагота как бы скрадывалась татуировкой на груди, животе, спине, руках, ногах и лице в виде фантастических цветов и листьев, волнистых линий и кружков. Особенное внимание привлекла молодая жена вождя, у которой татуировка изображала двух змей обвивавших кольцами ее ноги, извивавшихся по животу и бокам и окончившихся головками, обращенными друг к другу между грудями и ключицами; две змеи поменьше обвивали ее руки и оканчивались на обеих лопатках. На смуглом теле эти черносиние змеи производили жуткое впечатление.

Черты лица женщин были мягче, чем у мужчин, и некоторых можно было назвать даже красивыми; телосложение их было стройное и формы пропорциональны.

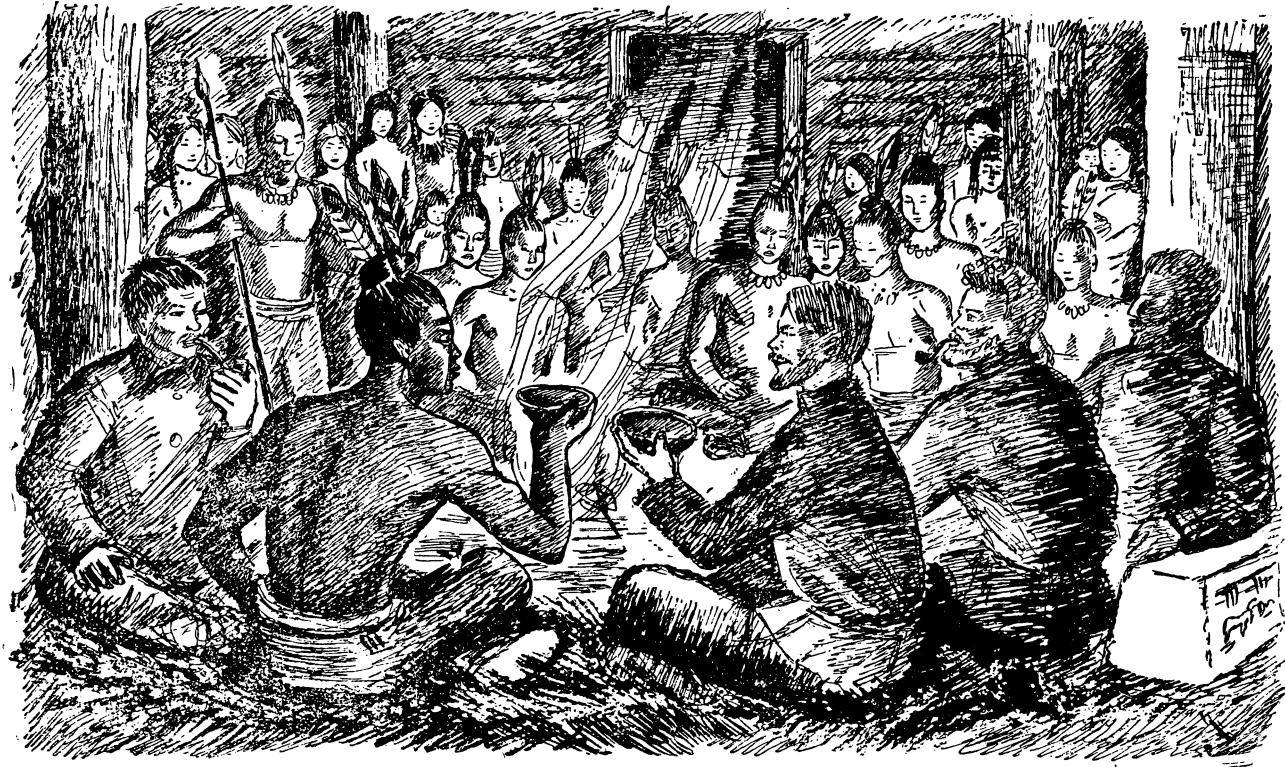
Дети были совершенно голые, а подростки обоего пола носили такой же поясок стыдливости, как женщины, который у девочек также был вышит. У последних волосы были заплетены в мелкие косички, а у мальчиков закручены в узел на темени. У женщин волосы были заплетены в две косы, спускавшиеся на грудь и украшенные камешками, у девушек кос было четыре; две по бокам головы, спускавшиеся на грудь, и две сзади, падавшие на спину.

Амнуундак сделал знак женщине со змеями и она достала из сундутика, обитого кожей, небольшие деревянные чашки, наполнила их молоком из бурдюка, висевшего на столбе, и пода-

вала одну за другой вождю, который передавал их гостям. Оставил последнюю себе, он, поднося ее к губам, красивым жестом предложил последовать его примеру. В чашках оказалось густое оленье молоко, немного кислое, но вкусное, во всяком случае для путешественников, которые давно уже не пили его. Чашки были наполнены еще раз, после чего женщина сняла с палки, поджарившееся мясо, нарезала его костынным ножом на толстые ломти и в деревянном корытце подала вождю, который роздал по ломтию каждому из гостей. Пока последние ели мясо, запивая молоком, Амнундак обратился к населению землянки с речью, смысл которой Горохов не уловил, так как вождь говорил слишком быстро. Речь вождя произвела на слушателей странное действие; все — сидевшие мужчины, толпившиеся за их спинами женщины и дети — подняли сначала обе руки вверх, затем закрыли ими лицо и издали протяжный жалобный вопль, повторенный три раза. Путешественникам стало жутко, и когда воцарилось молчание, Горюнов попросил вождя объяснить в чем дело. Амнундак медленно, чтобы Горохов мог переводить каждое слово, рассказал следующее:

— Наш народ, онкилоны, много лет тому назад, измученный непрерывными войнами с чукчами из-за оленьих пастиц, решил уйти от этих людей подальше. Сначала перешли по льду на близкие острова, вырыли землянки и стали жить спокойно. Но земля не понравилась: летом туман, зимой туман, весной туман, целый год туман. Люди стали умирать, олени стали умирать. И увидели люди, что птицы весной летят дальше, на север, а к осени возвращаются жирные. Надумали — пойдем сами туда, куда птицы летят. Пошли раз — море не пустило, пошли второй — море замерзло плохо, пурга поломала лед, много народа и оленей утонуло. Дождались самой холодной зимы, вперед послали разведку. Лед крепкий был. Все прошли и нашли эту землю. Немного осталось народа, человек пятьдесят было ли, нет ли, не знаю.

— Вождем в это время был великий шаман, исцелявший все болезни; он указал народу путь на эту землю. Перед смертью он объявил, что спокойно жить на этой земле онкилоны будут до тех пор, пока к ним не придут белые люди с большой зе-

В землянке вождя онкilonов

мли. Следом за этими людьми придут бедствия и поразят онкилонов. И сказал он, что в руках у белых людей будут громы и молнии, как уластителей неба, которые убивают издалека.

— Когда мы увидали вас, первых белых людей, пришедших к нам с большой земли, мы вспомнили слова старого шамана и думаем, что приходит конец нашему народу, если так решили духи неба.

15

ЖЕРТВЫ И МОЛЕНИЕ

Окончив речь, Амнундак снова поднял руки вверх, затем закрыл ими лицо и испустил трижды вопль; все присутствующие повторили этот жест. Путешественникам, неожиданно для себя сделавшимся предтечами бедствий для мирного и счастливого народа, стало жутко.

— Скажите вождю, — обратился Горюнов к Никите, — что мы самые мирные люди и зла никому не причиним. И нас привели сюда птицы, летящие на север. Мы захотели только посмотреть ту землю, где птицы проводят лето. Мы посмотрим ее и уйдем назад на нашу землю.

Горохов перевел эти слова и получил ответ:

— Так сказал и шаман: белые люди придут и уйдут, а бедствия останутся.

Путешественники переглянулись в недоумении. Чем можно было поколебать это предание, в которое онкилоны так верили?

— А есть у вас в руках громы и молнии, поражающие издалека? — спросил Амнундак.

При этом вопросе глаза всех присутствующих впились в чужеземцев в тревожном ожидании. Горохов в недоумении посмотрел на Горюнова, а последний сказал:

— А разве наши ружья не громы и молнии, поражающие издалека? Онкилоны так или иначе узнают про них. Так воспользуемся случаем и окружим себя еще большим уважением, чтобы нас считали посланниками богов и не делали нам зла.

— Да, у нас есть громы и молнии! — сообщил Горохов вождю.

Тревожный шепот пробежал по толпе. Сидевшие ближе к путешественникам невольно отшатнулись. Вождь сказал:

— Покажите их нам, чтобы мы знали, что вы — именно те, кого послало небо. Но прошу вас, не убивайте онкилонов.

— Выходи из жилища, чтобы молния не поразила людей, — сказал Горюнов.

Вождь торжественно поднялся и направился к выходу, за ним путешественники и все население, державшееся теперь от них почтительно на некотором расстоянии.

— Приведите жертвенного оленя! — распорядился Амнундак, — пусть белые люди поразят его, чтобы принести в дар богам.

Несколько онкилонов побежали в лес за землянкой и вывели оттуда большого почти белого северного оленя; животное, словно предчувствуя свою участь, упиралось и ревело. По указанию Горохова его привязали к колышку в двухстах шагах от землянки. Путешественники, заменив в винтовках разрывные пули обыкновенным, дали залп и олень упал, словно подкошенный. При троме выстрелов все онкилоны упали на колени и склонились перед могущественными чужеземцами.

Поднявшись, Амнундак произнес тромким голосом, чтобы слышали все присутствовавшие:

— Мы знаем теперь, что вы — посланники неба, о которых говорил великий шаман. Будьте нашими гостями; все, что мы имеем — жилище, пища, одежда, олени — ваше, распоряжайтесь ими! Сегодня вечером наш шаман обратится к богам и будет молить их пощадить онкилонов, которые приняли посланников неба как дорогих гостей.

Окончив речь, Амнундак приложил руку ко лбу, к сердцу и низко поклонился гостям; все онкилоны повторили его жест.

В это время притащили труп оленя положили к ногам вождя, который, указывая на четыре раны в боку животного, сказал:

— Все четыре молнии поразили жертву. Женщины, приготовьте мясо к вечернему молению. Воины, пригласите шамана в наше жилище!

По возвращении в землянку, возобновилось угощение молоком и копченой олениной, к которой подали лепешки из

тукки, приготовленной из плодов водяного ореха, и печенные луковицы сараны. Ни хлеба, ни чая, ни табака онкилоны не знали и несколько сухарей и кусков сахара, которые путешественники достали из котомок, пошли по рукам, осматривались, обнюхивались и пробовались с большим интересом. Еще большее внимание возбудили трубки, которые Горохов и Ордин закурили после еды. С некоторым ужасом онкилоны смотрели, как белые люди глотают дым, который вызывал у соседей кашель и чиханье. Большой восторг вызвал медный чайник, повешенный над огнем; онкилоны имели только деревянную и глиняную посуду и варили в них мясо, нагревая воду раскаленными камнями. Но чай без сахара, которого путешественники имели слишком мало, чтобы угостить всех, никому не понравился. Амнундак с трудом выпил предложенную ему чашку и заявил, что напиток онкилонов — он указал на бурдюк с молоком — вкуснее.

Топоры и охотничьи ножи также возбудили огромный интерес; их осматривали, гладили, пробовали и восторгались их блеском, прочностью и действием сравнительно с каменными топорами и костяными ножами онкилонов. По знаку Амнундака женщина со змеями достала из сундука железный ножик грубой работы, изъеденный ржавчиной, который хранился как реликвия. Показывая его гостям, вождь сказал:

— Наши предки имели такие ножи, топоры, наконечники копий и стрел, которые выменивали у якутов, но сами делать не умели. И вот, когда они пришли сюда, эти вещи мало-по-малу пришли в негодность, поломались, потерялись и онкилоны снова стали делать каменные и костяные.

Крот и Белуха, приютившиеся у ног гостей, внушили онкилонам, не имевшим собак, сначала некоторый страх. Когда Горохов спросил, почему у них нет собак, Амнундак рассказал следующее:

— Из-за этих злых зверей началась война наших предков с чукчами. Наши предки были оленеводы и собак не держали, потому что собаки нападают на оленей. Наши предки жили по берегу моря оленеводством и ловлей рыбы, тюленей, моржей; жилища строили из леса, выброшенного морем. Но вот пришли чукчи; у них было много собак, но не было оленей. Они

начали теснить нас с рыболовных и звероловных мест; когда у них не хватало рыбы для собак, они отнимали у нас оленей. Из-за этого и началась война. Чукчей было много, нас было мало. Вот и пришлось уйти от них сюда.

— А сколько онкилонов живет здесь? — спросил Горохов. — Весь ваш народ здесь? — он обвел рукой присутствующих.

Амнундак засмеялся.

— Таких жилищ у нас двадцать, в каждом живет один род, человек двадцать-тридцать.

— Где же другие жилища?

— В разных местах. Оленям нужны моховища. Нельзя всем жить близко, тесно станет и людям, и оленям.

— В каждом жилище есть такой вождь, как ты?

— Нет, я — главный вождь всех онкилонов! — с гордостью заявил Амнундак. — Мой род самый большой. Но в каждом жилище есть свой начальник, глава рода.

Действительно, население землянки, считая женщин и детей, доходило до шестидесяти человек. Горюнов подсчитал, что если в остальных землянках живет в среднем по двадцать пять душ, то всех онкилонов на Земле Санникова должно быть около пятисот тридцати человек.

В разговорах и угощениях время прошло до вечера. К закату солнца на поляну к землянке пригнали стадо оленей, и путешественники наблюдали сцену доения маток, в котором приняли участие все женщины и девочки, быстро перебегавшие с деревянными подойниками от одного животного к другому; стадо состояло из двухсот с лишним голов. На ночь оно оставалось на поляне и охранялось по очереди воинами от нападения хищников.

Когда наступили сумерки и все возвратились в землянку, явился шаман, который жил отдельно в нескольких километрах. Это был высокий, худощавый старик с впалыми щеками и проницательными глазами, глубоко сидевшими под нависшими бровями. Несмотря на сравнительно теплую погоду, он был одет в длинную шубу мехом наружу, с воротника и пояса которой на ремешках свешивались медные и железные бляхи и палочки странной формы, сильно потертые, очевидно, принесенные еще с материка и переходившие от шамана к шаману.

В руке у него был небольшой бубен, украшенный кожаными красными и черными лентами и железными прогремушками. Остроконечная шапочка в роде скуфы с почти вылезшим мехом скрывала его волоса. Поклонившись с достоинством вождю и внимательно оглядев чужеземцев и их собак, которые при виде странно одетого человека глухо зарычали, шаман уселся отдельно у ярко пылавшего костра и, отложив бубен, протянул к огню свои костлявые руки, бормоча какие-то слова. По знаку вождя женщины подали шаману чашку с молоком, которое он выпил, предварительно брызнув несколько капель в огонь.

Шаман онкилонов

Над костром на длинных палочках жарилась нарезанная небольшими кусками оленина. Рядом варился суп, или вернее соус, из оленины и клубней сараны в цилиндрическом деревянном сосуде, в котором кипение воды поддерживалось при помощи раскаленных в костре небольших камней. Одна женщина то и дело вынимала из огня раскалившись камень, пользуясь двумя палочками с наконечниками из каменных плиток, опускала его в сосуд с супом, а другой камень, уже остывший, вытаскивала и клала в костер.

Когда мелко нарезанное мясо сварилось, вождю, шаману и гостям подали по чашке мяса, облитого супом, и деревянные вилки довольно изящной работы. Но, попробовав суп, путешественники убедились в полном отсутствии соли. Онкилоны, подобно чукам, не употребляли ее в пищу. Пришлось достать из котомок свою соль, чтобы посолить суп. Это вещество также пошло по рукам; его стали пробовать, предполагая, что это тоже сладкое, подобно сахару, но потом долго отплевывались и выражали недоумение, зачем белые люди портят этой гадостью вкусный суп и мясо.

После супа подали жареное мясо и лепешки из водяного ореха; ужин закончился чашкой молока. Когда посуда была

убрана, прогоревший костер сдвинули совсем в сторону, чтобы очистить весь центральный квадрат для моления. В землянке воцарился полумрак, озаренный красным светом тлеющих углей.

Во время ужина Амнуундак рассказал шаману, как появились белые люди на земле онкилонов, кто они, что делали, как поразили оленя. Шаман слушал молча, кивая головой и изредка задавая вопросы. После ужина, перед началом моления, он потребовал, чтобы удалили собак из жилища. Когда это было исполнено, он уселся среди очищенной площадки, окруженной кольцом зрителей, затем достал из кожаного мешочка, привешенного к поясу, щепотку беловатого порошка, высыпал ее на ладонь и слизнул языком. Горохов сообщил путешественникам, что это сущеный мухомор, который камчадалы, коряки и некоторые другие народы употребляют в качестве наркотического средства, вызывающего своеобразное опьянение.

Посидев некоторое время молча, с взором пристально устремленным в тлеющие угли костра, шаман взял бубен, провел по нему рукой и тотчас раздались едва слышные звуки звенящей под пальцами тугой натянутой кожи. Под их аккомпанемент, постепенно усиливающийся, он запел сначала медленно и вполголоса, гортанными звуками, затем все быстрее, пока пение и гудение барабана не слились в сплошной гул, из которого вырывались отдельные слова, словно вопли. Шаман сначала сидел, раскачиваясь взад и вперед, не спуская взора с огня, но затем, придя в исступление, вскочил и стал кружиться на одном месте все быстрее и быстрее, продолжая бить в бубен и завывая. Его длинная шуба и ремешки с бляхами и палочками при этом вращении начали отходить от туловища и наконец образовали три конуса, насаженные друг на друга и увенчанные конусом его шапки. Руки с бубном были подняты над шапкой и находились в беспрерывном движении; бубен вертлся, качался, плясал, издавая тромкий гул.

Но вот песня резко оборвалась диким воплем, шаман опустился на землю и, раскинув руки и выронив бубен, впал как будто в беспамятство, которое никто не осмелился нарушить. Тонкая струйка пены стекала из угла губ по впалой щеке. Все зрители хранили молчание и в землянке, только

Что оглашавшейся хаосом звуков, воцарилась жуткая тишина. Даже собаки, привязанные вне землянки, лай которых по временам врывался в песню шамана, замолчали.

Минут через пять шаман привстал, выпил поднесенную ему чашку молока и потом тихим голосом произнес несколько слов, вызвавших среди слушателей волнение и перешептывание. Вождь повторил их громко и Горохов перевел:

— Духи неба поведали шаману, что народу онкилонов предстоят великие беды — холод, снежные бури, падение скал, наводнение.

Амнундак поднял руки к небу, чтобы издать вопль о пощаде, уже знакомый путешественникам, но шаман остановил его жестом и произнес еще несколько слов. Радостный шепот пробежал по рядам зрителей, и вождь, опустив руки, провозгласил:

— Шаман говорит, что беды может быть не начнутся, пока чужестранцы будут жить на земле онкилонов. Так поведали духи.

Шаман медленно поднялся, отвесил вождю и путешественникам общий поклон и удалился в сопровождении двух вооруженных воинов. После его ухода в землянке поднялся оживленный говор. Путешественники также шептались. Результаты волжования были для них несколько неожиданны. С одной стороны они обеспечивали им не только безопасность пребывания среди онкилонов, но и всякую помощь; но за то связывали их с этими народом надолго в качестве своеобразной страховки от бед. В их планы входила зимовка на Земле Санникова, но не далее начала следующей весны. Отпустят ли их тогда онкилоны?

— Нетрудно догадаться, — сказал Горюнов, — что хитрый шаман придумал эту поправку к своему предсказанию, представляющему вариант их предания, нам уже известного. Старик сообразил, что люди, владеющие громами и молниями, будут очень полезны онкилонам в качестве их друзей, но могут быть очень страшны как враги.

— И если отпустить их, — прибавил Ордин, — они, зная дорогу в эту прекрасную землю, вернутся в большом числе и вытеснят онкилонов, как некогда чукчи.

— Совершенно верно! — заметил Костяков. — Ведь эти люди, оторванные столетиями от мира, не имеют понятия о том, что делается теперь, и живут воспоминаниями о старине.

— Во всяком случае мы пока не должны заявлять им, что собираемся уйти в недалеком будущем, — сказал Горюнов.

— Да, они могут просто арестовать нас и держать взаперти, — прибавил Ордин.

— Или в лучшем случае постоянно сопровождать нас и стеснять свободу передвижения, — заметил Костяков.

— Поживем с ними, познакомимся ближе и постепенно убедим их, что все эти предсказания вздор и что им ничего не грозит в будущем.

Вождь все время прислушивался к беседе чужеземцев и наконец встал и произнес громко, чтобы слышали все жители, разговоры которых затихли сразу.

— Онкилоны, воины и женщины! Вы слышали, что сказал шаман, что поведали ему небесные духи. Пока белые пришельцы с нами — бед не будет. Так будем просить их остаться с нами!

— Да, да, будем просить! — раздались голоса со всех сторон.

Вождь повернулся к гостям и, склонившись, произнес:

— Белые люди, посланники богов, народ онкилонов просит вас остаться жить с ним. Вы спасете онкилонов от бед. Мы дадим вам все, что вы хотите — лучшее жилище, пищу в изобилии, теплую одежду, когда придет зима, самых красивых женщин, — чтобы вы не терпели недостатка ни в чем. Вы будете жить, как наши вожди.

— Все, все дадим вам, только оставайтесь с нами! — повторил хор мужских и женских голосов, и со всех сторон к гостям потянулись руки в умоляющем жесте.

Горюнов встал и ответил:

— Хорошо, мы согласны остаться у вас как ваши гости, пока вы сами нас не отпустите. Но мы хотим осмотреть всю вашу землю, и вы должны показать нам ее.

Горохов перевел эти слова, и крики радости отгласили землянку; вождь вторично склонился перед гостями и пожал руку каждому из них, предварительно прикладывая свою руку ко

лбу и к сердцу, что означало, как они узнали позже, «от чистого сердца и без задних мыслей». Потом он сказал:

— Скоро у нас будет весенний праздник, на который соберутся все молодые женщины и девушки племени, и вы сможете выбрать себе жен по желанию. Вы оставили своих жен там, далеко, — он махнул рукой на юг, — а жить человеку без женщины скучно.

— Вот мы и в женихи попали! — рассмеялся Горохов.

— Но это страшно стеснит нашу свободу! — заметил Горюнов.

— Ну, там видно будет! — философски заключил Ордин.

16 СВЯЩЕННЫЙ КАМЕНЬ

Когда онкилоны, шумно выражавшие свою радость по поводу согласия чужеземцев остаться у них, несколько успокоились, а женщины опять разожгли костер, Амнундак обратился к гостям:

— Вы сказали, что хотите осмотреть всю нашу землю. Но знаете ли вы, что это опасно? В лесах живут разные хищные звери.

— Мы их не боимся, наши молнии поразят каждого хищника, прежде чем он нападет на нас, — получил он в ответ.

— Кроме хищных зверей в лесах живут дурные люди, то-раздо опаснее зверей.

— Это интересно! — сказал Ордин товарищам, а Горохов спросил:

— Что, это тоже онкилоны? Почему они опасны?

— Нет, это не онкилоны. Это дикие люди и мы постоянно воюем с ними. Они очень сильные и один на один мы не можем бороться с ними.

— Где же они живут?

— Они живут дальше, на севере нашей земли. Они прячутся в лесах, как звери, и нападают на свою жертву сзади, как волки или рысь. И, как волки, они едят человеческое мясо.

— О, так это людоеды! — воскликнул Костяков. — Кого же они едят?

— Всех, кого поймают. Они веюют друг с другом и съедают пленных и своих тяжело раненых или убитых. Они нападают иногда на наши жилища, когда воины на охоте, и убивают стариков и детей, а женщин уводят. Мы очень боимся их. И вы с ними не справитесь, если нападут на вас из засады с большими дубинами, копьями и ножами.

— Разве их так много?

— Мы не знаем сколько. Когда наши предки пришли в эту землю, она вся была заселена этими дикими людьми. С ними долго воевали и вытеснили на север. Они съели немало наших воинов, пока мы не узнали их повадки и не стали воевать с ними только целым племенем.

— У них тоже есть жилища?

— Нет, они живут зимой в пещерах, а летом на деревьях, как птицы в гнездах.

— Вот чьи следы мы видели во время прошлой экскурсии! — заметил Горюнов.

— У них есть живые боги, огромные и очень злые, — продолжал Амнундак. — Они приносят им жертвы.

— Какие такие боги?

— Видели вы на нашей земле большого зверя с рогами на морде?

— А, носорога! Да, видели.

— Их боги еще гораздо больше. Но вместо рога у них на голове пятая нога или рука, длинная и гибкая. Этой ногой зверь ломает лес, схватывает людей, бросает их на землю и топчет остальными ногами.

— Вот так зверь! — удивился Горохов.

— У этого зверя из пасти торчат два длинные белые зуба, как клыки у медведя, но гораздо длиннее и толще.

— Очевидно, это слоны! — догадался Горюнов.

— Уж не мамонт ли? — предположил Ордин. — Слонам на севере не место. Есть ли у него мех? — обратился он через Горохова к вождю.

— Да, он мохнатый, шерсть на нем красная.

— Разве у мамонтов шерсть была красная? — недоумевал Костяков. — Я думал, судя по картинкам, что она была черная.

— Это неверно, — заметил Ордин, — на трупах, найденных

в Сибири, шерсть была красно-бурая или рыжая. Но неужели дикарям удалось приручить мамонтов?

— Этими зубами, — продолжал вождь, — зверь роет землю и добывает корни, которые съедает, а зимой сгребает снег, чтобы найти траву. Эти зубы нам очень нужны, мы делаем из них самые лучшие ножи, копья, стрелы. Но нам редко удается убить этого зверя, дикие люди очень стерегут своих богов.

— Тем более интересно познакомиться с дикарями и с их домашними мамонтами! — воскликнул Горюнов.

— Я все рассказал вам, — закончил Амнуундак. — Вы знаете теперь, что вам одним к диким людям итти нельзя. Они убьют и съедят вас, а для онкилонов начнутся беды. Мы будем охранять вас; все воины пойдут с вами к диким людям. Мы начнем большую войну, чтобы их уничтожить. Ваши молнии очень помогут нам убивать диких людей и их богов.

— Карательная экспедиция! — засмеялся Ордин, — и мы в роли палачей! Неособенно лестно.

Но онкилонам слова вождя очень пришлись по душе. Они, очевидно, имели веские причины, чтобы так ненавидеть дикарей. Такие свирепые соседи, конечно, не могли быть приятны мирному племени, ушедшему из-за войн с материка.

Исчерпав тему о диких людях, Амнуундак заявил, что пора приготовить гостям место для ночлега. В занимаемой им с семьей скопченной части землянки против входа женщины очистили половину, разостлали на землю оленьи и медвежьи шкуры и положили даже подушки — валики из кожи, набитые оленьей шерстью. Эту половину отгородили от оставшейся для семьи вождя, расставив в ряд сундучки с домашним скарбом, и Амнуундак предложил гостям ложиться спать. В двух остальных боковых частях землянки онкилоны уже укладывались; мужчины раздевались до нага и складывали одежду в изголовье, а оружие возле себя. Один воин остался на карауле у входа, а трое легли, не раздеваясь, у костра и в проходе, чтобы сменять его поочередно. Каравальный поддерживал огонь, согревавший землянку, и время от времени выходил наружу за дровами. Менялись также воины, караулившие оленевые стада на поляне и перекликавшиеся друг с другом.

Ночь прошла спокойно. Онкилоны стали просыпаться на рас-

свете. Прежде всего поднялись женщины, усилили огонь и стали жарить мясо и калить камни для варки супа; другие побежали доить оленей и для этого одевались, потому что на дворе было свежо. Они надевали своеобразную кожаную одежду, в которой панталоны были соединены с курткой в одно целое с большим разрезом на груди; женщина сначала просовывала ноги, а затем быстро поднимала одежду на туловище и засовывала руки в короткие рукава. Вернувшись в землянку, она легким движением плеч спускала куртку и вся одежда соскальзывала к ногам.

Путешественники, лежа на своих шкурах, с интересом наблюдали, как быстро и легко одевались и раздевались женщины и как почти голые хлопотали по хозяйству у отния, ярко освещавшего их смуглые тела; их нисколько не смущали взоры многочисленных мужских глаз.

Путешественники обратили внимание на то, что молодые женщины и девушки, которых легко было отличить от первых по их четырем косам, посматривали частенько в их сторону, перешептывались и хихикали. Легко было догадаться, что красавиц занимал вопрос, на ком из них остановится выбор могущественных чужестранцев, когда они станут брать себе жен на весеннем празднике.

Горохов подслушал, что онкилонок всего больше интересовал густые усы и бороды его трех товарищей и их светлая кожа.

У онкилонов растительности на лице почти не было, только у стариков вырастали жиденькие усы и тощая бородка. Горохов, как якут, в этом отношении был похож на онкилонов и имел такую же смуглую кожу, так что он онкилонок не привлекал.

Пока женщины хлопотали, мужчины, не торопясь, одевались, потом осматривали свое оружие. То из одного, то из другого угла землянки раздавались детские голоса, иногда плач младенца, на который спешила та или другая из женщин, чтобы покормить его грудью.

Мало-по-малу все поднялись и начался завтрак с тем же однообразным меню — жареным и вареным мясом; только вместо холодного молока из бурдюка дали горячее, разбавленное водой

и слегка заправленное мукой из водяных орехов, нечто вроде супа, в котором плавали маленькие кусочки поджаренного сала. Суп оказался достаточно вкусным.

За завтраком спросили вождя, сколько лет онкилоны живут на Земле Саникова. Путешественники уже узнали, что у этого народа нет никакой письменности и все сведения о жизни предков передаются в виде преданий из поколения в поколение, может быть изукрашенных вымыслом. Но оказалось, что примитивная летопись имеется.

— Больше четырехсот лет, — ответил Амнундак, немного подумав. — Если хотите знать точно, то пойдем сейчас к шаману; возле его жилища есть камень, на котором каждый год отмечен.

После завтрака путешественники в сопровождении вождя и десятка вооруженных воинов отправились по широкой тропе через лес на запад. По дороге Амнундак указал гостям искусно скрытую западню на тропе — квадратную яму глубиной более двух метров, перекрытую тонкими жердями, ветвями и старой листвой. В такие западни изредка попадали быки, лошади и даже носороги, которых онкилоны приканчивали копьями и стрелами.

— Таких ловушек довольно много на звериных тропах нашей земли, и вы можете тоже попасть в них, если будете ходить без проводника, — предупредил вождь.

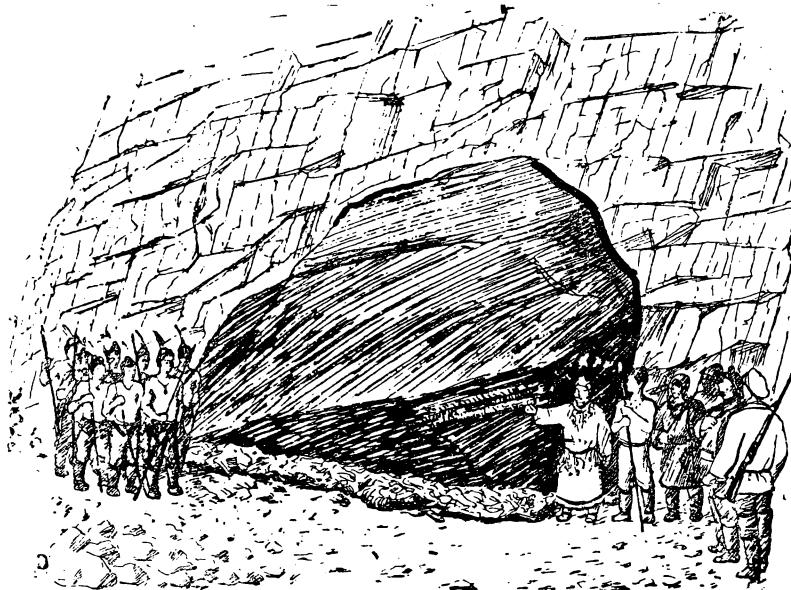
— Впереди нас, — возразил Герюнов, — всегда бежит собака, которая умнее носорога и быка; она остановится перед западней и обнаружит нам ее.

— Онкилонам собаки были бы очень полезны, — заметил Ордин, — и для охоты, и для караула жилищ, и при войне с дикими людьми.

— Вот ваши собаки размножатся у нас, и через несколько лет мы будем иметь сторожей! — сказал Амнундак с такой уверенностью, что собеседникам осталось только переглянуться с усмешкой.

Вскоре свернули с большой тропы в сторону и выплыли на небольшую поляну с жилищем шамана; оно было того же типа, как землянка вождя, но гораздо меньше, потому что шаман жил только с одним учеником и старой женщиной, готовившей пищу.

Шаман, очевидно, уже предупрежденный о посещении, ожидал гостей у порога землянки и ввел их на почетные места против входа. Внутренность жилища походила на своеобразный анатомический музей: на четырех столбах, на перекладинах и под откосом боковых стен белели черепа жертвенных оленей, быков, лошадей, а над почетным местом красовался череп носорога с огромным рогом.

Священный камень онкилонов

Как только гости уселись, старуха подала угощение, состоявшее из вареного мозга, языка и губ жертвенного оленя, которого чужеземцы убили накануне своими молниями. Эти лакомые части жертвенных животных всегда доставались шаману, как служителю божества.

Узнав от Амнундака желание гостей посмотреть камень, на котором записаны годы жизни онкилонов, шаман после завтрака погнал их дальше на запад. Тропа вскоре вывела на окраину котловины. И здесь возвышалась высокая неприступная стена того же черного базальта, вершина которой скрывалась в тучах, низко висевших в этот день над котловиной.

У подножия обрыва, как и в других местах, лежали россыпи и глыбы свалившихся сверху камней, покрытые лишайми. Среди них выделялась огромная глыба в несколько тысяч тонн весом. Пространство вокруг нее было очищено от камней и выровнено в виде широкого круга. Перед этой глыбой совершили моления и приносили жертвы. Кости жертвенных животных лежали грядкой вдоль подножия глыбы, окаймляя черный камень зловещей белой полосой.

— Этот камень, — пояснил Амнундак, — упал с неба в год прихода наших предков на эту землю. Поэтому мы чтим его, как дар богов. Каждый раз, когда после зимней ночи солнце в первый раз показывается нам, здесь совершается большое моление и приносится жертва. Шаман отмечает это событие чертой на камне. Поэтому вы можете сосчитать, сколько лет мы уже живем здесь.

Он подвел гостей к южной очень гладкой стороне глыбы, на которой виднелись высеченные твердым орудием небольшие вертикальные черточки; каждая десятая была немного длиннее, так что легко было сосчитать их. Оказалось, что онкилоны прошли на Земле Санникова уже четыреста двадцать четыре года.

— Когда Амнундак сказал, что этот камень упал с неба, — заметил вполголоса Ордин, — я подумал, что это огромный метеорит и очень заинтересовался им. Но оказывается, что это просто базальт и упал он, конечно, с этого обрыва.

— Что он говорит? — спросил шаман.

Горохов перевел, что белый человек думает, что камень упал с горы, а не с неба.

Шаман укоризненно покачал головой и сказал:

— Великий шаман, который привел наших предков сюда, сам видел, как этот камень падал, и первый поклонился ему

— С горы падают только маленькие камни, — прибавил Амнундак, — а этот больше наших жилиц. Под ним лежат пять оленей, которых он придавил как первую жертву богам от пришельцев на эту землю. С тех пор и приносят здесь жертвы. Это было знаменье свыше.

Пока происходила эта беседа у подножия священного камня, Костиков, отойдя в сторону, незаметно успел сфотографировать его вместе с беседующими.

Потом Амнуундак повел гостей к подножию обрыва и показал им большую пещеру, в которой раньше жили дикие люди. Накануне падения камня у подножия была большая битва онкилов с дикарями и они одержали здесь первую крупную победу, заставившую последних отступить на север. Это событие тоже связывалось с камнем.

В пещере валялись еще полуистлевшие дубины, поломанные копья с кремневыми наконечниками, гнилые остатки звериных шкур; видны были огнища и кучки обгоревших или расколотых костей.

Разгребая кости, Ордин наткнулся на часть человеческого черепа с проломанной височной костью.

— Вот видите, это они съели человека! — сказал Амнуундак при взгляде на эту находку.

В общем эта пещера со следами пиршества людоедов, мрачная черная стена, терявшаяся в тучах, черный огромный камень, окруженный грудами костей среди голых россыпей, производили жуткое впечатление и путешественники были рады вернуться в зеленый лес на пути домой,

На поляне возле жилища Амнуундака они застали начало кипучей деятельности — онкилоны приступили к сооружению землянки для своих гостей-пленников. Воины и женщины были заняты работой: одни копали ямы для четырех столбов остова, другие перерубали и обтесывали бревна, третий приносили бревна из леса, где слышался стук топоров дровосеков; женщины нарезали дерн для крыши. Но, несмотря на усердие строителей, дело подвигалось медленно, потому что каменные топоры, костяные ножи и кремневые скребки с трудомправлялись с деревом.

Поглядев некоторое время, как медленно перерубалось толстое бревно для столба, Горюнов предложил товарищам:

— А ну-ка, покажем онкилонам, как работают белые люди!

— И то дело, покажем! — согласился Горохов.

Все четверо принесли свои топоры и взялись за работу; быстро полетели щепки, с каждым ударом топор врезался глубже в дерево и то, на что онкилону с каменным орудием нужно было полдня, железный топор делал в четверть часа. Когда топоры белых людей застучали по бревнам, онкилоны побросали

свое дело и столпились вокруг них, глядя с восхищением, причмокивая и выражая разными возгласами свое удивление быстроте работы. Пока женщины успели вырыть четыре неглубокие ямы, ковыряя, к их счастью, мягкую землю ножами и вытребая ее руками, четыре столба были отрублены, обтесаны и перекладины к ним приготовлены.

— Эх, жаль нет бурава, чтобы просверлить дырку и запустить хороший клин для связи! — жаловался Горохов.

— Или стамески, чтобы посадить перекладину на столб шипом, — прибавил Горюнов.

— Да, это бы не мешало, потому что если случится легкое землетрясение, то накатник откосов легко может соскочить с места и придавить нас, как в ловушке, — сказал Ордин.

— Разве здесь может быть землетрясение? — поинтересовался Костяков.

— И даже очень! Ведь мы на дне кратера старого вулкана, еще не совсем угасшего, как доказывают горячие источники в озерах.

— А ну-ка, Никита, спросите, бывает ли, что земля трясется здесь? — предложил Горюнов.

Ответ получился убедительный: онкилоны время от времени испытывали сотрясения земли, но большую частью легкие, не причинявшие вреда. Старики, припоминали, что во время их детства случилось довольно сильное землетрясение, вызвавшее частичное разрушение почти всех жилищ; при этом было задавлено человек двадцать, не успевших выбежать наружу.

— Ну, мы на всякий случай подопрем накатник еще одной перекладиной, чтобы не мог соскочить! — придумал Ордин.

К обеду успели поставить четыре столба и связать их перекладинами. После обеда путешественники пошли с онкилонами в лес рубить тонкие деревья для накатника, потому что и это подвигалось медленно: над деревом в десять-двенадцать сантиметров в диаметре онкилон трудился больше часа, а под железным топором оно валялось через пять минут. К вечеру лес был приготовлен и перенесен на поляну.

За этот день весть о появлении белых людей со всеми подробностями успела распространиться по стойбищам онкилонов и к вечеру начали прибывать отряды воинов из ближайших

жилищ, желавших посмотреть на чужестранцев. Последние отыхали после работ в землянке, где скоро стало тесно от набравшихся зрителей. Но посетители вели себя с достоинством, расспрашивали нателение землянки, рассматривали гостей и обменивались впечатлениями. По просьбе Амнуундака топоры и ножи были puщены по рукам, так как разговор шел и о быстрой работе пришельцев, благодаря которой сооружение новой землянки, отнимавшее у онкилонов целую неделю, было почти закончено в один день.

Только после ужина жилище освободилось от гостей, которые расположились на ночлег вокруг костров на поляне.

Амнуундак решил воспользоваться приходом многих воинов, чтобы устроить на следующий день охоту загоном на носорогов, надеясь на молнии белых людей. В ямы носороги попадали очень редко, копья и стрелы онкилонов не пробивали их толстую кожу. Последняя очень ценилась воинами как лучший материал для щитов, выдерживавших удары дубин дикарей.

17

ОХОТА НА НОСОРОГОВ

На следующее утро, благодаря многочисленным пришельцам, в четверть часа остов новой землянки был закончен.

Предоставив женщинам крыть его дерном и устраивать внутри, все собравшиеся воины во главе с Амнуундаком и чужестранцами отправились на охоту за несколько километров на восток, где накануне видели семью носорогов. Собравшиеся, в количестве более ста человек, быстро и без шума пробираясь по опушкам, оцепили небольшую поляну, на которой паслись животные. Вождь и путешественники встали вблизи тропы, по которой их должны были погнать.

Когда все заняли свои места, онкилоны по сигналу Амнуундака подняли стук дубинами по деревьям, аккомпанируя громкими криками своей военной песни. Носороги, застегнутые врасплох, заметались по поляне, но повсюду встречали страшные звуки, издаваемые невидимым врагом. Наконец, они очутились недалеко от поста охотников; грянули четыре выстрела. Самец рух-

нул на колени, вскочил, пробежал до опушки и свалился. Самка с детенышем помчалась в противоположную сторону и встретилась с цепью онкилонов, вышедших после выстрелов из леса. Но теперь она видела врагов и, не обращая внимания на крики и полетевшие в нее копья и стрелы, прорвала цепь, подбросив ударом головы подвернувшегося ей онкилона на воздух, и скрылась в лесу. Детеныш, повидимому, недавно родившийся, отстал от нее и его остановили собаки, вцепившиеся в складки кожи на его боках. Но им вероятно пришлось бы плохо, если бы подбежавшие онкилоны не прикончили мальчика копьями.

Вся охота кончилась в четверть часа, но стоила сломанной ноги у подброшенного человека, что, впрочем, нисколько не уменьшило торжества охотников. Раненого тотчас же унесли на быстро снятой с детеныша шкуре и двух жердях к шаману, занимавшемуся также и врачеванием. Оставшиеся занялись тушей старого носорога, от которой через полчаса остался только скелет и содержимое желудка и кишек; все остальное было срезано и унесено на стойбище.

Вернувшись к обеду, путешественники застали свое новое жилище почти готовым; недоставало только шкур для постелей и хояек. Первые уделил Амнундак из своих запасов, вторых надлежало выбрать в день весеннего праздника, до которого оставалось еще трое суток. Путешественники решили воспользоваться этим временем, чтобы сходить на свою базу у сугробов, проведать Никифорова и принести некоторые вещи.

Но понадобились довольно длинные переговоры, чтобы убедить Амнундака отпустить их без огромного конвоя и ограничиться двумя воинами.

На следующее утро путешественники отправились, выбрав путь вдоль западной окраины котловины, чтобы познакомиться с ней ближе. Шли вдоль опушки из полярной бересклеты, по которой пролегали многочисленные олены тропы. Здесь паслось стадо рода Амнундака под надзором настухов на моховицах, тянущихся полосой между россыпями камня и зарослями.

Северные олени являлись единственным домашним скотом онкилонов, доставлявшим им молоко, мясо и шкуры. Охота на зверей и птиц, рыбная ловля в озерах дополняли продукты

стада, а водяные орехи и корни сараны, вылавливаемые из озер и выкапываемые женщиными на полянах, давали растительную пищу этому в сущности мирному племени, которого только соседство дикарей сделало воинственным. Дикари жили только охотой и истребляли много диких животных, тогда как онкилоны берегли их; поэтому животные держались больше в южной части котловины, где их меньше преследовали, а дикари делали охотничий набеги в земли онкилонов и не щадили также домашних оленей. В этом была главная причина вражды онкилонов к дикарям, заставившая их выработать военный уклад жизни. Кроме того дикари при случае похищали молодых онкилонок, которые скоро погибали от грубого обращения и тяжелых условий первобытной жизни, если им не удавалось бежать из плена. Это обстоятельство, конечно, не способствовало миру между онкилонами и дикарями, и война между ними не прекращалась никогда.

Окраина котловины и с этой стороны оказалась состоящей из базальта, слагавшего высокие уступы, недоступные для человека. В обрывах чередовались толщи, то пузыристые или даже шлаковатые, то плотные, разбитые на правильные шестигранные столбы различной в разных местах толщины и длины; местами чернели отверстия больших пещер или ниш, служивших приютами каменным баранам. Очевидно, гигантский вулкан, некогда занимавший место Земли Санникова, действовал очень долго, изливая потоки лавы во все стороны, прежде чем произошел колоссальный провал его центральной части, создавший котловину с ее горячими источниками — последними отзывками угасшего вулкана. Некоторые потоки лавы изобиловали миндалинами халцедона, агата, сердолика и полуопала, и онкилоны, сопровождавшие чужестранцев, сообщили им, что из этих потоков добывают цветные камни для женских украшений, а из более крупных миндалин делают наконечники для стрел и копий, хотя предпочитают костяные, более легкие для обработки.

После томительного перехода и только благодаря тому, что солнце заходило уже очень поздно и день был длинный, путешественники добрались до своей базы у сугробов, где застали Никифорова у костра, занятого поджариванием мяса. Отшель-

ник с удивлением рассматривал двух онкилонов, пришедших с его товарищами, а они в свою очередь удивлялись палатке, поставленной в снеговом гроте, и человеку, предпочитающему жить среди снега вместо зеленого леса. Их заинтересовали также гроты для собак, но нарты и байдару им не показали, чтобы не выдать средства своего передвижения через льды. Онкилоны остались в убеждении, что белые люди всю жизнь проводят среди снега, а собак употребляют в качестве выночных животных.

На ночь онкилоны удалились в полосу леса, подальше от снега, а путешественники расположились в палатке. Перед рассветом собаки, спавшие у входа снаружи, подняли отчаянный лай. Никифоров, выглянув, увидел силуэт огромного медведя, который задними лапами отмахивался от трех досаждавших ему собак, а передними разбрасывал глыбы льда, закрывавшие вход в соседнюю ледяную кладовую, в которой хранились шкуры, черепа и запасы мяса. Казак разбудил товарищей, и выскоцил с ружьем. Густой туман по обыкновению окутывал котловину и пришлось отзвать собак, чтобы не попасть в них. Но медведь, услышав голоса людей, встал на дыбы и напрягся к ним. В сумраке ночи и тумана он казался огромным, значительно выше человека. Всего два-три шага отделяли его от входа в палатку, когда две пули поразили его в грудь. Медведь покачнулся, рухнул и обрушился прямо во вход грота. Никифоров едва успел отскочить в сторону, а Горюнов откинулся в глубь палатки, где Горохов и Ордин в темноте искали свои ружья. Глыбы льда разлетались в стороны под ударами лап бившегося в агонии и ревевшего зверя, собаки выли и лаяли и из гротов им вторили тридцать глоток. Положение в палатке становилось критическим; медведь, только немного продвинувшись вперед, мог уже достать лапами струившихся в глубине людей, которым некуда было податься. К счастью Никифоров не потерял присутствия духа: заложив в ружье патрон с разрывной пулей, он улучил удобный момент и выстрелил почти в упор. Еще несколько судорожных движений — и туша замерла.

В это время на поднявшийся шум и выстрелы прибежали онкилоны с горящими головнями. Объединенными силами семи

людей удалось вытащить медведя из входа в грот. Зверь оказался необычайной величины и возбудил удивление онкилонов. Последние охотились на медведей только большим отрядом, но такая охота редко обходилась без гибели или тяжелых ран одного-двух человек. Поэтому медвежьи клыки ценились у них очень высоко, и немногие охотники имели в своем ожерелье пару медвежьих клыков.

Начало уже светать, сон был испорчен и все занялись снятием шкуры и разделкой туши. Никифоров получил большой запас мяса для собак, а шкурой путешественники решили украсть свое новое жилище. Поэтому они уговорили онкилонов нести ее прямо в стойбище вождя, обещая притти вслед за ними. Они придумали этот план, чтобы избавиться на день от опеки и попытаться проникнуть в земли, занятые дикарями, чтобы по наблюдать последних не в обстановке военного похода, который с этой целью предлагал им Амнундак.

18

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЛЮДОЕДАМИ

Оставив Никифорова наедине с черепом медведя, который он должен был очистить и спрятать в складе, путешественники взяли направление на северо-восток вдоль окраины котловины. Миновав знакомые уже по первой экскурсии места, они после полудня вышли на поляну, на влажной почве которой вблизи озера заметили рядом со следами копыт быков и лошадей отпечаток босой ноги человека. Это не мог быть след онкилона, так как последние ходили в обуви; кроме того след обращал на себя внимание величиной, сильным развитием пальцев, большим, сравнительно с нормальным, расстоянием между большим и вторым пальцем и длиной последнего.

Направив собак по следу, шедшему на северо-восток, путешественники миновали еще две поляны и приближались к третьей, когда услышали гул голосов. Собаки были вяты на приязь, а люди осторожно пробрались к олушки, с которой увидели на поляне дикарей. Человек восемь исполняли танец вокруг темной массы, лежавшей на траве, — очевидно добытого

ими крупного животного. Дикари были совершенно нагие, с очень смуглой кожей или покрыты волосами. Спутанные космы волос свисали на плечи, небольшие бороды окаймляли лица. С короткими копьями в одной руке, дубинками в другой, они плясали, то подпрыгивая на одном месте, то бросая ноги назад и вперед и размахивая руками. В такт движениям раздавались крики «Ой-го-го», «Ай-ду-ду», повторявшиеся без конца.

Танец продолжался минут десять, после чего дикари собрались вокруг жертвы и начали снимать с нее шкуру. Затем началось пиршество: каждый отрезал себе полоски теплого кровавого мяса и пожирал их одну за другой. Удовлетворивши голод, дикари стали отрезать более крупные части туловища и пластины мяса и, нагрузившись ими и шкурой, семеро пошли по поляне на восток, а восьмой остался у добычи, чтобы охранять ее от орлов, две пары которых уже кружились над местом охоты. Карапульный, сидя на корточках, продолжал насыщаться и, погруженный в это занятие, не заметил, как четыре человека и две собаки потихоньку подошли к нему сзади. Ворчанье Крота заставило его оглянуться. Он хотел вскочить, но, изумленный появлением невиданных людей, непохожих на онекилонов, с направленными на него блестящими палками и в сопровождении двух зверей, похожих на волков, он выронил нож и остался сидеть, дрожа от страха, с куском мяса в руке.

Над его маленькими глубоко сидящими глазками низкий лоб выдавался двумя массивными дугами; в разинутом рту видны были крупные белые зубы с порядочно выдающимися клыками, а очень короткий подбородок придавал лицу звериное выражение. Нос был приплюснутый, с широкими ноздрями, полускрытыми длинной белой палочкой; уши большие со вставленными в мочки круглыми пластинками белой кости, которые оттянули их почти до плеч. Вокруг шеи спускалось ожерелье из клыков кабана и медведя. Туловище было покрыто густыми черными волосами, но на плечах и груди сквозь них просвечивала темная кожа.

Несколько минут дикарь и путешественники рассматривали друг друга в молчании, которое Горохов наконец нарушил взором:

— Ну, и отвратительная образина!

Пляска дикарей вокруг убитого первобытного быка

Дикарь ответил глухим ворчанием и вдруг, с силой оттолкнувшись ногами от земли, сделал большой прыжок через полуочищенную тушу быка, в сторону, не загражденную врагами и, круто наклонив корпус вперед, побежал по поляне так быстро, что собаки, бросившиеся за ним, не могли его догнать.

— Эх, упустили! — воскликнул Костяков. — Нужно было связать ему руки и увести с собой.

— Так бы он и дался! — рассмеялся Горюнов. — Вы видели, какие у него мускулы и какие зубы? Мы бы вчетвером с ним не справились! Он свернул бы кому-нибудь из нас шею или прокусил бы горло.

— И что бы мы стали делать с ним? — спросил Ордин.

— Держать в плену и наблюдать, постараться выяснить его язык, психологию; ведь это же крайне интересно — психология и язык человека древнекаменного века! Взгляните на его оружие.

Дикарь оставил свои копья и дубину на траве. Копье имело около метра в длину и представляло ровный ствол молодой бересклета, в конец которого, слегка расщепленный, был вставлен грубо обитый длинный осколок кремня; тонкий сырой ремешок охватывал и стягивал дерево, не позволяя кремню вывалиться. Дубина представляла нижнюю часть ствola более толстого дерева, вместе с началом корневой части, раздувшейся до величины кулака. Она имела сантиметров семьдесят в длину и в мускулистой руке являлась страшным оружием для рукопашной схватки; таким оружием легко было раздробить череп человека и оглушить лошадь или быка. Другая дубинка, оставленная одним из ушедших ранее дикарей, отличалась еще тем, что в ее утолщенный конец сбоку был вставлен острый осколок кремня, которым с размаха можно было пробить череп крупного животного.

Туша быка была совершенно очищена от мяса, с одной стороны передняя и задняя ноги были отрезаны. Но оставалась еще половина, лежавшая к земле, и голова. Дикари несомненно должны были вернуться за своей добычей.

— Я думаю, они не вернутся сюда, — беглец наверное напугает их своим рассказом, — предположил Горюнов.

— А может быть именно вернутся, чтобы посмотреть на нас

или даже поохотиться за нами, ведь они людоеды, — заметил Костяков.

— Спрячемся и подождем, а потом выследим их стойбище, — предложил Ордин.⁴

— А если они найдут нас по следам? Они наверно опытные следопыты, — сказал Горюнов.

— Пройдем прямо на запад, чтобы оставить следы, а затем свернем по лесу и вернемся к поляне с другой стороны.

Оставив нетронутыми тушу и оружие, путешественники последовали этому совету и спрятались вторично на северной стороне поляны. Стойбище очевидно было недалеко, так как вскоре наблюдатели заметили, что на восточной окраине поляны зашевелились кусты и из них осторожно выглянула косматая голова разведчика. На туше уже сидели и клевали ее два орла, а два другие трудились над брюшиной, лежавшей в стороне. Это сразу показало дикарям, что на поляне людей нет и сейчас же из кустов выссыпала целая орда — человек тридцать, в том числе и десяток женщин, которые быстрым шагом направились к тушке. Орлы один за другим взлетели и стали кружиться.

Дикари обступили тушу и повидимому стали смеяться над беглецом, указывая на нетронутую тушу, на оставшееся оружие. Они вероятно говорили, что все ему почудилось, потому что он — килоны не только не оставили бы мясо, но прикончили бы и человека. Беглец оправдывался, показывая, где стояли странные люди, рукой отмечал рост собак и подражал их лаю. Тогда несколько человек стали осматривать землю вблизи туши и очевидно нашли следы, оставленные путешественниками, так как направились по ним. В это время остальные снова занялись тушей, срезали остальное мясо, выломали толстые мозговые кости, опорожнили брюшину. Женщины, тяжело нагруженные ртим, пошли назад к стойбищу, а мужчины побежали вслед за ушедшими по следам, чтобы догнать странных незнакомцев, напугавших их товарища. На поляне остался только позвоночник с ребрами, лопatkами и тазовыми костями, на которых и орлам почти нечем было поживиться.

— Вот и отлично! — воскликнул Костяков. — Мужчины ушли, а мы сделаем визит женщинам на стойбище.

— С риском, что мужчины, скоро вернутся и зададут нам переду? — спросил Горюнов.

— Нам все равно нельзя идти вперед, они пошли по дороге, по которой и мы должны идти к стоянке онекилонов, и мы с ними должны встретиться. Мы посмотрим стойбище, а потом сделаем крюк на юг.

Желание увидеть жизнь стойбища преодолело опасения и все четверо отправились по тропе на восток; капли крови на земле выдавали путь женщин. Вскоре впереди послышались крики и смех и, осторожно приблизившись, путешественники увидели стойбище среди небольшой поляны. Оно было временное или летнее у подножия большого одинокого тополя. Здесь горел огонь, вокруг которого теснились женщины и дети разного возраста. Женщины были несколько ниже ростом, чем мужчины, немного стройнее и менее волосаты, особенно спереди; зато волосы на голове были длиннее, но также спутаны в космы; лица имели бы менее звериное выражение, если бы не палочки, вставленные в ноздри, белые кружки, вставленные в нижнюю губу, оттопыренную вперед, и такие же кружки в ушах; на смуглых шеях белели ожерелья; о какой-либо одежде не было и помину. Дети были менее косматы и волосаты, чем взрослые.

Боткнув куски мяса на палочки, дикие слегка поджаривали их на огне и пожирали. Вблизи костра лежал большой камень, на котором женщины ударами другого камня разбивали мозговые кости и с шумом высасывали из них мозг. Раздавались крики, смех — орда наслаждалась пищей.

Насытившись, женщины повесили оставшееся мясо на сук, а двое из них, разостлав шкуру на земле, стали очищать ее кремневыми скребками от крови и сала. Другие растянулись на траве вблизи костра в сырой дремоте. Дети начали резвиться, бегая друг за другом, то на двух, то на четырех ногах; другие валялись на траве и визжали; некоторые с проворством обезьян ползли на дерево и в его листве слышались их голоса.

— А если бы мы вышли к ним? — предложил Костяков. — Они наверно испугаются и побегут, а мы рассмотрим их стойбище поближе и возьмем коллекцию оружия и домашней утвари.

— А если они не побегут, а начнут защищаться? Взрослых

женщин в большие двадцати, а силы у каждой побольше, чем у любого из нас, — возразил Горюнов.

— Ну, выстрел их живо успокоит.

— Зачем же мы станем убивать их?

— Выстрел в воздух, я думаю, заставит их убежать.

Мысль произвести этот опыт показалась заманчивой, и путешественники с ружьями наготове вышли из кустов и направились к стойбищу, а собаки с лаем бросились на бегавших на четвереньках детей, приняв их за особую породу дичи. Впечатление получилось огромное. Женщины вскочили и столпились вокруг огня и дерева, глядя с открытыми ртами на подходивших странных людей, о которых уже слышали от беглеца. Дети пустились на утек от собак и попрятались за женщинами, издавая крики ужаса. Но женщины скоро пришли в себя и стали хватать копья и дубинки. Одна побежала на помощь к малышу, который лежал на земле между рычающими собаками и выл от страха. Горюнов поспешил отозвать собак, прежде чем женщина замахнулась на них копьем.

— Как видите, они не думают бежать, а поднимают уже копья для метания в нас, — предупредил Ордин.

— Придется стрелять, пока непоздно. Если мы теперь повернем назад, они подумают, что мы боимся и нападут на нас сзади, — заявил Костяков.

— Да, затеяли игру, нужно ее выиграть, — сказал Горюнов. — Два выстрела поверх голов женщин, а два будем иметь в запасе.

Костяков и Ордин выстрелили. Эффект получился неожиданный, женщины при виде огня и дыма из направленных на них блестящих палок, при грохоте выстрелов и свисте пуль, перепугались, упали на колени и, бросив копья и дубинки, с умоляющим жестом протянули руки и стали кланяться до земли с воплями ужаса; дети ревели во всю.

— Ну, вот чего я не ожидал! — воскликнул Костяков. — Я думал, они убегут и мы возьмем, что нужно.

— Остается подойти к ним спокойно и разыграть богов, — предложил Ордин.

— Которые похищают дубинки и копья? Но сперва зарядим ружья на всякий случай.

Исполнив это, путешественники стали спокойно подходить к коленопреклоненным женщинам. Но когда оставалось только шагов десять, дети устроили панику — с воем они пустились через поляну в лес. Женщины одна за другой вскочили и последовали их примеру, кроме одной, которая лежала, уткнувшись лицом в землю, и дрожала всем телом.

Ордин и Костяков обмеряют женщину на стойбище дикарей

Подойдя к ней, путешественники стали рассматривать ее внимательно и Костяков, вынув рулетку, произвел измерения ее роста, длины рук и ног, ширины в плечах, в пояссе и в бедрах. Ее спина была покрыта короткими негустыми волосами, по дошвы и ладони были голые и на первых кожа по своей твердости производила впечатление рога; большой палец сильно отделялся от остальных; на руках и ногах волосы были тщес, чем на спине. Осмотрев женщину сзади, ее быстро перевернули на спину; она издала ужасный вопль и закрыла глаза, но не пыталась сопротивляться. Спереди она оказалась гораздо менее волосатый, а груди и лицо были совершенно чисты; но,

благодаря отсутствию бороды, небольшая высота подбородка бросалась в глаза, больше чем у мужчин; зато надбровные дуги меньше выделялись, чем у последних. Но широкие скулы, впадые маленькие глаза, приплюснутый нос с палочкой, оттянутая губа с белой костяшкой,— все это не способствовало красоте ее лица. Волосы, не знавшие ни мыла, ни гребня, были спутаны в космы, в которых видны были стебли травы, листья и всякий сор. Но мускулистость тела заставляла предполагать в женщине изрядную силу.

Наконец, бедняжку, очевидно объяснявшую произведенные над ней измерения какими-нибудь колдовскими манипуляциями, предшествовавшими ее съедению, оставили в покое, причем заметили, что одна ее нога привязана крепким ремешком к вбитому в землю колышку. Этим объяснялось то, что она не убежала вместе с остальными; очевидно она была за что-то наказана.

Выбрав пару типичных дубинок с кремнем и без него, пару копий, скребков и грубую деревянную чашку, лоснившуюся от жира и бурую от крови, сняли с женщины ожерелье и собрались уже уходить.

— Знаете ли, ведь мы в сущности устроили форменный грабеж, — сказал Горюнов. — Напугали дикарок до смерти, а затем берем часть их скучного имущества.

— Но ведь это для науки, а не с корыстной целью, — возразил Костяков.

— Все-таки нехорошо! Нужно оставить им что-нибудь взамен.

Порылись в котомках и нашли маленькое зеркальце, нитку стеклянных бус, сломанный перочинный ножик и жестянную кобурочку от пиллюль, прибавили две медные тильзы от патронов и положили все это возле руки женщины, продолжавшей лежать с закрытыми глазами. Затем тихонько ушли и, спрятавшись в опушке, стали наблюдать.

Некоторое время все было тихо. Потом женщина подняла голову, увидела, что странные люди удалились и ничего не сделали с ней, присела, оглядываясь кругом, и, положив два пальца в рот, издала резкий продолжительный свист. В ответ из леса послышались свистки и голоса и вскоре появились одна

за другой беглянки и дети. Пока они приближались, женщина заметила вещи, лежавшие на земле и обратившие ее внимание своим блеском. Сначала она не решалась тронуть их; то протягивала, то отдергивала руку, словно боялась, что они обожгут или укусят ее. Наконец, любопытство преодолело страх, и она стала брать вещи одну за другой, осматривать,нюхать, испуская крики изумления. Подбежали остальные и вещи стали переносить из рук в руки, вызывая возгласы и споры. Нитку бус женщина надела было на свою шею, лишившуюся ожерелья, но две другие схватились за нее, нитка лопнула и бусы рассыпались по земле. Началась свалка, все стали подбирать бусинки и собранные прятать в рот.

— Напи подарки только беды наделают, подерутся бабы между собой! — засмеялся Горохов.

Но путешественники не стали ждать конца ссоры и дележа, а направились на юго-восток, чтобы не встретиться с дикарями. Им пришлось ночевать на одной из полян и только на следующий день к полудню они прибыли в стан Амнуундака, который с утра уже разослал воинов на поиски по разным направлениям, опасаясь, что белые люди или заблудились, или изменили своему слову и скрылись. Увидев в руках гостей дубинки и копья дикарей и узнав, что они проделали, он стал упрекать их за неосторожность и заявил, что онкилоны никогда бы не решились ходить только вчетвером по земле дикарей.

— А жаль, что мы не захватили с собой женщину, попавшую к нам в руки так неожиданно, — сказал Костяков. — Мы ведь могли приручить ее и доставить на родину редчайший экземпляр первобытного человека и показыванием ее заработать средства на новую экспедицию.

— Мысль заманчивая, но исполнение было бы слишком трудно, — возразил Горюнов. — Хлопот с ней был бы полон рот, как говорится.

— Ну, какие там!.. Погнали бы ее на ремешке с собой сюда, она была смириная.

— Вначале от страха! А с нами не пошла бы добровольно, не сомневаясь, что ее уводят на съедение. Пришлось бы ее связать и нести на плечах двадцать-тридцать километров!

— Да, это было бы не очень легко и приятно, — прибавил

Ордин с усмешкой. — Весит она пудов пять по крайней мере, а запах издает прескверный, вроде падали. Меня чуть не стошило, когда я помогал вам мерить ее.

— А здесь пришлось бы ее все время караулить, чтобы не сбежала, да нянчиться с ней. Нет, пусть это сделает следующая экспедиция на Землю Санникова, а мы ограничимся черепами этих людей, которые нужно раздобыть, — заявил Горюнов.

— Вот, случится какая-нибудь стычка онкилонов с ними, тогда и добудем несколько черепов, — заметил Ордин.

Путешественники в этот день ночевали еще в землянке во-ждя, хотя их новое жилище было закончено за время их отсутствия. Со своей базы они в этот раз принесли запас белья, чая, сахара и посуду, чтобы устроиться немного удобнее и не жить совершенно по-онкилонски.

19

ПРАЗДНИК ВЫБОРА ЖЕН

На следующий день должен был состояться весенний праздник, которым онкилоны отмечали полное наступление весны, прилет перелетных птиц, отел северных оленей. С раннего утра на поляну стали прибывать отряды онкилонов из всех стойбищ, на которых оставались только старики, старухи, дети и очередные олены пастухи. Прибывшие располагались по родам вдоль опушек, разжигали костры, женщины готовили обед, мужчины осматривали оружие, готовясь к состязаниям, переходили от костра к костру, обмениваясь новостями.

В землянку Амнуундака поочередно группами приходили воины, посмотреть на чужестранцев, владевших громами и молниями и согласившихся отсрочить своим присутствием беды, предсказанные онкилонам. Беседа шла теперь свободнее, чем в первые дни, так как Горохов припомнил свои познания языка чукчей и попрактиковался, а остальные также уже кое-что понимали и говорили. Из землянки было удалено ее обычное население, так что сразу являлся целый род, во главе со своим вождем, размещавшимся по трем сторонам центрального квадрата; муж-

чины садились спереди, женщины стояли сзади. Вождь подносил Амнуундаку, шаману и чужестранцам, занимавшим почетные места против входа, какой-нибудь подарок — шкурку лисицы или куницы, зубы кабана или медведя, миндалины агата, сердолика или халцедона, каменный топорик — и получал взамен орлиное перо, которое тут же втыкал в свою прическу. По числу перьев можно было судить о возрасте каждого из вождей. Некоторые из них был уже седые, но повидимому еще полные сил и в их прическе можно было насчитать двадцать-тридцать пять перьев, образовавших целый веер.

Путешественники узнали из расспросов, что звание главы рода не было наследственным; род выбирал главу из числа своих членов за храбрость и удачу на охоте и войне пожизненно или до наступления дряхлости. Одряхлевший вождь сам отказывался и назначал выборы, оставаясь почетным лицом в своей землянке без обязанностей. В случае смерти вождя род немедленно выбирал нового. Равным образом звание вождя всех онкилонов не было наследственным; главы родов выбирали его из своей среды. Впрочем, это звание скорей всего было почетным; вождь управлял своим родом, как и другие главы, и только разбирал споры между родами и назначал общие для всех родов охоты или войны с дикарями; споры были очень редки и происходили из-за оленевых пастищ и похищения девушек.

Каждый род, живший совместно в землянке, представлял небольшую коммуну, у которой главное имущество — жилище, олени и утварь — было общее. Женщины сообща готовили пищу, выделявали шкуры, шили одежду, собирали грибы, ягоды и коренья; мужчины пасли и охраняли стадо, изготавливали оружие, доставляли топливо, ходили на охоту, рыбную ловлю или на войну с дикарями.

После того, как все девятнадцать родов перебывали в землянке вождя и познакомились с чужестранцами, последние с Амнуундаком вышли на поляну и шаман своим бубном подал сигнал к началу праздника. Женщины, девушки, подростки и немногие старушки ближайших стойбищ расположились вдоль опушки по обе стороны землянки. Мужчины выстроились отрядами по родам в стороне. Амнуундак с гостями и шаман сидели

у входа в землянку. По второму сигналу отряды прошли один за другим мимо вождя, исполняя военный танец, с копьями, щитами и луками в руках, колчаном стрел на спине. Танец состоял из прыжков, подбрасывания копий вверх и натягивания лука; движения были согласованы во всех отрядах и картина получилась довольно стройная. Большой барабан в виде обрубка ствола толстого тополя, длиной в два метра, внутри выдолбленного и с обоих концов обитого кожей носорога, по которой били колотушками, составлял военную музыку; он лежал на козлах и сверху имел ряд отверстий. Путешественники узнали, что такие барабаны имелись у каждого рода и посредством их важные и срочные известия передавались быстро по всему племени, словно по телеграфу. Глухой гул барабанов был слышен за несколько километров.

Во время этого танца путешественники могли сосчитать, что военная сила онкилонов достигала от четырехсот до четырехсот пятидесяти человек, так как в каждом роду было от двадцати до тридцати воинов. Присоединяя пастухов, стариков, женщин и детей, можно было определить численность племени от тысячи двухсот до полутора тысяч человек, т. е. гораздо больше, чем они думали сначала, на основании слов Амнуундака, что в каждом роду двадцать-тридцать человек; оказалось, что он имел в виду только воинов, а числа остальных даже приблизительно не знал.

После танца началось состязание в метании копий и стрельбе из лука; для первого натянули длинный кожаный аркан на двух высоких кольях. Один род за другим подходил, выстраивался в ряд на расстоянии сорока шагов от аркана и затем все воины сразу метали по одному копью, стараясь, чтобы оно перелетело за аркан. Жюри, состоявшее из трех глав родов, считало все перелеты и недолеты. Род, получивший наибольшее число перелетов, считался победителем. Для состязания в стрельбе принесли и развесили на кольях шкуру дикой лошади; темная полоса вдоль хребта являлась целью для стрел. Каждый род выстраивался в ряд в пятидесяти шагах от мишени, и затем один воин за другим выпускал по одной стреле. Считались только стрелы, попавшие в темную полосу, и род, давший наибольшее число попаданий, объявлялся по-

бедителем, которого приветствовали барабан частыми ударами, а зрители — криками.

Далее последовала борьба. Поочередно два рода становились друг против друга и выделяли равное число борцов, конечно, самых сильных; последние сходились попарно и в течение времени, определявшегося пятьюдесятью равномерными ударами барабана, должны были положить друг друга на землю. Опять-таки род, положивший всего больше противников, объявлялся победителем.

По окончании борьбы жюри сообщило Амнундаку имена родов, одержавших победу по каждому из состязаний, и вместе с ним и главами всех родов установили перечень родов в порядке выявленных ими успехов. После этого роды выстроились по кругу, внутрь которого вошел Амнундак и огласил этот перечень; роды, занявшие первые десять мест, приветствовали объявление их имен громкими криками, тогда как стальные молчали пристыженные. По возвращении вождя на место, роды повторили военный танец, но шествуя уже в порядке перечня — победители во главе, побежденные в хвосте, — и зрители приветствовали первых. Побежденные мотли получить реванш только через год и эти состязания заставляли воинов все время заниматься упражнениями тела и поддерживали в них воинственный дух.

После танца онкилоны расположились обедать в тени деревьев; женщины уже приготовили жареное мясо, суп, лепешки. Главы родов собрались в землянку Амнундака, как его гости, и во время обеда все еще обсуждали результаты состязаний, а побежденные объясняли причину своих неудач. Чужестранцев попросили показать онкилонам после обеда громы и молнии.

Через два часа барабан опять загудел, призывая теперь молодых холостых воинов на состязание за первенство в выборе жены. Таких воинов в каждом роду было два или три, и они состязались уже не по родам, а все сразу. Сначала повторилось метание копий, причем каждый поочередно метал по три копья; потом состязались в стрельбе из лука, опять по три стрелы каждый. Жюри тщательно следило за порядком и отмечало попадания, после чего установило перечень соперни-

ков по их успехам; если два, три или более получали одно и то же место, то вопрос решался единоборством между ними. В конце концов перечень был составлен и воины выстроились в ряд в этом порядке, их оказалось сорок семь.

Затем, по новому сигналу барабана, из рядов зрителей поднялись девушки, достигшие зрелости и желавшие получить мужа. Они явились на праздник, как и женщины, не в том минимальном костюме, который носили внутри жилища, а в легких кожаных панталонах, куртках и торбасах, красиво расшитых тонкими красными и черными ремешками. Свои косы они украсили воткнутыми в них цветами и на головы надели венки. Но теперь, выходя на смотрины, они сбрасывали с себя одежду, оставаясь только с плоским стыдливости, чтобы показать юным воинам красоту своей татуировки и, несомненно также, красоту форм своего тела. Они выстроились в ряд против жилища вождя, у которого заняли место и главы родов. Тогда Амнундак поднялся и, обращаясь к ним, сказал:

— Девушки! Вы слышали, что к нам явились белые люди, посланники богов, владеющие громами и молниями. Они согласились жить у нас, чтобы охранять онкилонов от бед, предсказанных нашим предкам. Мы должны дать им жилище, пищу и жен, чтобы они ни в чем не нуждались. Жен они сами выберут среди вас и каждая, на которую падет выбор белого человека, должна быть довольна этим. Я сказал.

Девушек эти слова не поразили, потому что весть о предстоящем уже распространялась по стойбищам и, явившись на праздник, все с любопытством рассматривали чужестранцев, женами которых четырем из них приходилось стать. Некоторые из них имели впрочем уже возлюбленных среди молодых воинов и были опечалены, но надеялись, что выбор падет не на них. Поэтому в ответ на речь Амнундака из ряда девушек послышался единодушный ответ:

— Пусть выбирают, мы все согласны!

Амнундак повернулся к путешественникам и сказал:

— Белые люди, гости онкилонов, я приглашаю вас выбрать себе жен из этих девушек.

Путешественники поднялись в понятном смущении; перед ними выстроились пятьдесят девушек, хорошо сложенных,

в большинстве красивых, и выбор был нелегок. В сопровождении Амнуундаха они прошли вдоль ряда и каждый из них колебался почти перед каждой из более красивых; один только Горохов сразу наметил себе, еще глядя издали, невысокую, довольно некрасивую, но полнотелую девушку, сразу обнаружив этим свой якутский вкус. Подойдя к ней он сказал, протягивая ей руку:

— Я хочу взять эту!

Девушка, закрыв лицо рукой и хихикая, вышла из ряда и стала возле Горохова. Она оказалась первой избранной и барабан приветствовал ее грохотом.

Остальные дошли до конца ряда и не сделали выбора. Удивленный Амнуундак спросил:

— Неужели наши женщины так дурны, что только одна понравилась вам, белые люди?

— Напротив, — возразил Горюнов, — среди них слишком много красивых и выбирать трудно. Но кроме того мы боимся, что те, кого мы выберем, станут нашими женами против своего желания, по твоему приказу. У нас мужчина всегда получает согласие девушки, которую выбирает себе в жены.

— А, так вы хотите, чтобы девушки выбирали вас? Ну, хорошо. Я вызову всех, которые согласны.

— Девушки, белые люди не могут решиться; все вы слишком красивы. Так пусть выйдут вперед те, которые сами хотят выбрать себе белых людей в мужья.

По ряду красавиц пробежали улыбки и смешки; некоторые переминались с ноги на ногу, не решаясь выдвинуться первыми.

— Ну, что же! — воскликнул Амнуундак. — Неужели никто из вас не хочет стать женой наших гостей? Они могут рассердиться на нас и уйти. А тогда бедствия постигнут наш народ.

Эти слова подействовали и более половины девушек дружно выступили на шаг вперед.

Но во время этого замешательства путешественники уже сделали свой выбор. Горюнов и Ордин указали девушек из рода вождя, к которым успели присмотреться при совместной жизни в землянке, а Костяков выбрал маленькую стройную смуглую девочку, строившую ему глазки.

— Выбор сделан! — воскликнул Амнундак. — Белые люди получили жен. Теперь пусть выбирают воины онкилонов.

Вместе с путешественниками, за которыми следовали их избранницы, он отошел к своему месту; девушки попросили позволения одеться и разбежались по своим родам, приветствуемые возгласами женщин. Очень скоро они вернулись, чтобы занять почетные места рядом с мужчинами.

Оставшиеся девушки сомкнули свой ряд. Барабан опять загудел и из ряда молодых воинов, стоявших в стороне, отделился один, оказавшийся в состязании первым, подошел к девушкам и стал медленно проходить вдоль их ряда. Его встречали шутками и смешками, и почти каждая говорила «возьми меня, возьми меня!», потому что быть женой первого из молодых воинов было очень лестно и девушки откровенно добивались этого. Но юноша отвечал им тоже шутками, быстро придумывая для каждой иную причину отказа: «ты слишком красива» (некрасивой), «ты горбата» (прямой, как стрела), «ты косишь», ты беззубая» и т. д., возбуждая протесты и смех.

Пройдя почти весь ряд, он сразу остановился против одной девушки, не предлагавшей себя и скромно опустившей глаза. Он ударил ее по плечу и воскликнул: «Ты мне нравишься!» Девушка вздрогнула, выскочила из ряда и помчалась, как стрела, по поляне, а юноша за ней.

— Что это значит? — спросил Горюнов у Амнундака. — Почему жена, которую он выбрал, убегает от него? Она не хочет его?

— Таков у нас обычай. Воин, выбравший девушку, получит ее только, если поймет.

— Новое состязание! — сказал Ордин.

— Это обычай, — пояснил вождь, — очень мудрый; девушка бежит нагая, ей бежать легко; молодой воин бежит в одежде, с копьем в руке. Немногие смогут догнать девушку, если она не хочет этого. Если выбравший ее ей противен или она любит другого, она не даст себя догнать.

— Корректив прекрасный, — заметил Ордин товарищам и, обращаясь к вождю, спросил: — Что же, воин, который не догнал девушку, остается без жены?

— Нет, он может повторить свой выбор, пока не поймает какую-нибудь.

— Сколько же времени девушка может бегать, целый день?

— Нет, только по кругу один раз, по кругу военного танца. Смотрите он ее поймал!

Действительно воин уже вел пойманную девушку за косу; девушка для виду упиралась и била его по руке. Женщины и остальные девушки приветствовали ее насмешками. Дойдя до места смотрина, воин и пойманная спокойно стали рядом в стороне.

Барабан опять загрохотал, и второй юноша подошел к девушкам; и он был еще желанным для многих как второй победитель, и его встречали, как первого. Но он упорно молчал, медленно обходя ряд, прошел до конца и повернулся обратно, вызывая негодующие взоры девушек.

— Сколько же времени он может выбирать? — поинтересовался Костяков.

— Он может пройти три раза, не больше, — ответил Аминундак.

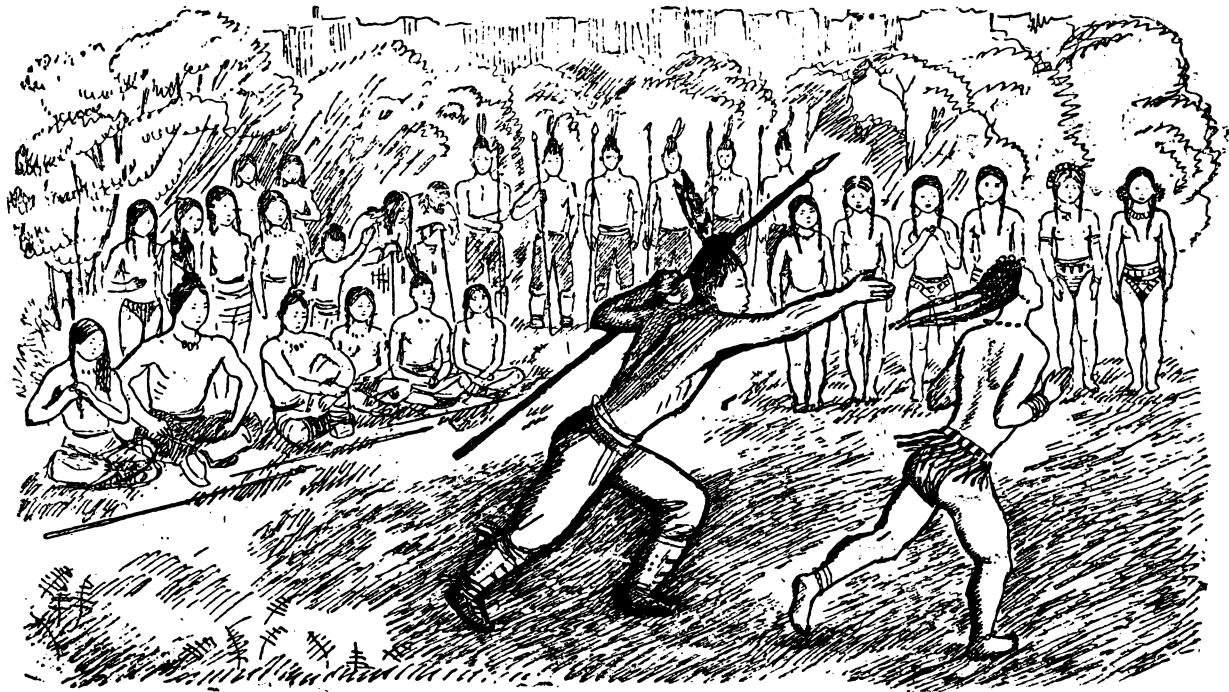
— Это очень храбрый охотник, но он хочет помучить девушек, смотри, как они сердятся!

Действительно, воин кончил второй обход и никого не выбрал. Девушки сердились, уже не предлагали себя, строили ему гримасы, кричали: «можешь совсем уйти! ступай к диким людям, выбери себе мохнатую жену! тебе голые не нравятся» и т. п. Воин также медленно и молча прошел и третий раз, не обращая внимания на насмешки, и вдруг, почти дойдя до конца ряда, резко повернулся и ударил по плечу одну из последних девушек. Последняя так растерялась от неожиданности, что, выскочив из ряда на поляну, не развила сразу достаточной скорости бега и воин поймал ее в двадцати шагах.

— Вот какой хитрый! — заметил Горохов, — он их заморил, чтобы не бегать далеко.

— Вот вам и корректив! — засмеялся Костяков. — Этак можно поймать и такую, которая не хочет.

— Пожалуй оно так и есть в этот раз, — сказал Ордин. — Смотрите, она не сопротивляется, как первая, для виду, но не рада.

Онкилон демонстрирует девушкам на празднике выбора жен

Девушка шла за воином, понурив голову, не отвечая на насмешки остальных.

— Сама виновата, не зевай! — сказал Горохов.

Третий воин быстро выбрал одну из первых девушек ряда, оказавшуюся великолепной бегуньей, далеко его опередившей. Но в самом конце круга она споткнулась и растянулась на траве к всеобщему удовольствию зрителей; прежде чем она вскочила на ноги, ее коса была уже в руках догонявшего, который с торжеством повлек ее за собой. Но падение очевидно было умышленное — один из приемов согласия.

Четвертый воин прошел быстро три раза мимо девушек, ни кого не выбрав, затем подошел к вождю и молча поклонился.

— Ты не желаешь иметь жену? — спросил удивленный Амнундак.

— Нет, великий вождь! Но в соседнем с моим стойбище есть молодая вдова, которая мне нравится, и я прошу дать мне ее в жены. Она согласна.

Глава рода этой вдовы подтвердил слова юноши, и Амнундак дал свое согласие.

Пятому воину пришлось бегать два раза, потому что первая, которую он выбрал, не дала себя поймать; вторая в наказание за то, что он выбрал ее не первой, заставила его пробежать полный круг и сдалась только на последнем шаге, симулируя усталость. Шестой жених выбрал ту, которая убежала от пятого, и она дала себя поймать уже на половине круга. Когда он вел ее мимо девушек, ей кричали: «как ты скоро устала, проворная!»

Так с разными вариациями выбор продолжался и ряд девушек все сокращался. Ни им, ни зрителям эта игра, длившаяся часами, не надоедала. Девушки, несмотря на то, что стояли так долго на ногах, бегали проворно и редко сдавались быстро. Некоторым воинам пришлось бегать по два раза, а одному даже три. К концу, когда осталось только несколько девушек, выбор становился быстрее.

Последняя девушка, убежавшая уже от трех выбравших ее воинов, убежала и от последнего к общему изумлению. Ее позвали к вождю, который сказал ей:

— Почему ты не хочешь получить мужа? Каждая девушка должна быть женой, чтобы давать племени новых воинов. Ты отвергла уже четверых! Что это значит?

— Хорошие воины меня не выбирали, а женой плохих я не хочу быть, — гордо ответила девушка.

— Что же, ты будешь ждать будущей весны?

— Я хотела бы быть женой вот этого белого человека! — неожиданно сказала гордячка, указывая на Ордина, пораженного изумлением.

— Но у него есть уже жена! — возразил Амнундак.

— Он великий воаждь, у него могут быть две жены, — не унималась девушка, — я его выбрала по твоему слову, но он взял другую. Я буду у него второй женой.

Эта настойчивость и гордый вид девушки понравились Ордину и он согласился, очень смущенный. Девушка быстро побежала за своей одеждой и, вернувшись, села рядом с ним, по другую сторону от первой жены.

В это время молодые пары при грохоте барабана пронесли мимо Амнундака и родовых глаз; девушки уже успели переплести свои четыре косы на две в знак замужества. Последний воин, оставшийся без жены, спрятался среди зрителей; ему приходилось ждать целый год.

Настала очередь путешественников показать онкилонам свои громы и молнии. За неимением лучшей мишени, принесли и расставили опять лошадиную шкуру. Стрелки стали к удивлению онкилонов в двухстах шагах от нее — вчетверо больше полета стрелы; онкилоны расположились полукругом по бокам, растянувшись почти до мишени, и с напряженным вниманием следили, как чужестранцы что-то проделали со своими блестящими дубинами, затем приложили их к щеке. Взывшиеся дымки и прокатившийся грохот заставили всех зрителей вздрогнуть. Затем, все толпой, перегоняя друг друга, бросились к мишени и наперебой тыкали пальцы в дырки, оставленные пулами. Многие спрашивали в изумлении, где же самые молнии, пробившие кожу? и бросились искать их по поляне. Еще большее изумление вызвал Горюнов, подбросивший вверх свою шапку и налету пронзивший ее пулей. Ордин в это время заметил, что на юге над лесом показался косяк гусей, летевших на се-

вер; он быстро переменил патрон в ружье и прежде, чем онкилоны успели спросить, в кого он хочет бросить молнию, раздался выстрел и гусь шлепнулся прямо на головы толпы приятелей, пришедших в дикий восторг. Наконец, Амнундак велел привести оленя, которого не привязали, а отпустили; испуганное животное помчалось обратно к лесу, но пуля Горохова положила его прежде, чем он отбежал двадцать шагов.

Этим закончилась демонстрация могущества чужестранцев. Провожаемые всем племенем, они прошли в землянку Амнундака вместе со своими женами, которые были очень горды своей близостью к белым людям. На поляне в разных местах запыхали костры и началось приготовление ужина, в ожидании которого мужчины и девушки плясали вокруг костров.

После ужина вождь предложил путешественникам занять свое новое жилище.

— Теперь у вас есть жены и там вам будет просторнее и удобнее, чем здесь, где мы сами едва помещаемся.

Женщины быстро побежали вперед, чтобы развести огонь и приготовить постели. Путешественники в сопровождении вождя немного помедлили на поляне, где онкилоны, выставив караульных, уже укладывались спать вокруг костров, каждый род отдельно, на шкурах, разложенных на земле. Амнундак проводил гостей до входа в их землянку.

Войдя в землянку, путешественники увидели горевший уже большой огонь, освещавший небольшое, чистое жилище, сильно пахнувшее смолой от стволов лиственниц, слагавших его стены. Вокруг огня сидели все пять девушек, уже в своем домашнем наряде, т. е. пояске стыдливости. Они оживленно беседовали, но замолкли, когда вошли их нареченные, немедленно встали и отошли в сторону. Землянка имела уже вполне жилой вид: на одном из столбов висели бурдюк с молоком, чайник и котелок, на полочке стояли дорожные кружки и деревянные чашки; на земле стояли два деревянных сосуда для варки супа и лежала кучка камней и палочки для жаренья мяса. Под откосами трех сторон землянки были отгорожены спальные места, где поверх слоя сухих листвьев и свежих веточек лиственницы лежали мягкие оленьи и медвежьи шкуры, кожаные валики, набитые оленьей шерстью, и одеяла из

оленых шкур. У входа был сложен запас мелко нарубленных дров и стоял сосуд с водой.

После переполненной людьми и закопченной землянки Амундака путешественники свободно вздохнули в своей просторной и чистой, и им захотелось посидеть еще у огня и выпустить трубку перед сном. Расположившись, они подозвали своих жен и усадили их рядом. Немногие слова, которые они успели выучить, не позволяли вести оживленный разговор и приходилось больше прибегать к жестам и мимике. Прежде всего каждый осведомился, как зовут его жену; у Горюнова оказалась Мату, у Костякова — Папу, у Горохова — Раку, а у Ордина первая Анну и вторая тоже Анну.

— Вот те раз! — воскликнул Ордин в смущении, — навязали двух жен, да еще с одним и тем же именем, как же я буду звать их, чтобы обе не откликались сразу?

— Зовите их Анну первая и Анну вторая, — придумал Горохов.

— Как же это будет по ихнему?

— Анну-эннен и Анну-нгирэк, — ответил Горохов и обе Анну закивали головой в знак согласия.

— Но это очень длинно, нельзя ли сократить? Я буду звать Аннуэн, — Ордин указал на первую жену, которая кивнула головой, — и Аннуир, — он взял вторую за руку, и та также выразила согласие.

— Вы можете звать их просто первая и вторая, они поймут, — заметил Горюнов.

— Зачем же? Анну красивое имя, а нгирэк иной раз не выговоришь, не споткнешься.

Горохов перевел эти слова и женщины были польщены тем, что их муж нашел их имя красивым. Они чутко прислушивались к русским словам и видно было, что они уже кое-что понимали, о другом догадывались. Через неделю-другую при постоянном общении взаимное понимание будет достигнуто, — так подумал каждый из русских.

Наговорившись, стали распределять спальные места; навес против входа, более широкий, чем боковые, был разделен продольной низкой перегородкой из вбитых в землю кольев на две части; эти более почетные места заняли Горюнов и Костя-

ков; навес слева, где было приготовлено два спальных места, естественно достался Ордину, а навес справа — Горохову. Крот и Белуха, перекочевавшие с хозяевами, свернулись у входа. Женщины подбросили дров в огонь и все разошлись по своим местам.

В землянке воцарилась тишина.

20

БИТВА С ДИКАРЯМИ

Рано утром путешественники были разбужены сильным шумом, который подняли онкилоны. Предполагая, что последние просто собираются в путь по домам, молодые пары хотели еще понежиться в постелях, но Аннуир встревожилась, подошла к входу, высунула голову наружу, прислушалась и потом закричала жалобным голосом:

— Дикии напали ночью на жилище моего рода! Вождь объявил поход на них!

— Ну, товарищи, делать нечего! Надо одеваться; без нас поход конечно не обойдется, — заявил Горюнов, хватаясь за одежду.

— Прямо со свадьбы на войну! — смеялся Костяков. — Папу, жена, неси мне щит и шлем, достань мою кольчугу и не забудь копье и меч булатный мой! Я еду на войну, как рыцарь молодой.

Папу, конечно, ничего не поняла из этой тирады и смотрела, полусонная, на своего супруга в недоумении. Но, заметив, что он смеется, расхохоталась и спросила, коверкая русские слова:

— Отне жигать, кушай варить?

— Совершенно верно! — рассмеялся Ордин, высовываясь из-под одеяла. — Она отлично понимает, что перед походом надо хорошо покушать. Аннуэн, Аннуир! огонь! мясо, молоко!

Аннуир сидела у порога и плакала, закрыв лицо руками. Услышав зов мужа, она встрепенулась и, сообразив в чем дело, начала разгребать золу погасшего за ночь костра, добывая горячие угольки; остальные женщины тоже повылезали из постелей, надели прежде всего свои пояски стыдливости и стали по-

могать ей разводить огонь. Вдруг все они засмеялись, запептали, Аннуир вскочила и бросилась, закрываясь руками, к своей постели, юркнула под одеяло, но через минуту вылезла и спокойно подошла к остальным. Проснувшись от шума, она, оказывается, впопыхах забыла надеть свой поясок; остальные заметили это и обратили ее внимание на неприличие ее поведения.

Огонь уже пылал, и мясо на палочках жарилось; путешественники оканчивали свой туалет, когда в землянку вошел Амнундак, поздоровался и, присев к огню, сказал:

— Белые люди! Первая беда уже постигла наш народ. Этой ночью людоеды напали на наше самое далекое жилище, перебили стариков и пастухов, унесли детей, утнали оленей.

Аннуир, услышав эти слова, принялась выть. Она была из этого стойбища, и дикии убили ее родителей, увели братьев и сестер.

— Кто же принес эту весть так скоро? — спросил Горюнов.

— Военный барабан. Один из пастухов остался жив и подал нам весть. Я объявил поход на людоедов. Все воины здесь, и мы их жестоко накажем. Воины очень хотят, чтобы владеющие громами и молниями пошли с нами наказать людоедов.

— Ну конечно мы все пойдем с вами! — поспешил согласиться Горюнов. — Вот только позавтракаем наскоро.

Амнундак поднялся очень обрадованный и, уходя, сказал:

— Я сейчас скажу воинам, что белые люди согласились; они будут рады!

Через несколько минут эта весть была передана онкилонам и полянам огласилась громкими криками радости. Женщины также видимо были довольны. Аннуир перестала плакать и, вытирая глаза руками, сказала Ордину:

— Я пойду с тобой в поход.

Пока жарилось мясо, путешественники почистили ружья, наполнили патронташи, собрали дорожные вещи в котомки — поход мог продолжаться несколько дней. Жены с величайшим вниманием следили за всеми их действиями и, благодаря этому, несколько палочек с мясом пригорели, за что Раку немедленно получила выговор от Горохова.

Наконец, все было готово, завтрак съеден, в котомки полу-

жен запас лепешек, жареного мяса, и путешественники вышли из землянки. Их охватил густой туман, нависший, как всегда, над котловиной. Сквозь туман тускло видны были огни костров и двигавшиеся вперед и назад фигуры. Издалека доносились глухие удары барабана, продолжавшие сообщать подробности разразившегося несчастья. Амнундак стоял уже в полном вооружении у входа в свое жилище и, увидев, что белые люди готовы, махнул рукой. Немедленно загремел стоявший поблизости барабан, возвещая выступление и передавая это известие соседним стойбищам. У костров люди засуетились и стали строиться по родам в колонны; впереди воины, сзади женщины с ношами и подростки, возвращающиеся на свои стойбища. Женщины рода Амнундака, конечно, оставались дома; все они с детьми вышли из землянки посмотреть, может быть в последний раз, на своих мужей и сыновей. Прощание было очень короткое; женщины не плакали, а обняв мужчину, терлись щекой об его щеку, что заменило у них поцелуй. То же проделали и жены путешественников; Аннуир присоединилась к женщинам своего рода, потому что итти рядом с воином в походе женщине не полагалось. Под грохот барабана колонна тронулась в путь во главе с Амнундаком и белыми людьми, сопровождаемыми обеими собаками, которые могли быть очень полезны при выслеживании дикарей. Шли скорым шагом прямо к ограбленному стойбищу, до которого было километров двадцать пять. Леса сменили поляны и время от времени партия женщин, попрощавшись со своими, отделялась от колонны, чтобы свернуть к своему жилищу. Туман постепенно рассеивался, проглядывало солнце и начинало прищекать.

Задолго до полудня дошли до стойбища, представлявшего печальное зрелище. Землянка, подожженная дикарями, выгорела внутри и обрушилась; из кучи побуревшего дерна местами шел дым и вырывались языки пламени; слышен был за jaki горелой кожи и шерсти. Трава на поляне была истоптана, местами залита кровью. В нескольких местах лежали трупы стариков и старух, которых дикари не пожелали унести с собой, но отрубили им головы в качестве трофеев. Валились сломанные копья, стрелы, клочья изорванной одежды и щепки от поломанной утвари.

Женщины рода этого стойбища, увидев картину разрушения, огласили поляну воплями — у них были похищены дети, убиты близкие. Воины молчали, но по их мрачным лицам и сверкающим глазам видно было, что они будут мстить беспощадно. Амнундак велел сделать короткий привал для отдыха. Из леса появился уцелевший пастух оленей, с перевязанной головой и рассказал, подробности нападения.

Дикари, очевидно пронюхавшие, что на стойбище нет большей части мужчин, ушедших на праздник, около полуночи окружив поляну в числе пятидесяти-шестидесяти человек, неожиданно напали на пастухов, двух убили дубинами, третьего только оглушили. Когда он очнулся — все было кончено: землянка пылала, олени утнаны, на поляне остались только трупы. Утром пастух выследил, в каком направлении ушли грабители. Он спасся потому, что стоял возле кустов и упал в чащу; в темноте и тумане дикари не нашли его, иначе унесли бы тоже на съедение, как трупы двух убитых его товарищей и всех детей, найденных в землянке.

Оставив женщин пострадавшего рода на пепелище, колонна двинулась снова вперед, теперь на северо-восток, по следу дикарей и оленей. Собаки былипущены вперед, что позволяло двигаться быстро, так как засада дикарей не могла быть пропущена умными животными. Теперь, не имея женщин с ноской в хвосте, воины шли еще быстрее, время от времени бегом; слышен был только легкий топот мягкой обуви и дыхание людей. Так прошло еще часа два, когда собаки остановились в виду большого тополя на краю открывшейся поляны и стали лаять, подняв головы.

— На дереве засада! — сказал Амнундак и шепотом передал распоряжение окружить поляну по лесу.

В это время Белуха завизжала — в нее попал камень, пущенный с дерева из пращи. Путешественники заметили движение листвы и немедленно четыре выстрела огласили поляну, а стрелы онкилонов посыпались на тополь. В ответ с дерева раздался громкий рев и две темные массы, ломая ветви, грохнулись на землю.

— Неужели там было только двое? — спросил Горюнов, заряжая ружье.

— Нет, — ответил Амнундак, — в их засадах меньше пяти не бывает, вы сейчас увидите.

Он отдал какой-то приказ и несколько воинов нырнули в чащу. На дереве все было тихо. Дикари сообразили, что они выдают себя врагам, производя движение. Поэтому на стрелы, которыми часть воинов продолжала осыпать вершину дерева, никто не реагировал; дикари попрятались за ствол и толстые ветви. Но вот из ближайшей к дереву опушки выскочило несколько онкилонов с большими пучками хвороста; закрываясь ими от копий дикарей они быстро подбежали к дереву, обложили хворостом подножие ствола и так же быстро скрылись; в хворост уже был заложен огонь, потому что кучи начали дымиться. Дикари, прятавшиеся в листве и наблюдавшие за действиями врагов, стрелявших в них с одной стороны, не заметили поджигателей. Но когда из хвороста повалил густой дым, поднимавшийся клубами в листву, с дерева опять раздался рев и несколько копий полетели в костер. Они только ухудшили дело — развороченный хворост запыпал, и положение на дереве стало невыносимым. Дикари стали подниматься на самую вершину, но здесь листва была реже, сквозь нее показались темные фигуры и еще один залп свалил двоих; один упал на землю, второй повис на ветвях головой вниз, совсем на виду; через минуту в нем сидели уже десяток стрел. Последний дикарь перебрался на противоположную сторону, прополз на конец длинного сугроба и, ухватившись за него руками, согнулся и с высоты четырех метров спрыгнул на землю; он помчался по поляне, но онкилоны, уже обогнувшие ее, встретили его стрелами и он упал, не добежав до опушки.

Амнундак подал сигнал звуками трубы, сделанной из рога первобытного быка, и с опушки поляны со всех сторон выскочили воины, побегаясь к дереву, к которому уже подошел отряд с вождем и белыми людьми. Три дикаря, упавшие с дерева, не двигались; у них были нулевые раны, но онкилоны на всякий случай пригвоздили их копьями. Все они были похожи на того, с которым путешественники встретились при экскурсии: волосатые, мускулистые тела, звероподобные лица, космы волос. Но, очевидно по случаю военных действий, лица у всех были вымазаны красной охрой, что придавало им еще более оттал-

кивающий вид. Один онкилон слазал еще на дерево, чтобы убедиться, что на нем никого не осталось. Он сбросил оттуда дубины и копья дикарей, которые были свалены в доворавший костер.

Первая битва была выиграна без потерь для онкилонов, и отряд двинулся дальше по следам, продолжавшим итии теперь прямо на восток к окраине котловины, где очевидно было стойбище. Засад больше не встретили; первая тоже скорее представляла наблюдательный пункт, который должен был дать стойбищу весть о приближении врагов, но, обнаруженный собаками, вероятно не успел этого сделать.

Быстро прошли еще несколько километров; низкорослость леса предупредила о близости окраины. Когда начались кусты, отряд остановился и прислушался; впереди были слышны крики и стук. Высланные разведчики проползли до опушки и сообщили, что стойбище в пещере против тропы и дикари укрепляют его, наваливая глыбы камня перед входом. Получив эти сведения, Амнундак разделил онкилонов на три части: одна с Ординым во главе пошла на север по кустам, вторая с Костяковым — на юг; отойдя с полкилометра оба отряда должны были быстро перебежать безлесную полосу и затем двигаться с двух сторон к стойбищу вдоль подножия обрыва. Третий отряд прошел по тропе до опушки кустов и здесь, спрятавшись, стал выжидать подхода фланговых, чтобы сразу напасть на стойбище с трех сторон. Дикари усердно работали, сооружая стену из глыб, опоясывавшую вход в пещеру; понадеявшись на свою засаду, они не выставили караульных и не заметили приближения врагов. Стену возводили очевидно уже с утра; она достигала теперь до груди дикарей. Человек двадцать выбирали среди россыпи подходящие плоские камни и таскали их к стене, где другие их укладывали. Эти носильщики вдруг заметили перебегавших в отдалении через безлесную полосу онкилонов фланговых отрядов. Послышались тревожные крики, носильщики поспешили со своей ношей к стене.

— Нужно стрелять, пока они на виду, — сказал Горюнов. — Это произведет панику и сопротивление будет менее ожесточенное при атаке.

От кустов до дикарей было около четырехсот шагов. Тща-

тельно прицелившись, Горюнов и Горохов выстрелили; два дикаря упали, остальные остановились, пораженные, так как слышали только гром и не видели вблизи врагов; они оглядывались во все стороны и обменивались криками со стоявшими за стеной. Еще два выстрела, и опять упали двое, остальные в ужасе бросили камни и, испуская дикие крики, пустились бежать в рассыпную, в разные стороны — одни к стене, другие прямо к кустам. Стрелки успели зарядить ружья и еще двое, уже карабкавшиеся через стену, повисли на ней. За стеной раздавался звериный рев ужаса. Дикари, подбегавшие к кустам, попали под стрелы онкилонов; часть упала, остальные повернули вдоль опушки, но еще двоих остановили пули; за прочими потнались онкилоны.

За стеной никто не показывался и, заметив, что фланговые отряды близко, Амнундак подал сигнал к атаке; его отряд ринулся бегом кроме нескольких, преследовавших беглецов, через россыпи к стойбищу. Когда до стены оставалось шагов сорок, из-за последней появились плечи и головы дикарей, и в нападавших полетели копья и камни; несколько онкилонов упали, но два выстрела с близкого расстояния снова поразили ужасом дикарей и они спрятались, растерявшись. В это время оба фланговые отряда ворвались через проходы, оставленные в стене у подножия обрыва, и у стойбища завязался рукопашный бой; фронтовой отряд, перебравшийся через стену, присоединился к нему. Дикари защищались слабо, потому что револьвер Ордина постоянно возобновлял панику.

В несколько минут все было кончено; мертвые и раненые усеяли обширную площадку; десяток дикарей, перескочивших стену и искающих спасения в бегстве, упал под выстрелами преследователей. В числе защитников пали и женщины, дравшиеся рядом с мужчинами.

Проникнув в пещеру, путешественники увидели в глубине ее сбившихся в кучу несколько старух и десятка три детей, дрожавших от страха и испускавших пронзительные вопли. Онкилоны стали растаскивать эту кучу, чтобы обнаружить своих изхищенных детей, которых легко было отличить и по отсутствию волос на теле, и по более светлой коже, и по лицам; из барака, из которой кучи вытаскивали детей одного

Битва онкилонов с дикарями

за другим, причем дети дикарей царапались и пытались укусить хватавшие их руки. Похищенные дети оказались в самой середине кучи, но в ужасном виде — с ссадинами, кровоподтеками, укусами, которыми их угостили гостеприимные хозяева. Нашли только семь девочек и двух мальчиков, а похищено было тринадцать — четырех мальчиков не хватало. Оттащив в сторону старух, обнаружили свеже обглоданные кости, расколотые черепа — доказательства ужасного пиршества, происходившего в пещере. Рассвирепевшие онкилоны вывели всех мальчиков дикарей из пещеры и перекололи их; они хотели сделать то же со старухами и девочками, но путешественники упросили Амнундака прекратить избиение.

Осмотривая все углы пещеры, обнаружили еще немало человеческих костей, а в самом темном углу — связанную по рукам и ногам женщину, покрытую кучей шкур. Когда ее вытащили на свет, оказалось, что это онкилонка, захваченная в самом начале весны дикарями; несчастная едва не задохлась под шкурами, все тело ее было покрыто синяками и кровоподтеками от ударов ремнями и палками. Придя в себя, она рассказала, что ее избили за то, что она отказалась есть человеческое мясо; били и истязали постоянно и раньше, особенно женщины, насмехавшиеся над ее голым, как у лягушки телом, которое, наоборот, привлекало аппетиты дикарей. Когда началась атака на стойбище, старухи ее связали и спрятали под шкуру.

В пещере нашли также похищенное у онкилонов оружие, утварь, одежду и постели. Старух и девочек выгнали из пещеры, в которой сложили в кучу собранные на поле сражения дубины и копья дикарей и подожгли. За это время разведчики обнаружили в кустах по близости от пещеры стадо похищенных оленей; дикари, не умея их пасти и не будучи в состоянии съесть всех сразу, привязали всех животных ремнями к кустам; не хватало только нескольких, которых могли потерять по дороге или успели съесть.

Уже под вечер онкилоны покинули наказанное стойбище, оставив трупы дикарей там, где последних застала смерть; все раненые были приколоты сейчас же после взятия стойбища.

Унося пятерых убитых и шестерых более сильно раненых, отряд онкилонов двинулся в обратный путь; легко раненые шли

сами, в том числе Ордин, получивший удар копьем в плечо. Они шли в середине отряда, где гнали также оленей, несли спасенных детей и возвращенное имущество, трупы и раненых на носилках. Двигались поэтому медленно и только к ночи вернулись на разграбленное стойбище, где женщины радостно встретили спасенных детей; но у четырех радость была неполная. Аннуир, увидев у Ордина руку на перевязи, побежала к нему со слезами на глазах и стала его обнимать. Другой из новобрачных этого стойбища пришлось встретить своего мужа мертвым на носилках.

21

КЛАДБИЩЕ ОНИКОЛОВ

Воины, расположившись вокруг костров, передавали друг другу и женщинам впечатления похода и битвы и обсуждали отдельные эпизоды, прославляя громы и молнии белых людей, благодаря которым удалось истребить целое стойбище людоедов с такими небольшими потерями — что одному онкилону на десять дикарей — и вернуть почти все похищенное. При прежних войнах соотношение бывало не такое, один онкилон на двух, в лучшем случае на трех дикарей. Теперь последние долго не посмеют нападать.

Путешественники с Амнундаком, Аннуир и освобожденной женщиной сидели у отдельного костра; Горохов рассказывал Аннуир о походе.

— В сущности, вы напрасно не позволили онкилонам переколоть старух и девочек, — заметил Ордин.

— Вы тоже! — воскликнул Костяков с негодованием.

— Сострадание не всегда уместно, — продолжал тот. — Без мужчин старухи и дети перемрут с голода.

— Ну, пищи у них довольно! — сказал Горохов. — Надолго хватит.

— Какой же это пищи?

— А трупы их отцов и матерей.

— Неужели они станут есть их? — возмущенно воскликнули Ордин и Горюнов.

— Конечно, во-первых, голод не тетка, а во-вторых. —
они постоянно едят людей.

— Но не своих!

— И своих тоже. Вот, спросите у Капу, которая прожила у них два месяца и видела, что они ели: тяжело больных и тяжело раненых они приканчивают и съедают, а об убитых на войне или в драке и говорить нечего.

Капу подтвердила эти слова, да и Амнундак, узнав о чем говорят, сказал, что это верно, что не едят только умерших от болезни.

Горюнов поинтересовался узнать кое-что о жизни дикарей у той же Капу, выучившейся немного их языку. Она рассказала, что стойбище составляет как бы одну семью, потому что прочных связей между отдельными мужчинами и женщинами нет; все женщины принадлежат всем мужчинам, а дети считаются общими. Иногда мужчина убегает с женщиной, которая ему понравилась, в лес и живет отдельно; но остальные не мирятся с этим, и дело кончается убийством беглеца и возвращением женщины в пещеру. Жизнь мужчины проходит в охоте, еде и изготовлении оружия — дубин, копий, скребков; женщины собирают дрова, скоблют шкуры, делают ремешки, но дела у них тоже немного; они часами лежат у огня или на солище и дремлют. Мясо едят обыкновенно сырьим или чуть подпеченным на огне и наедаются после удачной охоты до отвала; если нет мяса — голодают по целым дням или выкапывают какие-то корешки, собирают улиток, крупных жуков, лягушек. Спят вповалку вокруг костра, ногами к огню, на шкурах или прямо на земле, положив под голову камень. После удачной охоты и сытной еды пляшут вокруг костра до изнеможения или до драки из-за какого-нибудь пустяка. Боятся каких-то каменных, лесных и водяных духов и ночью ни за что никуда не пойдут в одиночку. Поклоняются медведю и какому-то большому зверю с пятой ногой на голове и огромными зубами, для которого женщины собирают грибы и корешки.

После ужина воины легли спать, женщины начали обряд оплакивания убитых; последних уложили рядом возле костра с копьем и луком в руках, щитом на коленях. Женщины рас-

пустили косы, сняли ожерелья и браслеты и, закрыв лицо руками, пели заунывные песни, в которых прославлялись доблести павших воинов; при пении они покачивались вправо и влево, сидя в головах покойников. Крот и Белуха вздумали было аккомпанировать этому пению своим воем, чем немало удивили онкилонок, которые подумали, что умные животные выражают людям свое сочувствие. Уняв собак, путешественники заснули под звуки этого заунывного пения.

День начался, как всегда, в густом тумане, сквозь который тускло светили костры. Женщины, закончив отпевание, готовили завтрак; чтобы накормить многочисленное войско пришлось заколоть целый десяток оленей. Когда туман стал рассеиваться и проглянуло солнце, пришел шаман со своим учеником. Мертвых уложили на носилки и весь отряд потянулся через лес на запад в глубоком молчании; только барабан на поляне провожал шествие редкими протяжными звуками, передавая по стойбищам весть о похоронах павших в бою. Женщины с детьми в шествии не участвовали.

В десяти километрах от стойбища дошли до западной окраины котловины, где среди каменной россыпи находилось главное кладбище онкилонов; оно представляло многочисленные могильные холмики, сложенные из камней; над каждым возвышалось копье, острием вверх. Более старые холмики уже оселя над истлевшими трупами, копья покосились, иные упали; на самых старых не было и этого знака, а камни покрылись густыми лишайниками.

Положив покойников у опушки, воины занялись приготовлением могил; выбрасывая камни россыпи в сторону, они вырывали продолговатую яму не более метра глубиной. Когда могилы были готовы, к каждой поднесли покойника и положили его ногами на юг, с вытянутыми по бокам руками, с луком с одной и колчаном стрел с другой стороны; лица закрыли куском кожи, копье поставили в головах и затем заложили могилы вынутыми из них камнями. Детские черепа и кости, собранные в пещере дикарей, сложили в одну могилу, ничем не увенчанную.

Во время этих действий шаман, взобравшись на большую глыбу, лежавшую среди кладбища, бил в бубен и глухим го-

лосом пел какие-то заклинания, очевидно отгоняя злых духов от свежих могил, чтобы они не нарушили покой мертвых. Воины, не участвовавшие в приготовлении могил, стояли большим кольцом вокруг, опираясь на копье. Когда могилы были закрыты, все воины, как один человек, подняли руки к небу, затем закрыли ими лицо и испустили протяжный вопль, хорошо знакомый путешественникам; но здесь, вырвавшийся из пятисот глоток и затем повторенный отражением от стены, он произвел потрясающее впечатление. Его повторили три раза, после чего отряд отошел к опушке и расположился на отдых.

Путешественники воспользовались случаем и осмотрели окраину котловины. Туман рассеялся, утреннее солнце ярко освещало черные скалы, круто поднимавшиеся уступами на головокружительную высоту; наверху видны были остроконечные вершины, в расселинах которых белели снега; от них по уступам местами скатывались тонкими струйками водопады. Иногда вверху от снежного поля отрывалась глыба подтаявшего снега и, скользя по обрывам, разбиваясь на комья, мягко шлепалась у подножья стены. В синеве неба медленно плавала пара орлов, высматривая на уступах неосторожного ягненка или на россыпях отставшего от оленей теленка. В воздухе царила полная тишина, и эти многочисленные холмики среди россыпи, покрытой зелеными, желтыми и красными лишайниками, на грани между огромной черной стеной с белыми зубцами и зеленою полосой леса, под безоблачным небом вызывали торжественное настроение. Мертвые ушли из зелени лесов и лугов, где они жили, любили, воевали, в это убежище на рубеже земли, под сенью черных скал, на которых фантазия невольно рисовала себе надпись отненными буквами — «здесь царство вечного покоя».

В нижней части обрыва против кладбища путешественники заметили большую пещеру, вход в которую был защищен валом из камней. Амнундак рассказал, что в пещере прежде жила большая орда дикарей, и здесь произошло одно из крупных сражений, в котором пало много онкилонов. Орду истребили до последнего человека, а россыпь близ пещеры выбрали под кладбище, потому что оставшиеся в живых

Похороны онкилонов, павших в бою

онкилоны могли унести только своих раненых. С тех пор всех воинов, павших в бою с дикарями, хоронят на этом кладбище.

— Видите, белые люди, — закончил Амнундак, указывая на многочисленные могильные холмики, — сколько храбрых воинов нашего племени нашли смерть от руки этих людоедов! Вы поймете теперь, почему мы их так ненавидим. Мы не можем жить спокойно, пока хоть один людоед остается в живых на нашей земле.

В пещере повсюду валялись полуистлевшие человеческие кости и черепа; медведи, волки, орлы некогда устроили здесь обильное пиршество, когда онкилоны, одержав победу, ушли, оставив трупы дикарей в пещере. Судя по состоянию костей, это произошло уже несколько веков тому назад; многие кости рассыпались в прах при прикосновении. Но кремневые наконечники копий, скребки, ножи, валявшиеся всюду, хорошо сохранились, и путешественники собрали целую коллекцию этих изделий первобытного человека. Таким образом эта пещера представляла второе кладбище, но печальное, в сыром полу-мраке, под нависшими сводами, закопченными многолетними отнями.

Разглядывая пещеру, путешественники не могли не подумать, как мрачна была жизнь этих первобытных полулюдей, полузверей, боровшихся за свое существование самыми примитивными орудиями, то терпевшими голод, то объедавшими обильной добычей подобно хищникам; они укрывались от холода в мрачных убежищах, оспаривая их у свирепого медведя или пещерной гиены; в течение длинной полярной ночи они дрожали под жесткими, грубо выделанными шкурами и коротали время только за едой, сном и обиванием кремня для своих орудий. Бросалось в глаза, насколько выше стояли, счастливее и веселее жили онкилоны, тоже люди каменного века, но они имели одежду, утварь, родовые обряды и празднества, жили среди зелени лесов и лугов, в жилищах более светлых и теплых; они умели разнообразить свою пищу, обделять кость и кожу; у них уже были стада домашних зверей. Сравнение форм тела онкилона и дикарей, особенно черепа, наглядно показывало, как далеко человечество ушло в своем развитии

за десятки тысяч лет, отделявшие от неолитического палеолитический век.

В этой уединенной Земле Санникова, отрезанной льдами от остального мира, уцелели благодаря этому как животные, вымершие или истребленные повсюду, так и первобытный человек, остановившийся в своем развитии на низкой ступени вследствие оторванности от остальной земли, где все постепенно изменялось и совершенствовалось. Уловия жизни дикарь остались те же, как и в то отдаленное время, когда эта земля отделилась от материка и была окружена поясом льдов; климат остался тот же, пищи было довольно, и до прихода онкилонов не было побудительных причин для выработки более совершенного образа жизни.

От Амнундака путешественники узнали, что дикии уже заимствовали кое-что у онкилонов; раньше они не знали даже огня и проводили зиму возле горячих источников, где устраивали себе навесы из сложенных друг на друга камней. Научившись добывать огонь, они стали проводить и зиму в пещерах, лучше защищавших от стужи и снега. Они стали поджаривать мясо, хотя продолжали есть его и сырьим; начали вырезать из дерева грубые чашки и сшивать ремешками из шкур одеяла и плащи для холодного времени; делали также из кости наконечники копий, хотя предпочитали все-таки кремевые, более прочные.

На вопрос Ордина, откуда дикии берут кремень для своих орудий, Амнундак не мог дать ответа; онкилонам это место не было известно; они употребляли или кость или осколки более крупных миндалин халцедона, агата или сердолика, которые попадались в базальте окраин котловины. Выделка наконечников из этого материала требовала очень много времени и производилась только во время досугов длинной полярной ночи при свете костра в землянке. Кремня в базальте не было, и пришлось предположить, что где-то во владениях дикарей, в обрывах окраины находятся и другие породы, например известняк или мел, нередко содержащие кремень. Это побуждало совершил новую экскурсию, уже в глубь земли дикарей.

Закончив осмотр пещеры, путешественники и Амнундак вернулись к отряду; воины были распущены по домам и часть

разошлась по тропам; но часть, жившая южнее, вместе с Амнундаком пошла по дороге вдоль окраины котловины. Путешественники воспользовались случаем, чтобы познакомиться с новыми местами. При общем однообразии дорога представляла в разных частях известные особенности: то обрыв спускался с головокружительной высоты почти отвесной стеной, у подножия которой лежали кучи таявшего снега, время от времени возобновляемого падавшими сверху небольшими лавинами; то обрыв распадался на уступы разной высоты, представляя убежище для каменных баранов, бурые фигуры которых можно было наблюдать время от времени; то узкая расселина, мрачный коридор между нависавшими стенами, острыми выступами и скалами, изрезанными водой и ветром и напоминавшими фантастические фигуры людей и животных, тянулась снизу вверх. Но такая расселина была доступна только каменным баранам, а не людям, и подняться по ней наверх было невозможно. Местами, выдвигаясь вперед, нависали огромные каменные толщи подобно выпяченному брюху какого-то чудовища, по которому отдельными струйками скатывалась вода. В одном месте, на высоте сотни метров, из отверстия в отвесной стене вырывался серебристой дугой водопад, питаемый снегами вершин, и, рассыпаясь в водяную пыль, падал на камни россыпи. Повсюду виден был тот же базальт, то почти плотный, то пузыристый в виде лавы, то шлаковый, то изобилующий красивыми миндалинами разных цветов, которые так ценились онкилонами для женских украшений и для орудий.

В одном месте на высоте двухсот метров Горохов заметил каменного барана, который стоял на узком уступе, резко выделяясь на черном фоне стены; животное чувствовало себя в полной безопасности от двуногих, ползущих глубоко внизу.

— Кто из ваших воинов сможет пронзить стрелой этого барана? — спросил Горохов.

Амнундак покачал головой и сказал:

— Наши стрелы не долетят до него.

— А наши молнии долетят, и мы добудем себе баранину на ужин.

Амнундак смерил глазами расстояние и снова покачал головой.

— Ну, Никита, похвастал, так не ударь лицом в грязь перед онкилонами! — поощрил его Горюнов.

Горохов зарядил свою берданку, припал на колено и для верности положил ствол на развилину куста; баран казался небольшим бурым пятном, в которое попасть было нелегко. Амнундак и воины в ожидании столпились вокруг стрелка. Долго целился якут, наконец грянул выстрел, повторенный утесами несколько раз. Бурое пятно покачнулось, метнулось вперед и сорвалось с уступа. Баран летел вниз, ударяясь о выступы скал и отскакивая от них подобно мячу; огромные рога и поджатые ноги мелькали в воздухе; наконец, масса рухнула у подножия стены. Онкилоны закричали и побежали за добычей.

— Далеко бьет молния белых людей, никто не может спастисъ от нее! — сказал Амнундак. — Если бы у онкилонов было десять таких молний, то прежде чем солнце скроется на зиму, не осталось бы ни одного людоеда на нашей земле.

По дороге постепенно один отряд воинов за другим отделялся, сворачивая в лес к своим стойбищам; наконец, свернули и последние и, миновав землянку шамана, которому поднесли голову барана, путешественники вышли на поляну к своему жилищу. Аннуир все время сопровождала их, но на поляне помчалась вперед, чтобы встретить мужа на пороге землянки вместе с остальными женщинами, как полагалось по обычаям племени.

22

ОХОТА НА ОХОТНИКОВ

Путешественники провели больше недели в обществе своих жен, отдыхая от экспедиции к дикарям и обучаясь языку онкилонов; в болтовне с женщинами это не было трудно, и уроки вокруг пылающего костра с чашкой чая в руках или трубкой в зубах превращались в часы веселья с шутками и смехом; женщины в свою очередь учились говорить по-русски и к концу недели обе стороны уже достаточно понимали друг друга. Привлекаемый смехом, доносившимся из землянки, Ам-

нундак нередко заходил к белым людям, но при нем женщины вели себя более чинно, а путешественники также старались не уронить своего достоинства.

Было уже начало июня, и солнце не сходило с горизонта; но, спускаясь к полуночи к северной окраине котловины, оно постоянно скрывалось часа на два за какой-то завесой из белых туч или густого тумана, и наступали сумерки. Путешественники обыкновенно уже спали в это время, но как-то раз Го-рюнов, выйдя из землянки, заметил это явление и позвал своих товарищей.

Расспросив женщин, они узнали, что это наблюдалось всегда, потому что в этой стороне — «из земли идет большой пар, как из посуды, в которой кипит суп или как из чайника», — пояснили они. Это, конечно, очень заинтересовало путешественников и они решили непременно проникнуть в землю дикарей и выяснить, в чем дело.

Но сначала нужно было проводить базу и Никифорова; эту экскурсию совершили с женами кроме Аннуэн, оставшейся при землянке. Никифоров не скучал в одиночестве; кроме забот о собаках и их корме он был занят заготовлением топлива и мяса на зиму и в солнечные часы вялил мясо, разрезанное на полосы и развешенное на ременных арках. Но приходилось охранять это мясо как от собак, которых он днем отпускал на волю, так и от хищных птиц. Казак нередко забавлялся тем, что подстреливал слишком дерзкого орла, хватавшего мясо, и птица потом попадала на тот же аркан, так как годилась в качестве собачьего корма. Снеговые сугробы заметно оседали и с поверхности оледенели, так что подняться наверх нельзя было, не вырубив во льду ступеньки. Казак не поленился сделать это и время от времени лазал на гребень наблюдать состояние моря. Последнее сильно изменилось за месяц, проведенный путешественниками на Земле Санникова: открытая вода расширилась и придвигнулась так близко, что ее хорошо было видно. Над ней часто висел туман, но в иные ясные и ветреные дни последний рассеивался и вдали на горизонте чуть показывался остров Котельный, на котором все еще лежал снег и только кое-где чернели проталины.

Женщины, никогда не видевшие окрестностей земли, на ко-

торой жили, поднявшись наверх с мужьями пришли в ужас от ледяной и снеговой пустыни, которая предстала перед ними во всем своем удручающем величии, и жалели белых людей, которые живут среди снега большую часть года.

— Поэтому вы такие белые, — решили они.

— Ну как, Аннуир, ты пойдешь со мной туда на юг, когда я уйду из вашей земли? — спросил Ордин.

Аннуир энергично потрясла головой.

— Нет, там слишком холодно, снег и лед и больше ничего. Смотри, там у нас лето, тепло, а здесь зима.

— Тогда я уйду без тебя, и ты останешься вдовой.

— Нет, ты тоже не уйдешь! Вы все останетесь с нами, так сказал Амнундак. И вы обещали.

Наверху пробыли недолго; довольно резкий ветерок, веявший с ледяных полей, казался легко одетым женщинам очень холодным. И они были рады, когда очтились внизу у костра, вокруг которого провели и ночь. За эту экскурсию к снегам женщины были вознаграждены бусами и зеркальцами, которые их мужья разыскивали в своей клади, оставленной на базе.

В этот раз забрали из нее и все подобные вещи, взятые на случай встречи с онкилонами, чтобы раздарить их на стойбище Амнундака; бусы, зеркальца, иголки, блестящие пуговицы, яркие ленты, медные кольца и серьги с фальшивыми камнями и коралловое ожерелье для жены вождя должны были возбудить восторг онкилонок, а несколько ножей, топор и ручная пила — удовлетворить мужчин и побудить Амнундака дать надежный конвой для экскурсии в глубь земли дикарей.

Вернувшись в стойбище, прожили еще дня три и убедили Амнундака после долгих разговоров согласиться на их экскурсию в северную часть котловины.

— Хотя ваши молнии поражают наверняка и птиц и зверей, и людей, — сказал он, — но дикари очень хитры и могут напасть на вас из засады или ночью среди тумана. Поэтому я дам вам в спутники двенадцать лучших молодых воинов, которые будут охранять ваш сон, нести ваши вещи и разведывать безопасную дорогу.

На следующий день отряд из семнадцати человек, хорошо вооруженных, отправился в путь; Аннуир упросила Ордина

взять и ее с собой и тоже вооружилась копьем и луком со стрелами, несмотря на насмешки онкилонов и запугивание остальных жен. Но ей хотелось видеть новые местности, а Ордин думал приучить ее к путешествиям, чтобы потом увезти с собой на материк; она ему очень нравилась и со своей стороны горячо полюбила его.

В первый день дошли до разоренного дикарями стойбища. Землянка была уже восстановлена и жизнь брала свое; женщины хлопотали, дети шалили и ревились, не было видно только стариков и старух, истребленных людоедами. Переночевав у стойбища, пошли дальше прямо на север. Поляны с озерами чередовались с лесами, но последние постепенно становились менее тускими, а диких животных встречали меньше. На ночлег остановились на поляне на берегу озера, которое в центре вскипало бугром через каждые десять минут и имело такую теплую воду, что путешественникам захотелось основательно помыться. Пока воины разводили костер и резали мясо для ужина, путешественники отошли немного от лагеря, быстро разделись и бросились в воду. Плеск воды обратил на себя внимание воинов, которые вскочили в ужасе. Хотя они не питали такого отвращения к воде, как, например, монголы, которые не моются никогда, но подобно другим народам севера, где вода слишком холдна, они не знали купанья. Поэтому они подумали, что белые колдуны, порученные их попечению, хотят скрыться из земли онкилонов, превратившись в рыб или тюленей.

— Анну, смотри, твой муж и другие колдуны сейчас исчезнут, они ушли в озеро! — вскричал один.

Аннуир, занятая также стряпней, вскочила и побежала к берегу, за ней все онкилоны.

Путешественники были уже в воде и плавали, видны были только их головы.

— Вот, они уже превратились в нерпу, смотрите, смотрите: — кричали собравшиеся на берегу.

Но Аннуир, уж немного цивилизовавшаяся и кое-что знавшая, после первого испуга успокоилась — она узнала лицо своего мужа и стала смеяться над онкилонами. Впрочем, последним пришлось удивиться еще больше. Когда путешествен-

ники вылезли на берег и, растирая себе тело и голову, стали покрываться чем-то белым, похожим на снег, воины, не имевшие понятия о мыле, были поражены.

— Вот, смотрите, на этих колдунах вода замерзает и переходит в снег! — говорили они друг другу.

Опять Аннуир, которая уже узнала употребление мыла, успокоила их, объяснив, в чем дело. Но они успокоились только, когда белые люди оделись и вернулись к костру, где все воины исподтишка внимательно осматривали их — нет ли какой перемены.

Пока все ужинали, Аннуир, захватив мыло, тоже побежала купаться, отойдя подальше от лагеря. Не умея плавать, она не пошла далеко в воду и мылилась у самого берега. Когда она вернулась, все воины подняли ее на смех.

— Ты патерлась снегом, чтобы стать белой, как твой муж! Не побоялась полезть в воду, где водяной дух мог схватить тебя за ноги и утащить в глубину! Но ты осталась такой же черной, как была! — так подсмеивались ее соплеменники.

Аннуир потом призналась Ордину, что в воде ей было ужасно жутко; ей все время казалось, что вот-вот кто-то схватит ее за ноги и утащит. Как все онкилоны, она верила в существование злых духов, живущих в воде, в лесах, пещерах, духов тумана и метели. И только желание во всем подражать мужу заставило ее полезть в воду.

— В другой раз я пойду в озеро вместе с тобой; но ты должен мне показать, как ты делаешь, чтобы плавать, как нерпа, — заявила она.

Во время ночлега два воина поочередно держали караул вместе с Кротом и Белухой, которые уже подружились с онкилонами, получая от них полуобглоданные кости и обрезки мяса. Бдительность собак стала цениться воинами, которые выражали сожаление, что их предки не захватили от чукчей несколько подобных животных.

— Отчего бы им не поймать и не приручить волчат? — спросил Горохов.

— Волк никогда не становится ручным, — пояснил ему Горохов. — Разве что поймать волчицу и скрестить ее с нашими псами. У нас к сожалению, в своре нет сук.

Онкилоны отнеслись с недоверием к этому предложению, но сказали, что поймать волка не так трудно.

Еще день прошел в пути на север; леса становились все ниже и редели, трава на полянах была менее густая; быки и лошади попадались нечасто и были очень осторожны; очевидно преследования дикарей выучили их не доверять человеку. Зато чаще попадались носороги, которые сами наводили ужас на дикарей и не боялись их копий и дубин.

Под вечер перед выходом на одну поляну разведчики, шедшие с собаками впереди, остановили отряд известием, что появились людоеды. Спрятавшись в кустах опушки, стали наблюдать.

На поляне паслось несколько быков; один стоял немного поодаль и очевидно дремал, пережевывая жвачку.

Сяди по траве к нему медленно подъели пять или шесть дикарей.

Подползши шагов на двадцать к быку, передний дикарь быстро поднялся и пустил одно за другим два копья; остальные вскочив, заботали с боков, подняв копья и готовясь к нападению. Одно из копий попало в крестец и врезалось в кожу; бык взревел от испуга и боли и, заметив врагов, бросился на них, опустив голову и выставив вперед свои громадные рога; дикари успели во-время отскочить, и животное пронеслось мимо, получив еще по одному удару копьем в каждый бок; но кремневые наконечники очевидно недалеко проникали сквозь толстую шкуру, так как копья сейчас же выпадали. Рассвирепевший бык повернул кругом, неожиданно настиг одного из охотников и взмахом головы подбросил его довольно высоко; но другие дикари снова метнули копья и отвлекли внимание быка от упавшего человека.

Увидев, что на него нападают с разных сторон, бык предположил искать спасение в бегстве и помчался по поляне вслед за остальными; дикари пустились за ним, но, несмотря на быстроту своих ног, сразу стали отставать; несколько брошенных копий не произвели впечатления на мчавшееся во весь дух животное.

— Не удалась им охота! — сказал Горюнов. — Теперь подстрелим быка у них на глазах, но конечно не для них.

Бык бежал теперь шагах в двухстах от наблюдателей, а четыре дикаря шагах в тридцати позади; пятый остался на месте своего падения. Дикари бежали огромными шагами, сильно наклонив корпус вперед; их космы разевались по ветру; у каждого в руках осталось только одно копье. Они надеялись, что от потери крови бык ослабеет и даст себя догнать. И вдруг он, на полном ходу рухнул на землю. В пылу погони дикари или не слышали выстрела или не поняли в чем дело. Издавая рев торжества, они подбежали к животному и принялись исполнять вокруг него свой танец победы.

— Придется уложить какого-нибудь из них, — сказал Ордин. — Иначе мяса нам не видать.

— Да и вообще нужно очистить себе дорогу дальше на север, и заставить их улепетывать к пещерам.

Горохов поднял берданку и выстрелил; один из плясавших упал навзничь. Остальные трое сначала оцепенели на месте, но потом, испуская вопли ужаса, помчались обратно по поляне; поднялся и помятый быком и, хромая, поплелся вслед за ними. Онкилоны немедленно выскочили на поляну и издали свой военный клич, чтобы выстрел и смерть дикаря в представлении остальных соединились с этим кличем в одно событие.

— Будем ночевать здесь! — заявил Горюнов. — Ужин готов, дикари не посмеют вернуться.

Пока онкилоны потрошили быка, путешественники разыскали среди поляны озерко, скорее прудок, не имевший стока, с чуть тепловатой водой; его берега отвесно уходили вглубь, и оноказалось очень глубоким. Возле него расположились на ночлег, принесли к нему пласти мяса, оставив скелет и труп дикаря на поживу орлам и волкам. Запылал костер и все занялись приготовлением ужина. Ордин пошел с котелком к озерку; чтобы зачерпнуть воды ему пришлось лечь на землю — так низок был уровень озерка. И вот, опуская руку с котелком, он заметил, что вода как будто поднимается навстречу; он стал медленно поднимать котелок — вода следовала за ним, словно притягиваемая магнитом. Выше и выше поднималась вода и, наконец, сравнялась с поверхностью берега.

— Вода выступает из озера! — воскликнул Ордин, вскакивая на ноги.

На этот взглас все сбежались к берегу и с удивлением смотрели на переполненное до краев озерко.

— Надо собирать вещи и уходить дальше, — заявил Костяков.

Онкилоны начали шептаться и с суеверным ужасом смотрели на воду в ожидании, что из нее покажется голова какого-нибудь чудовища. На лице Аннуир отражались попеременно страх и смех, так как, взглядавшая на Ордина, она заметила, что он улыбается. Она уже усвоила мысль, что белые люди все знают, все могут и ничего не боятся.

Но прежде, чем онкилоны приняли решение бежать, вода в озерке стала медленно понижаться и через несколько минут заняла свой первоначальный уровень. Горохов облегчено вздохнул.

— Ушел, ушел обратно вглубь, испугался видно! — промолвил он.

Ордин, Горюнов и Костяков рассмеялись; они догадались, что это был новый вид озер с подземным питанием; на дне его очевидно было жерло, уходившее далеко вглубь и заполненное водой; время от времени пары и газы поднимали воду вверх, а затем находили себе выход по какой-нибудь боковой трещине, не вырываясь из воды, как в других озерах; в результате вода понижалась. Оставалось проследить периодичность этого явления, чтобы убедиться в правильности объяснения. Ордин вынул часы.

— Теперь я понимаю, как животные пользуются этим озером для водопоя, — сказал Горюнов. — Они выжидают, пока вода не поднимется до краев.

— Да, а я недоумевал при виде обрывистых берегов и отсутствия спусков к воде, вытоптаных животными, — подтвердил Ордин.

— А иной зверь, пожалуй, не успеет напиться, глядь — вода у него из-под носа ушла! Поди, дожидайся — пока она поднимется.

Ждать действительно пришлось долго; успели сварить и сжарить ужин и съесть его, когда вода опять стала подниматься; промежуток оказался равным почти часу

Едва солнце успело скрыться за завесу паров южной части

котловины, как оттуда надвинулся тускй туман и сразу стало почти темно. Но на ночь дрова были запасены и у костра было светло и тепло. Беседовали об озерах этой странной земли с их периодическими извержениями, которые онкилоны объясняли игрой водяных духов. Они сообщили, что в северной стороне есть долина «Тысячи Дымов», где из земли повсюду идет дым и где земля так горяча, что жжет ноги через обувь. Они сами не бывали там, но слышали об этом от стариков, которые в молодости участвовали в большом набеге на людоедов, предпринятом дедом Амнундака.

В этой долине дикии прежде проводили зиму.

Разговор был прерван протяжным воем, донесшимся из леса; собаки ответили на него яростным лаем.

— Волки близко, почуяли падаль, — сказал Горохов.

— А вот и случай поймать волчицу или двух, — предложил Горюнов.

Онкилоны заявили, что это нетрудно; что они в зимние ночи охотятся на волков, тревожащих олены стада, облавой с огнем. Для поимки волчицы у них оказалась сеть, сплетенная из тонких ремешков и употребляемая для ловли лесных гусей. Стали готовиться к облаве. Из кучи топлива, заготовленного на ночь, выбрали смолистые стволы сухих молодых лиственниц, разломали их на куски в полметра длиной и привязали к копьям; такие факелы наготовили для всех участников и положили на костер. За это время волки собрались у остатков быка и трупа дикаря, откуда доносилось ворчанье, визг, хруст костей; свора хищников пировала, пользуюсь мглой.

Когда факелы разгорелись, онкилоны и путешественники с факелом в одной руке, копьем или ружьем в другой, бегом окружили место пира и затем, наклонив факелы вперед, почти до земли, и размахивая ими вправо и влево, стали сходиться к центру, где были волки, окруженные огненным движущимся кругом. Вскоре сквозь туман можно было разглядеть кучу серых хищников, столпившихся у трупов; поджав хвосты, оскалив зубы, они стояли, растерявшись, не видя лазейки для бегства в колеблющемся и все приближавшемся страшном кольце. Звери завыли, начали метаться, прыгая друг на друга и, наконец, обезумев, бросились по два и по три в разные стороны.

Но уйти удалось немногим; онкилоны ловко подкальивали их копьями или, ударив факелом по морде, отгоняли назад. Воин, имевший сеть, накрыл ею волчицу, пытавшуюся прорваться; она сразу запуталась и повалилась. Оставшиеся в живых волки вернулись к трупу и дрожа, прижавшись друг к другу, щелкая зубами, уже не пытались бежать; несколько выстрелов покончили с ними. Подняв факелы, онкилоны теперь добивали волков, лежавших в разных местах; среди раненых нашли еще волчицу, накрыли ей голову одеждой и, связав все четыре ноги вместе, унесли, подвесив на копье.

Подобрав всех волков, которых оказалось одиннадцать, вернулись к костру и занялись сниманием шкур.

Для каждой из пойманных волчиц вбили в землю три колышка, к двум притянули ремнями передние и задние ноги, к третьему шею, так что животное не могло достать зубами ни один ремень. После этой оригинальной охоты улеглись спать вокруг костра, оставив по обыкновению караульных, которые должны были присматривать за волчицами и охранять их от Крота и Белухи; последние долго не могли успокоиться, выражая желание расправиться со своими беспомощными врагами.

23

ДОЛИНА ТЫСЯЧИ ДЫМОВ

За утренней едой среди густого тумана обсуждали вопрос, как увести с собой волчиц; одни предлагали нести их поочередно на плечах, другие — на носилках, устроенных из шкуры убитого быка. Всего проще было — заставить их бежать на собственных ногах, но не было ни цепи, ни проволоки, чтобы сделать повод, который не был бы доступен их острым зубам.

Наконец, догадались: сделали широкие кожаные ошейники и намордники; ошейники привязали к шемполу от берданки Горохова, а к шемполу — ремень. Таким образом волчицы шли рядом, как быки в ярме; один онкилон вел их за ремень, другой подгонял сзади. Сначала звери упирались всеми четырьмя ногами, ложились; но после того, как на них пустили собак,

Ночная охота на волков

которые стали покусывать их сзади, они смирились и, поджав хвосты, поплелись за людьми.

Как только туман поредел, пошли на север. Растительность становилась все более чахлой, попадались целые полосы засохшего низкорослого, но старого леса; на полянах площадки редкой травы перемежались с совершенно голыми, почва которых представляла выветрившийся базальт. Через несколько километров встретили расселину в почве, из которой поднимался легкий дымок.

Ордин, наклонившись, приложил руку к трещине, но быстро отдернул ее — так горяч был воздух, выходивший из глубины. Чем дальше, тем больше встречалось таких расселин и воздух становился горячее; путешественникам казалось, что они попали в хорошо натопленную баню, тем более, что пары застилали всю окрестность подобно легкому туману. Онкилоны давно уже сбросили свои куртки и шли обнаженные до пояса; не выдержали и путешественники, последовавшие их примеру. Наконец, и Аннуир спустила с себя кофту-панталоны и осталась в одном поясле, заявив с некоторым смущением, что «жарко, как в жилище, когда горит хороший огонь».

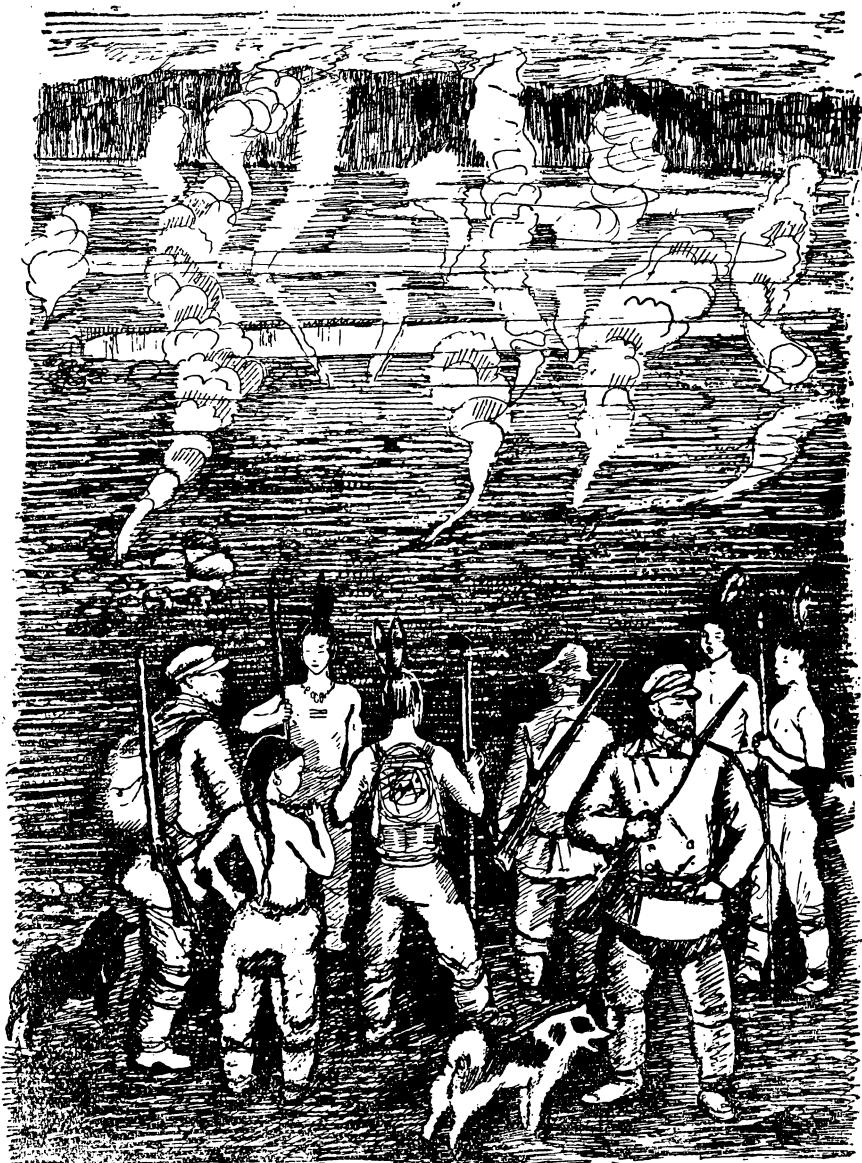
Участок более густого тумана привлек к себе внимание; оказалось, что среди него из нескольких отверстий вырываются клубы пара с легким свистом или тяжелым дыханием.

— Вот уже настоящие фумаролы! ¹ — воскликнул Ордин.

Чем дальше, тем больше становилось этих отверстий, рассеянных среди голой бугроватой поверхности черной лавы. Казалось, что вся земля тлеет в глубине и дымит; теплота почвы чувствовалась уже через обувь.

Когда прошли километр-другой по такой местности и остановились передохнуть и оглянуться, то нельзя было не удивиться представившейся картине. Со всех сторон, то тут, то там, из почвы вырывались клубы пара, поднимавшиеся в спокойном воздухе курчавыми колоннами вверх, где под косыми лучами солнца играли обрывки радуг. Можно было подумать, что дымят бесчисленные трубы невидимого города

¹ Фумаролы представляют струи газов водяных паров, выделяющиеся на склонах и в окрестностях действующих вулканов, а также из растывающихся потоков лавы, нередко и в кратерах потухших вулканов.

Долина Тысячи Дымов

в ясный и тихий морозный день. В промежутках между белыми колоннами на западе, севере и востоке чернели высокие обрывы окраин котловины, которые отстояли здесь уже только в пяти-шести километрах. То тут, то там показывались очертания острых вершин с полосами или пятнами снега, ярко блестевшими под лучами солнца. Эти белые снега и белые столбы с одной стороны, черные обрывы и черная почва — с другой, представляли редкое сочетание двух противоположных цветов.

Тишина нарушалась нередко то резким свистом то гудением какого-нибудь отверстия.

— Черная дымящаяся пустыня! — воскликнул Горюнов.

— Вот она — долина Тысячи Дымов! — сказал Ордин.

— Обиталище злых духов! — заявил старший из онкилов. — Это дымятся их костры в подземных пещерах.

С разными чувствами созерцали эту редкую картину люди отряда; белые — с интересом, смуглые — с суеверной тревогой. Более широкий столб пара впереди привлек внимание; когда приблизились к нему, оказалось, что он поднимается из озерка диаметром всего метров в шесть, в котором вода клокотала, словно в большом кotle.

Горюнов достал из котомки кусок сырого мяса, привязал его к концу ремешка и спустил в воду. Подбрасываемое струями кипящей воды, мясо вертелось, ныряло и в несколько минут сварилось.

— Прекрасное место для ночлега! — заметил Ордин. — Нет дров, но есть готовый котел, в котором можно сварить ужин и взять кипятку для чая.

На дальнейшем пути на север встретили еще несколько кипящих озер, разной, но небольшой величины. Самые маленькие — в один-два метра в диаметре — кипели спокойно, выделяя много мелких пузырей; большие кипели бурно, и вся поверхность их волновалась, вздымаясь ключами то тут, то там. Обратили внимание, что отвесные стенки над поверхностью воды и почва вокруг озер кое-где были покрыты белым налетом, словно снегом. Последний возле кипящей воды казался бесмыслицей. Наскребли пробу этого налета и оказалось, что это какая-то соль, очень едкая и неприятная на вкус.

— Но если выделяется соль, то вода тоже должна быть соленой и не годиться для чая, — заметил Горюнов.

Попробовали воду — она оказалась не совсем пресной, но все-таки годной для питья.

Пробираясь между кипящими озерками и дымящими расселинами, уже недалеко от окраины котловины наткнулись на большую плоскую впадину диаметром в сотни двух шагов и глубиной метров в пятнадцать-двадцать.

Дно плавно изгибалось, так что напоминало большую чашу, но воды не было. Всматриваясь через легкую дымку, ставшуюся по дну, заметили, что в расселинах почвы то тут, то там вспыхивают синие огоньки. Ордин захотел осмотреть их поближе и спустился вниз, но через несколько шагов быстро повернул обратно, зажимая нос и рот. Он сказал, что начал задыхаться от паров серы и хлора, заполнявших горячий, как в печке, воздух.

В бинокль можно было различить, что на черной почве дна повсюду желтеют и белеют полосами и пятнами густые налеты, очевидно серы и нашатыря.

— Ну, Павел Николаевич, — сказал Ордин Костякову, когда отышался, — теперь и вы не станете отрицать, что Земля Санникова — кратер колоссального вулкана, еще не вполне потухшего.

— Конечно! Эти базальтовые обрывы со всех сторон, гейзеры и озера с пузырями — на юге, кипящие озера и фумаролы — на севере, эта ядовитая яма — все это не оставляет ни малейшего сомнения, — подтвердил Горюнов.

— Но ведь онкилоны живут здесь четыреста лет, а дики и животные гораздо дольше. В южной половине густая растительность, следовательно вулкан давно уже не действовал, — возразил Костяков.

— Несомненно; но ясно также, что он прекращал свою деятельность постепенно с юга к северу, потому что признаки здесь гораздо ярче. Может быть в то время, когда дики уже населяли южную часть, в северной еще выливалась лава.

— Онкилоны этого уже не застали, — подтвердил Ордин. — Они знают только о дыме «подземных духов».

— А не может ли вулкан в один прекрасный день проснуться

от своей долгой спячки и натворить здесь бед? — спросил Горюнов.

— Вполне возможно. Потухшими в полном смысле слова можно считать только вулканы, не действовавшие целые геологические периоды и уже более или менее разрушенные. За все прочие поручиться нельзя, и их правильнее называть заснувшими, потому что они могут проснуться. Мы знаем примеры, когда вулканы, считавшиеся потухшими, вдруг начинали действовать. Вспомните Везувий, в кратере которого, заросшем густым лесом, спасался Спартак, предводитель восставших рабов. Никто не считал эту гору вулканом, о ее деятельности не сохранилось даже преданий. И вдруг в 79 году нашей эры она проснулась и уничтожила Геркуланум и Помпею, и с тех пор действует до наших дней.

— А Лысая гора на Мартинике, — вспомнил Горюнов. — До половины восемнадцатого века она спала, и туземцы ничего не знали об ее прошлой деятельности. Потом стала просыпаться, но просыпалась полтораста лет, еле подавая признаки жизни и только в начале двадцатого века произвела страшное извержение, в несколько минут погубившее целый город Сен-Пьер и тридцать тысяч жизней.

— И таких примеров можно привести еще много из обеих Америк, Зондских островов, Камчатки, — прибавил Ордин.

— Пробуждение этого вулкана было бы бедствием для онкилонов, — заметил Костяков.

— Сматывая по тому, как и где возобновится деятельность. Если она ограничится северной частью котловины, которая и теперь бесплодная и не населена, и если будет несильна, то онкилоны будут спокойно существовать недалеко от вулкана. Но если извержения начнутся в южной части, то можно ждать самого худшего.

— И может быть оправдается пророчество их старого шамана, который предсказал им бедствия в связи с приходом белых людей! — пошутил Костяков.

— Но мы-то тут при чем? И разве есть признаки пробуждения вулкана? — удивился Горюнов.

— Мне кажется, — ответил Ордин, — что это обилие фумарол, кипящих озер, гейзеров в котловине показывает, что вул-

каническая деятельность может возобновиться не сегодня-завтра, словом в любое время, хотя такое состояние котловины тянется уже сотни лет по словам онкилонов. Но ведь они очень редко посещают эту местность и показания их ненадежны. Тут нужно правильное наблюдение.

— Ну, будем надеяться, что при нас ничего не случится, и Земля Санникова с ее живыми окаменелостями просуществует еще столетия, — пожелал Горюнов.

Обогнув удущливую впадину, путники вскоре дошли до северной окраины котловины, представлявшей тот же отвесный или уступчатый обрыв из базальта, как и в других местах; он поднимался на взгляд не меньше, чем на тысячу метров. Вследствие полного отсутствия растительности, даже лишаев, этот край производил еще более мрачное впечатление. Но, оглянувшись кругом, наблюдатель оказался перед еще более поразительной картиной; на небольшом расстоянии от подножия черной стены тянулась белая стена долины Тысячи Дымов, в которую сливались издали столбы паров; эта стена не была неподвижна, а слегка волновалась, клубилась, и под лучами низкого солнца на ее волнистом гребне то тут, то там переливались радуги, перемещаясь с места на место.

В одном месте длинная белая полоса у подножия черной стены привлекла к себе внимание путников.

— Странно, неужели это снег, свалившийся сверху? — предположил Горюнов.

— Нет, это не снег, а выход какой-то белой горной породы, — сказал Ордин, взглянув в бинокль. — И она вся изрыта ямами, словно ее грызли. Уж не тут ли дикари добывают себе кремни?

Поспешили к этому месту и оказалось, что здесь базальт лежит на снежно-белом рыхлом мраморе, выступавшем на три-четыре метра над дном котловины на протяжении двух-трех сотен метров. В мраморе были рассеяны то перознь, то гнездами и прослойками черные, серые и грязнобелые кремни; последние и добывались дикарями, которые наконечниками копий или скребками источили весь обрыв мрамора.

— Ну, вот и открытие, которое было нужно нам, чтобы определить время образования вулкана, — сказал Ордин, обсле-

довав белую стену. — Я нашел несколько хотя и плохих окаменелостей, показывающих, что это — верхнемеловая толща. Следовательно вулкан образовался не раньше третичного периода, когда на севере Сибири в разных местах изливались те же базальты. Нужно поискать еще, не найдутся ли получше.

С этими словами Ордин залез в одну из более глубоких ниш обрыва и стал работать молотком; остальные рылись в кучах белого песка, насыпанных у подножия; даже онкилоны приняли участие в поисках, когда им показали одну из найденных раковин и объяснили, что это такое. Но вот молоток перестал стучать и вскоре Ордин вылез из ниши и сказал:

— А знаете, в глубине тут идет здоровая работа. Соблюдайте тишину и, приложив ухо к обрыву, слушайте. Всего лучше конечно в глубине ниши, где я был.

Горюнов и Костяков полезли в нишу и прижались ухом к стенке. Они услышали доносиившиеся из глубины земли, то короткие, то более продолжительные удары, словно там, где-то далеко, идет работа огромных кузниц; казалось, что тяжелыми молотками бьют по твердому металлу. Порода слегка дрожала и можно было видеть, как от белой стены по временам отрывались отдельные кристаллы известкового шпата, составлявшего мрамор.

— Здорово работают там внизу! — сказал Горюнов, вылезши из ниши.

— Не пора ли нам удирать отсюда по добру-по здорову? — спросил Костяков с тревогой в голосе.

— Вы думаете, что это признак скорого пробуждения вулкана? — засмеялся Ордин. — Если бы мы бывали здесь раньше и этих звуков не слышали, то это действительно было бы признаком усиления подземной деятельности. Но даже и в таком случае бояться нечего, пробуждение может продолжаться дни, недели, месяцы и годы.

— И даже столетия, как у Лысой горы! — прибавил Горюнов.

Онкилоны, узнав, о чем говорят чужестранцы, полезли один за другим в нишу и выходили оттуда встревоженные. Теперь они были убеждены более, чем когда-либо, что здесь под зе-

млею обитают злые духи. Эти удары, содрогание стены, огоньки во впадине, тысячи дымов, кипящие озера, полное отсутствие растительности — все в совокупности до того пугало их, что они стали настойчиво просить, чтобы до ночи уйти из этой страшной местности.

Было уже поздно, солнце скрылось за высоким северным обрывом, и густая тень легла на эту часть котловины. Кроме того с запада надвигалась большая черная туча, а туман должен был стать здесь особенно густым. В тумане и сумерках легко было потерять дорогу и попасть в расселину или в кипящее озеро.

Действительно, едва успели отойти на километр от обрыва, как все небо покрылось тучами и пошел мелкий дождь; вся местность окуталась туманом от многочисленных испарений, охлаждаемых дождем; стало совсем темно и волей-неволей пришлось остановиться по соседству со зловещей впадиной и возле кипящего озерка, дававшего возможность сварить хоть ужин и чай, так как топлива никакого не было. Спокойствие чужестранцев подействовало и на онкилонов, и все, лежа на берегу озера, спускали на ремешках или концах копий куски мяса в воду, но говорили только шепотом. Горохов догадался даже сварить суп; он положил мясо в котелок, прибавил соли и крупы, зачерпнул воды и погрузил котелок до половины в озерко. Навар получился недурной и, главное, мясо сварились в соленой воде и было вкуснее, чем куски, вариившиеся прямо в озерке. Чай также оказался достаточно вкусным.

После ужина онкилоны, сбившись в тесную кучу и укрывшись от дождя щитами, заснули, выставив караул. Для чужестранцев они устроили шалаш из бычачьей шкуры и копий. Но последним захотелось посмотреть ночью на огни впадины, и они потихоньку, не будя никого, направились к ней. Благодаря теплу, исходившему из глубины, над впадиной не было тумана и она представляла черную яму, дно которой было изборождено в разных направлениях линиями синих огоньков, местами перебегавших с места на место, то потухавших, то загоравшихся и представлявших очень странное и занимательное зрелище.

Чтобы лучше видеть, все четверо прилегли на землю у края

впадины и вдруг почувствовали резкие удары — земля задрожала под ними.

— Землетрясение! — воскликнул Костяков, вскакивая. Но ему пришлось снова лечь, так как устоять на ногах не было возможности, почва колебалась слишком сильно. Слышался глухой гул, а во впадине огни дрожали и то потухали совсем, то опять вспыхивали. Со стороны окраины котловины доносился трохот — в разных местах отрывались и падали глыбы камня. Все эти звуки в темноте и тумане производили жуткое впечатление.

Со стороны лагеря, отстоявшего в какой-нибудь сотне шагов, послышались крики ужаса, вопли Аннуир, проснувшейся и заметившей, что ее муж и другие белые люди исчезли. Онкилоны подумали, что белые колдуны бросили их в стране ужаса и скрылись навсегда. Собаки и волчицы подняли вой, аккомпанируя людям, и концерт получился адский. Суеверные люди совершенно растерялись и не знали, что предпринять.

Когда колебания почвы ослабели и можно было встать на ноги, путешественники поспешили к лагерю, который легко было найти даже в абсолютной тьме по доносившимся крикам. Появление белых сразу успокоило всех, и когда Горюнов объяснил, куда они ходили, онкилонам стало даже немного стыдно. Аннуир повисла на шее Ордина и спрятала заплаканное лицо на его груди. Это происшествие разогнало у всех сон, и Горюнов воспользовался случаем, чтобы расспросить онкилонов, бывали ли землетрясения раньше. Оказалось, что это явление им знакомо; иногда, обыкновенно в зимнее время, они замечали, что земля слегка дрожит, бревна землянок поскрипывают и на головы через щели сыплется земля.

— Ну, вот и сейчас то же самое! — сказал Горюнов.

— Нет, не то же самое! — возразили онкилоны. — Никогда не было того, чтобы земля так качалась, что нельзя устоять на ногах. Поэтому мы так испугались, а когда увидели, что вы исчезли, мы подумали, что вы нас бросили в этом ужасном месте и что подземные духи, которые колеблют землю, сейчас выскочут из трещин и увлекут нас в подземное царство.

Колебания почвы больше не повторились и путешественники вернулись в свой шатер, который пришлоось восстановить.

От первого же толчка копья покосились и шкура упала на Аннуир, разбудила и перепугала ее. Онкилоны же не решились ложиться спать; отсутствие костра усиливало их суеверный страх, кроме того, над южной частью котловины разразилась гроза — очень редкое явление на Земле Санникова; там ослепительно сверкали молнии, гремел гром, многократно повторяясь отражением от высоких обрывов. Сбившись в кучу, храбрые воины бормотали заклинания, пока не стало совсем светло благодаря осчистившемуся небу и ветру, разогнавшему туман. Только тогда они заснули.

24

БОГИ ЛЮДОЕДОВ

Отсутствие тумана в это утро, довольно прохладное после дождя и вследствие ветра, позволило пуститься в обратный путь раньше, чему онкилоны были особенно рады. Но перед тем пришлось еще раз воспользоваться кипящим озером, чтобы сварить мясо и подкрепиться на дальнюю дорогу. Перед тем, как уйти, онкилоны бросили несколько кусков мяса в озеро и три раза поклонились ему.

— Воины благодарят подземных духов за то, что они ночью только попугали, но не причинили зла, — пояснила Аннуир.

Не останавливаясь у знакомых уже озер и трещин, отряд к полудню миновал долину Тысячи Дымов, и когда началась первая растительность, лица онкилонов совершенно преобразились, стали такими же приветливыми и веселыми, какими были всегда. Видно было, что, сопровождая чужеземцев по приказу вождя в страшную долину, они принесли большую жертву и ждали самого худшего. Но им пришлось принести и другую жертву; выйдя в полосу леса, эти чужеземцы вздумали воспользоваться случаем и проникнуть еще раз в страну дикарей, чтобы посмотреть тех странных животных, «с пятой ногой на голове», которым людоеды поклонялись. По расспросам эти животные обитали где-то поблизости страшной долины.

Волей-неволей отряд повернул на юго-восток; выслали вперед трех разведчиков с собаками. Снова потянулись знакомые

картины — поляны с озерами и более или менее широкие полосы леса, который становился опять выше и гуще. Километров через шесть разведчики остановили отряд сообщением, что на ближайшей поляне пасутся «боги». Пробираясь осторожно по опушке леса, подошли к месту, ближайшему к животным. В сотне шагов от края леса видны были четыре крупных зверя, в которых нетрудно было узнать представителей рода слонов. Под лучами послеобеденного солнца они, наевшись, предавались отдыху, стоя неподвижно, опустив хоботы и изредка только взмахивая короткими хвостами или пошевеливая большими ушами. Тело было покрыто довольно длинной, но редкой шерстью красновато-бурого цвета. Два были побольше, два поменьше; последние особенно отличались размерами бивней, которые были коротки и торчали прямо, тогда как у взрослых сильно загибались концами вверх и затем внутрь.

— Нет сомнения, что это мамонты, — сказал Горюнов.

— Хотелось бы посмотреть, как бегают эти чудовища на воле, — сказал Костяков. — Все мы видели слонов только в тесной загородке зоологического сада, где бегать негде.

— Это конечно интересно; но как заставить их бегать?

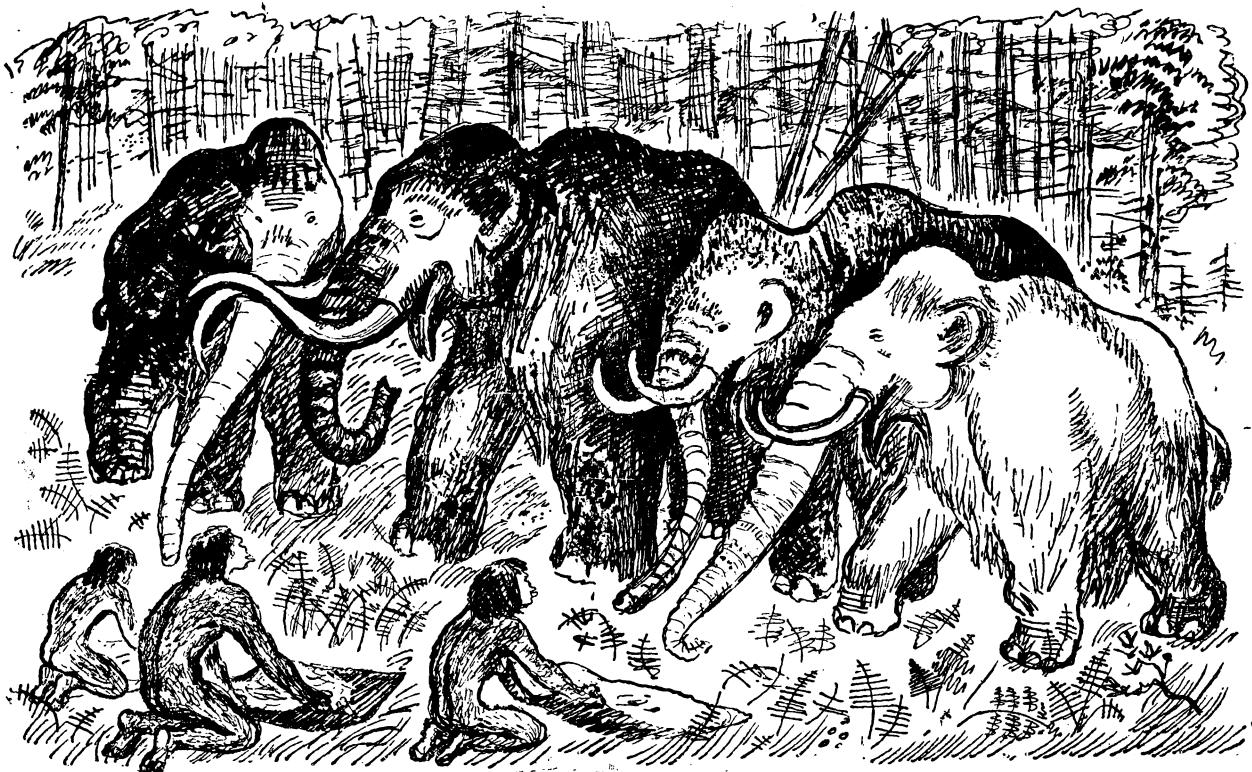
— Я думаю, что они испугаются выстрелов.

— Сомнительно, потому что они незнакомы с действием огнестрельного оружия. И, кроме того, мы можем привлечь внимание караульщиков, которые живут где-нибудь поблизости.

— Ну, дикари испугаются выстрелов больше, чем мамонты, потому что они уже знакомы с их действием.

— Тише! Легки на помине... — сказал Горюнов, указывая на противоположную опушку.

Оттуда вышли на поляну двое рослых дикарей и один мальчик с какой-то ношой за плечами. Приблизившись к мамонтам, они спустили ношу на землю, затем стали сами на колени и несколько раз поклонились животным до земли. Мамонты при их приближении очнулись от дремоты, подошли к дикарям и начали размахивать хоботами и издавать звуки, напоминавшие громкое хрюканье. Кончив поклоны, дикари развернули свою ношу, оказавшуюся шкурами, наполненными какими-то корешками; они разложили их на траве перед мамонтами, которые

Дакари принесли жертвы своим богам

немедленно начали схватывать хоботами по два и по три корешка сразу и отправлять их в свою пасть. Оказалось, что один из дикарей — женщина; она развернула свою ношу перед двумя молодыми мамонтами, тогда как мужчина и мальчик угощали старых. Животные скоро покончили с корешками и громким хрюканьем требовали еще, протягивая хоботы дикарям; последние возобновили свои поклоны, и вдруг, захватив шкуры, пустились бежать во всю мочь к опушке. Тут Костякову удалось увидеть то, что он желал: мамонты тяжелой рысью побежали вслед за дикарями, вытянув и завернув хоботы крючком наверх, растопырив уши и подняв хвостики. Но это повидимому была просто благодарность за угощение, потому что они могли бы догнать и растоптать дикарей, если бы захотели; между тем, они проводили последних только до опушки, а затем степенно повернули назад, издавая трубные звуки.

Весь отряд с интересом следил за этой сценой кормления и поклонения. Но когда дикари скрылись, онкилоны начали просить путешественников застрелить одного из мамонтов, толстая шкура которого высоко ценилась ими как лучший материал для щитов, а бивни — как такой же материал для наконечников копий и стрел и для ножей. Добывать мамонта им случалось крайне редко; дикари охраняли своих богов, поэтому устроить охоту на последних удавалось только во время больших войн с дикарями, да и в этом случае старые животные были мало уязвимы для копий и стрел и успевали убегать. Теперь можно было воспользоваться случаем — в руках чужеземцев были страшные, смертоносные молнии.

Ордин поддержал просьбу онкилонов; ему хотелось рассмотреть животное вблизи и измерить его.

Костяков вспомнил прочитанное в детстве сведение, что хобот слона очень лакомое блюдо, и также присоединился к просящим.

— Но дикари будут мстить нам за убийство бога, — возразил Горюнов, — кароульщики соберут всю орду, которая нападет на нас.

— Я думаю, что они, услышав выстрелы, убегут подальше. Но и ради науки, и чтобы угодить нашим верным спутникам, можно даже рискнуть, — ответил Ордин.

— Этого колосса разрывной пулей не свалишь; а раненый он рассвирепеет, и нам придется плохо.

— Пустим в него две или три пули, за этим дело не станет!

Горюнов с видимой неохотой согласился на это убийство редкого и почти ручного животного, но сам не стал стрелять. Онкилоны очень обрадовались и с громадным интересом стали следить за действием молний белых людей на бога людоедов. Ордин и Костяков выстрелили одновременно в ближайшего старого мамонта, который стоял боком и снова собирался дремать. Животное пошатнулось, ринулось вперед, потом метнулось в сторону и, испустив глухой рев, упало на колени и затем рухнуло всей массой на бок. Остальные три мамонта, испуганные выстрелами, отбежали немного в сторону, остановились и повернулись назад, ожидая, что упавший почему-то товарищ поднимется и присоединится к ним; они призывали его громкими трубными звуками.

Охотники и онкилоны подошли к раненому мамонту, который еще шевелил судорожно хоботом и ногами; при виде подошедших людей он немного приподнял голову, но тотчас бессильно опустил ее, испустив тяжелый вздох. В его маленьких черных глазах как-будто светился укор убийцам. Но скоро они остановились, и колосс затих. Ордин вынул рулетку и стал измерять мамонта, Костяков помогал и записывал, а онкилоны, окружив труп, с удивлением следили за этими манипуляциями, в которых они подозревали заклинания, производимые белыми людьми над убитым богом с целью умилостивить его дух. Собаки, не теряя времени, принялись лакать кровь, вытекавшую из большой раны и сбегавшую по брюху на траву.

Занятые работой, а также зрители не заметили, что остальные мамонты постепенно приблизились к ним шагов на сорок и остановились, рассматривая странных двуногих, которые окружили их товарища, не желавшего встать. Собаки первые почуяли их близость и с тромким лаем бросились к ним. Оглянувшись люди и замерли в нерешительности — бежать ли к опушке, не дожидаясь нападения мамонтов, или начать наступление. Собаки, не добежав шагов десяти до животных, надрывались от лая и визга, хотя поджали хвосты и не смели приблизиться. Звери с удивлением рассматривали этих дерзких карли-

ков, которые осмеливались надоедать им своими звуками. Наконец им видимо надоело слушать лай и они, повернувшись, величественно отошли к другому краю поляны, где стали кормиться, обрывая ветви деревьев.

Онкилоны успокоились, и когда Ордин кончил описание измерение мамонта, приступили к снятию шкуры и срезанию мяса. В это время разведчики, посланные немедленно после выстрела по следам дикарей, вернулись и сообщили, что на соседней поляне они нашли только что брошенное стойбище. Горюнову захотелось осмотреть его и он позвал с собой Горохова и одного из разведчиков, предоставив остальным производить работу мясников.

Стойбище оказалось у подножия большого развесистого тополя, росшего среди небольшой поляны. Трава вокруг дерева была вытоптана, на земле лежало несколько звериных шкур, грубо вырезанные деревянные чашки, две тяжелые дубинки и несколько копий. Костер еще не совсем потух, и над ним склонились палочки с полуобгоревшими кусками мяса. Испуганные выстрелами дикиари бросили свой недоконченный ужин; повсюду валялись обглоданные кости, а на сухе висела задняя нога лошади, судя по свежей шкуре, разостланной на траве.

Осмотрев стоянку, Горюнов собирался уже уходить, захватив одну из чашек в качестве образца изделий дикарей, когда онкилон обратил его внимание на то, что на дереве находится «гнездо» людоедов, в котором может быть спрятались караульщики богов. Но это предположение было неосновательно — дикиари не оставили бы внизу свое оружие и палочки с мясом. Их воздушное жилище было конечно пусто. Поэтому Горюнов захотел осмотреть его и все трое полезли наверх, что не было трудно, так как дерево было развесистое. Гнездо оказалось почти на вершине, где главный ствол делился на несколько толстых сучьев, полого расходившихся в стороны; на сучья были положены тонкие бревна, а поверх сделана настилка из жердей, представлявшая трубый помост; часть последнего была защищена от дождя навесом, сплетенным из ветвей и тростника. Под ним лежали шкуры — постель и одеяла дикарей. Пара дубинок, кожаная праща и куча голышей для метания, несколько копий — составляли убогий инвентарь приюта, в котором пер-

вобытные листи укрывались от ночных хищников. Несколько просветов, проделанных в листве в разные стороны, служили для наблюдения за окрестностью, в том числе и за поляной, на которой паслись мамонты; часть ее была видна, и Горюнов мог различить группу онкилонов, копошившихся вокруг добычи.

Пока посетители осматривали гнездо и окрестности, на опушке поляны из кустов вышел дикарь, осмотрелся и замахал рукой, вызывая своих попрятавшихся одноплеменников. Тотчас же по соседству вылезли женщина и двое детей, и все четверо направились к дереву. В это время их заметил Горохов и прошептал несколько испуганно:

— Караульщики ботов возвращаются, что нам делать? Стрелять в них?

Онкилон уже достал из колчана стрелу и собирался натянуть тетиву лука, когда Горюнов остановил его движением руки.

— Зачем? Посидим смирно и понаблюдаем, что будут делать дикиари, — сказал он Горохову.

— А если они полезут наверх?

— Днем им тут делать нечего, а внизу их еда.

— Но как же мы уйдем отсюда?

— Испугаем их выстрелом! Ах, чорт возьми, мое ружье осталось внизу!

— Вот-те раз! Они его найдут и испортят.

— Не дадим, ваше ружье ведь здесь. А мое осталось по ту сторону ствола; они могут и не заметить.

Во время этой беседы застигнутые на дереве улеглись на шкуры вокруг выреза в помосте, с которого видна была площадка стойбища у подножия. Семья дикарей, подойдя к дереву, уселась на корточках вокруг огнища; у женщины на руках был еще грудной ребенок; мальчик, лет двенадцати, имел уже украшение в виде палочки в носу, а девочка, лет шести, еще не была изуродована. Увидев обуглившееся мясо, мужчина издал несколько отрывистых звуков, мало похожих на человеческую речь, но понятных мальчиком, который подбежал к опушке и вернулся с охапкой хвороста. В это время женщина отребла золу, освободила тлевшие еще угли и, покрыв их хворостом, взвела огонь. Девочка взяла палочку с мясом и стала отковыривать споревшую корку и пожирать уцелевшее. Мужчина

нашел среди валявшихся костей кусок кремня, служивший ножом, встал и стал отрезать от лошадиной ноги куски мяса, которые бросал женщине; небольшие обрезки он поедал сырыми. Женщина нанизывала мясо на палочки, откусывая время от времени кусочки, а мальчик вытикал палочки у огня и следил за ними. Вдруг младенец, лежавший на земле, запищал; женщина подняла его, зажала между коленями и сунула ему в рот черный сосок своей обвислой груди, после чего продолжала заниматься мясом.

Мужчина внезапно прекратил работу и стал прислушиваться, потом проворчал что-то, указав пальцем в сторону поляны мамонтов; женщина подняла голову, видимо встревоженная, дети вскочили. Очевидно, дикири услышали крики онекилонов, доносившиеся с поляны. Мужчина бросил кремень и обогнул дерево, намереваясь влезть наверх и посмотреть, что делается на поляне. Тут он увидел ружье Горюнова, висевшее на сучке. Он издал громкий крик изумления, женщина и дети подбежали; все с удивлением смотрели на эту странную блестящую дубину, каким-то чудом повисшую на их дереве. Видя, что предмет не змея, остается неподвижным и не издает никаких звуков, мужчина осмелел и протянул к нему руку, но женщина в испуге удержала ее, завязалася спор; наконец, дикарь грубо оттолкнул жену, дрожащими руками снял ружье с сука и, держа далеко от себя, понес к костру, присел на корточки и стал рассматривать. Женщина и дети, убедившись, что странный предмет не кусается и лежит спокойно на коленях, приблизились. Постепенно дикарь осмелел, стал гладить пальцами блестящий ствол, приклад, заглянул в дуло, даже дунул в него, потом стал трогать курок и собачку — и внезапно грянул выстрел.

Женщина с воплем откинулась на спину, младенец покатился на землю, попал ручкой в костер и завопил; дети отскочили в сторону; мужчина отшвырнул ружье. Еще мгновенье — и дети пустились бежать, женщина, подобрав ребенка и держась рукой за голову, вероятно контуженная, устремилась за ними, завывая. Дикарь отбежал в сторону на несколько шагов и остановился.

Все было тихо, огонь спокойно горел, предмет, так испугавший их, лежал неподвижно на земле в нескольких шагах от

Дикарь присел на корточки и стал рассматривать ружье

дерева. Шаг за шагом дикарь стал возвращаться назад — его ужин опять был прерван и мясо горело на огне.

Он подошел к костру и протянул руку, чтобы убрать палочки с мясом, как вдруг над его головой прогремел гром, что-то ударило в костер, угли и головешки разбросало в стороны.

Теперь и мужчина струсил не на шутку; с диким воплем он побежал к опушке, где женщина и дети остановились и не знали, что делать. При виде бегства мужчины, они тоже скрылись в кустах.

— Ну, теперь они долго не вернутся, — сказал Горохов, пустивший разрывную пулю в костер. — Теперь дерево у них будет заколдованное навсегда.

Онкилон хохотал до слез, Горюнов тоже смеялся. Все трое слезли с дерева, подобрали ружье; но онкилон предварительно поджег гнездо, а внизу бросил дубины и копья в костер; Горохов воткнул палочки с мясом в кору дерева высоко над землей и, найдя среди костей человеческий череп, водрузил его на лошадиную ногу, которую снял с дерева и прислонил к стволу, на темя положил кремень, которым дикарь резал мясо, а в глазницы засунул по угольку.

— Если они осмелятся притти сюда вскоре, — сказал он, — то припишут все эти штуки колдовской силе и еще больше будут бояться наших выстрелов.

Возвращаясь на поляну мамонтов, шутники встретились с остальным отрядом, уже спешившим к ним на помощь. Услыша выстрел, потом другой и рев дикаря, Ордин и Костяков подумали, что ушедшие подверглись нападению дикарей и оторвали онкилонов от свежевания. Узнав, в чем было дело, все много смеялись происшествию с ружьем.

На поляне уже были разведены костры, и Аннуир готовила ужин; хобот мамонта оказался превкусным блюдом, но бифштексы из филе были немного жестки, может быть потому, что им не дали вылежаться. Но мяса было столько, что можно было повторить опыт и позже.

Тяжело нагруженные шкурой, бивнями и мясом, на следующий день направились уже прямо к стоянке Амнундака, которой достигли только поздно вечером.

Вождь онкилонов уже снаряжал большую экспедицию для

поисков пропавших чужестранцев. Землетрясение сильно напугало онкилонов, на памяти которых подобного еще не было. В некоторых землянках бревна навесов выскочили из гнезд и, упав вместе с дерном на просыпавшихся людей, многих ушибли и нескольких детей убили. Выскочив из жилищ, перепуганные онкилоны видели, как качались деревья, и слышали, как с грохотом валились глыбы камня с обрывов; подземные удары валили их с ног; потом разразилась гроза, какой не запомнили старики, а потоки дождя мочили людей, не решавшихся вернуться в землянки; двери на последних размыло и вода подмочила постели и одежду.

Сопоставляя это бедствие с недавним нападением дикарей, онкилоны начали думать, что несчаствия, предсказанные их предками в связи с приходом белых людей, действительно начались, а эти люди как раз скрылись и неизвестно, вернутся ли еще или исчезнут так же таинственно, как и появились.

Отряд, посланный по сигналу барабанов из крайнего стойбища на поиски в долину Тысячи Дымов, не нашел там никого, и Амнуундак был сильно встревожен; приходилось искать пропавших во владениях дикарей и для этого собрать всех воинов. Возвращение потерявшимся успокоило тревогу, а шкура, бивни и мясо мамонта увеличили радость племени.

Землянка путешественников, благодаря лучшей конструкции, почти не пострадала от землетрясения и в ней жила два дня часть рода вождя, пока чинили его полуразрушенное жилище.

25

СВЯЩЕННОЕ ОЗЕРО

Шаман заявил Амнуундаку, что по случаю благополучного возвращения чужеземцев, не покинувших онкилонов в дни бедствия, должна быть принесена жертва богам у священного озера. Путешественники, узнав из распросов, что в это озеро стекаются все воды котловины, были рады слушаю посетить его и выяснить, куда же уходит эта вода. Жертва была назначена через два дня после их возвращения.

Воины всего рода во главе с Амнундаком и путешественники выступили рано утром на юго-запад; в хвосте отряда вели белого жертвеннного оленя, по бокам которого шествовали шаман и его ученик, всю дорогу бившие в бубен и певшие заклинания. Миновав ряд полян и промежуточных лесов, часа через два дошли до небольшого озера, расположенного у самой окраины котловины. С двух сторон его берега состояли из крупных и мелких глыб черной базальтовой лавы, под которыми всюду слышалось журчанье воды, стекавшей под россыпью к озеру; с двух других сторон непосредственно из озера отвесно поднимались базальтовые стены окраины на высоту нескольких сот метров, отражавшиеся в зеркале воды вместе с кусочком синего неба. В этот глубокий полуколодец солнечные лучи проникали даже летом только в течение двух-трех ранних часов, когда солнце находилось на северо-востоке; позже озеро все время лежало в глубокой тени. Черные стены, уходившие на головокружительную высоту, черные глыбы берегов, черная вода — в совокупности производили угнетающее впечатление, и недаром онкилоны признали озеро священным.

Большая ровная плита, немного возвышавшаяся над остальными у самого края воды, служила жертвеннником; на нее взошел шаман с учеником и втащил оленя. Амнундак, путешественники и воины расположились полукругом вокруг плиты. Подняв бубен, шаман стал медленно бить в него и, благодаря многократному отражению звуковых волн от отвесных скал по ту сторону озера, получился целый хаос громких звуков. Не понимая, что такое эхо, онкилоны думали, что духи отовсюду отвечают теми же звуками. Помолившись, шаман вынул из-за пояса короткий, но острый нож из халцедона, тщательно выточенный и насаженный на костяную ручку, украшенную резьбой; по форме нож походил на кинжал и употреблялся только для кровавой жертвы. Ученик, схватив оленя за рога, пригнул его голову к земле, а шаман сильным ударом в затылок нанес смертельную рану. Над телом умиравшего оленя возобновились удары в бубен, а в это время два онкилона принесли легкий плот, изготовленный из четырех сухих тонких бревен и спустили его на воду у края плиты. Ученик при их помощи сбросил оленя на плот и оттолкнул последний от берега. Шаман в это

Жертвоприношение у священного озера

время продолжал бить в бубен; губы его двигались, шепча молитвы или заклинания, но из них не вылетало ни одного звука — говорить громко на берегу священного озера считалось кощунством.

Плот начал медленно отплывать к середине озера, увлекаемый незаметным течением. Наконец, он доплыл почти к подножию обрыва и начал кружиться на одном месте.

В глубоком молчании вождь и воины следили за его движениями. И вдруг из черной воды послышался глухой шум, поверхность озера слегка заволновалась и недалеко от плота стала образовывать плоскую воронку, словно огромное чудовище, скрытое в глубине, начало всасывать в себя воду. Воронка постепенно углублялась, шум усиливался, послышалось сопение, и плот, схваченный водой, уходившей вглубь, исчез в пучине; мелькнули концы бревен, рога олена и воронка закрылась. Еще минуту или две видна была впадина в этом месте, а затем зеркало озера восстановилось и лежало перед зрителями такое же спокойное, как и прежде.

Как только плот исчез в черной пучине, шаман перестал бить в бубен и возгласил глухим шепотом:

— Священная вода приняла жертву!

Поклонившись озеру, он спустился с плиты и весь отряд двинулся обратно. Путешественники могли теперь обменяться своими впечатлениями. Озеро наглядно показало им, куда уходят воды котловины: время от времени, накопившись в этом бассейне и преодолевая сопротивление, они всасывались в какой-то подземный канал, по которому и стекали в море.

— Почему озеро считается у вас священным? — спросил Горюнов у Амнундака на обратном пути

— Так сказал шаман, приведший наших предков на эту землю. Он нашел озеро и на его берегу духи беседовали с ним и открывали ему будущее. Перед смертью он велел, чтобы его тело похоронили в этой священной воде. С тех пор всех шаманов хоронят здесь.

— Как же это делается?

Умершего шамана кладут на такой же плот, как вы видели, с бубном в руках; в ногах ставят чашу с дарами, в головах — голову жертвеннного олена, а шкурой его покрывают

тело. Новый шаман стоит на жертвенной плите и молится, воины всего племени присутствуют. Плот носится по воде вправо и вперед — шаман прощается со своим народом. Потом вода схватывает умершего и увлекает вглубь, как вы видели.

— И ничего не выбрасывает назад? Неужели не выплынет обратно шкура, бревно, бубен?

— Нет все исчезает бесследно. И если бы вода что-нибудь выбросила, это был бы знак, что шаман чем-нибудь не угодил духам или сделал что-нибудь нехорошее в течение своей жизни.

— Как же делают, если шаман умрет зимой? Озеро ведь замерзает?

— Священное озеро не замерзает, снег лежит на камнях берегов, но вода не покрывается льдом.

Горюнов мог объяснить себе это явление только периодическим всасыванием воды в подземное жерло, при котором захватывается и тонкий лед, успевший образоваться на поверхности.

Возвратившись на стойбище, путешественники провели почти целый месяц в своей землянке, так как Амнундак не соглашался больше отпускать их в далекие экскурсии. Они обходили только ближайшие поляны и леса, всегда в сопровождении нескольких воинов, наблюдая жизнь животных и развитие растительности, принимая участие в небольших охотах или занимаясь рыбной ловлей на озерах, чтобы познакомиться с представителями этого класса позвоночных. Впрочем, и погода не благоприятствовала далеким экскурсиям; этот первый летний месяц был на Земле Санникова самый дождливый; небо часто застипалось тучами, моросил мелкий неприятный дождик. Но и в дождливые дни скучать не приходилось: пять молодых женщин в землянке заботились об этом; знание языка онкилонов, постоянно совершенствовавшееся благодаря женам, позволяло вести более свободно разговоры и собирать богатые сведения о нравах, обычаях, образе жизни и поверьях онкилонов.

У этого племени не было письменности, но много устных преданий и сказок можно было записать. Овладев достаточно языком, путешественники приглашали к себе стариков и ста-

рух из соседних стойбищ или сами посещали их для этой цели. Их интересовали также религиозные воззрения племени, и в этом отношении шаман, как хранитель культа, мог бы им сообщить всего больше; но он категорически отказался от этого и вообще относился к чужестранцам со скрытой враждебностью. Миряне же имели в этом отношении довольно смутные и даже противоречивые представления, сводившиеся в общем к вере в существование добрых духов на небе и вообще в воздухе, в облаках, на небесных светилах и злых — в воде и под землей.

За это время один только раз двоим путешественникам удалось сходить проведать Никифорова, продолжавшего жить отшельником с собаками среди снегов, занимаясь охотой, вялением мяса и запасаясь топливом на зиму. Чтобы иметь возможность в случае крайней надобности быстро получить от него весть или послать ему таковую, к Никифорову отвели Белуху, а от него взяли Пеструху, которые и могли служить почтальонами. В случае крайней опасности он должен был развести большой костер на уступе над сугробом, дым и огонь которого легко могли быть замечены со стойбища.

Собираясь зимовать на Земле Санникова, путешественники естественно интересовались характером зимы и расспрашивали онкилонов. По словам последних, с начала сентября быстро наступает осень; солнце освещает котловину только в течение шести-семи часов, мало поднимаясь над южной окраиной. Листва желтеет и опадает. Онкилоны усиленно занимаются заготовкой топлива на зиму. Погода часто портится и по временным идет снег. С начала октября солнце уже не проникает в котловину, но среди дня несколько часов еще светло. Южные ветры приносят снежные выюги, северные — дождь и туман. Онкилоны заняты последней охотой для зимних запасов. С половины этого месяца дня уже нет, только час или два делятся сумерки; учащается ненастье, заставляющее сидеть в землянках. С начала ноября и до конца января тянется полярная ночь, освещаемая только луной, когда небо ясно, и северными сияниями, которые онкилоны приписывают душам умерших. Южные ветры в это время приносят холод и ясную погоду, западные и восточные — пургу, а северные — оттепель и

дождь. (Записав это, Горюнов прибавил: ясно, что это тепло зимой обусловлено кипящими озерами и фумаролами северной части котловины). Благодаря этому снег не может очень накапливаться, и олени, а также дикие животные, находят себе подножный корм на полянах. Всего больше снега накапливается на окраинах под утесами, где он лежит до поздней весны. Эти три темные месяца для онкилонов самые скучные, и в пургу и в дождь нужно сидеть в землянках. В лунные ночи выходят на охоту, особенно на волков, которые тревожат оленей.

С начала февраля на юге появляется свет, но солнце начинает заглядывать в котловину только в начале марта; день быстро прибывает, становится теплее и с конца этого месяца дружно начинается весна: снег исчезает, появляется трава, природа оживает; к половине апреля леса начинают зеленеть.

26

ОХОТА НА ЛЕННУЮ ПТИЦУ

С начала июля молодая птица на озерах уже подросла и начался период линияния гусей и уток, когда они теряют способность летать и прячутся в тростниках озер. Все северные тузыцы пользуются этим временем для массовой ловли птицы, и онкилоны не составляли исключения. Каждое стойбище имело два или три озера в исключительном пользовании. Заблаговременно на берегах были устроены загоны, представлявшие изгородь из тонких жердей, воткнутых в землю на таком расстоянии друг от друга, чтобы утка не могла пролезть между ними; две стены изгороди начинались у воды на расстоянии сотни шагов друг от друга, но затем быстро сближались и превращались в узкий коридор, приводивший к плещадке, огороженной более прочно со всех сторон.

В назначенный день члены всего рода, кроме грудных и самых маленьких детей, вооружившись палками, окружили рано утром озеро и стали криком и стуком выгонять птицу, прятавшуюся еще в траве.

— Эй, гуси, утки! — кричал один, — выходите, пора купаться!

— Вылезайте, ленивые, в воде червяки и рыбки ждут вас! — подхватывал другой.

— И наши палочки, чтобы погладить вас по головке! — голосил третий.

Стук, крики, визг детей, для которых этот день был величайшим событием, стояли невообразимые. Дети шныряли по траве, как собаки, колотя палкой вправо и влево. Перепуганная птица со всех сторон стремилась к воде, и впереди загонщиков повсюду видно было колебание стеблей травы и тростника, между которыми пробирались пернатые. Некоторые пытались взлетать, вспархивали над травой, но тотчас опять садились, хлопая крыльями. Кряканье уток, скрипучее гоготание гусейсливались со стуком, визгом и криком загонщиков. Кулики, бекасы, чибисы, кроншнепы, турехтаны, вылинявшие раньше водяных птиц, взлетали порознь и стайками и носились с пронзительными криками над водой и над поляной, прорезая легкий туман, висевший еще над озером. Последнее скоро застrelо от стаек гусей и уток, когда загонщики дошли до самой воды. Только часть берега между обеими изгородями была свободна от людей. Так как берега были местами болотистые, то загонщики, приближаясь к ним, надевали широкие лыжи из звериной шкуры шерстью наружу, натянутой на раму из гибких прутьев, служившие им зимой, облегчавшие хождение по топкой почве и вспугивание прятавшихся в траве птиц.

Окружив озеро, онкилоны вытащили в конце его, противоположном загону, приготовленные ранее четыре членока — спищие из березовой коры берестянки; в каждый из них село по два человека, один с веслом, другой с колотушкой и ремнем в руках. Членки быстро отделились друг от друга, но через промежутки между ними были протянуты ремни, тащившиеся по воде. Люди на корме потихоньку гребли, люди на носу все время подбрасывали ремень, который шлепал по воде, производя плеск и брызги, пугая плававшую птицу, которая с кряканьем и гоготанием постепенно стремилась по воде к загону. По берегам озера продолжался адский шум и стук загонщиков, по воде двигалась стена плеска, сопровождаемая криками лодочников. Птица начала метаться; отдельные экземпляры, улучив момент, когда ремень опускался в воду, про-

рывались обратно; другие пытались выбраться на берег, но когда они подплывали слишком близко, загонщики пускали стрелы и пронзенные птицы бились на воде и увеличивали смятение.

Так мало-по-малу сотни птиц были согнаны к концу озера; по мере движения членков и загонщики перемещались по берегу; передние переходили уже к изгороди, но здесь переставали шуметь и прятались в траву. Когда конец озера был уже близко, лодочники удвоили рвение, так как от их ловкости теперь зависела удача загона; птица сгрудилась на небольшой площади. Нужно было, чтобы ремень плескал непрерывно и сильно, иначе вся масса, улучив минуту, могла ринуться назад, и пришлось бы начинать все дело с начала.

Но вот передние стайки, подплыв к берегу, стали вылезать в траву, пробираясь вперед; за ними последовала остальная масса, и сплошная волнующаяся река гусей и уток потянулась в глубь загона с кряканьем и гоготом. Как только последние вышли из воды, лодочники тоже выскошили на берег, к ним присоединились ближайшие загонщики и стуком и криком гнали птицу вперед. Наконец, вся стая сгрудилась в тупике, где изгородь была прочнее, а трава вытоптана. Теперь загонщики, окружившие изгородь, а также вошедшие вслед за птицей, начали безжалостное избиение; со всех сторон десятки палок колотили по головам несчастных пернатых; крики разъярившихся людей, глухие удары палок, хлопанье крыльев, отчаянные кряканье и гоготанье слились в невообразимый шум. В воздухе беспрерывно мелькали окровавленные палки, груды убитых и трепещущих росли на глазах. Отдельным смельчакам удавалось прорваться между ногами загонщиков или через бреши изгороди назад к озеру или на поляну.

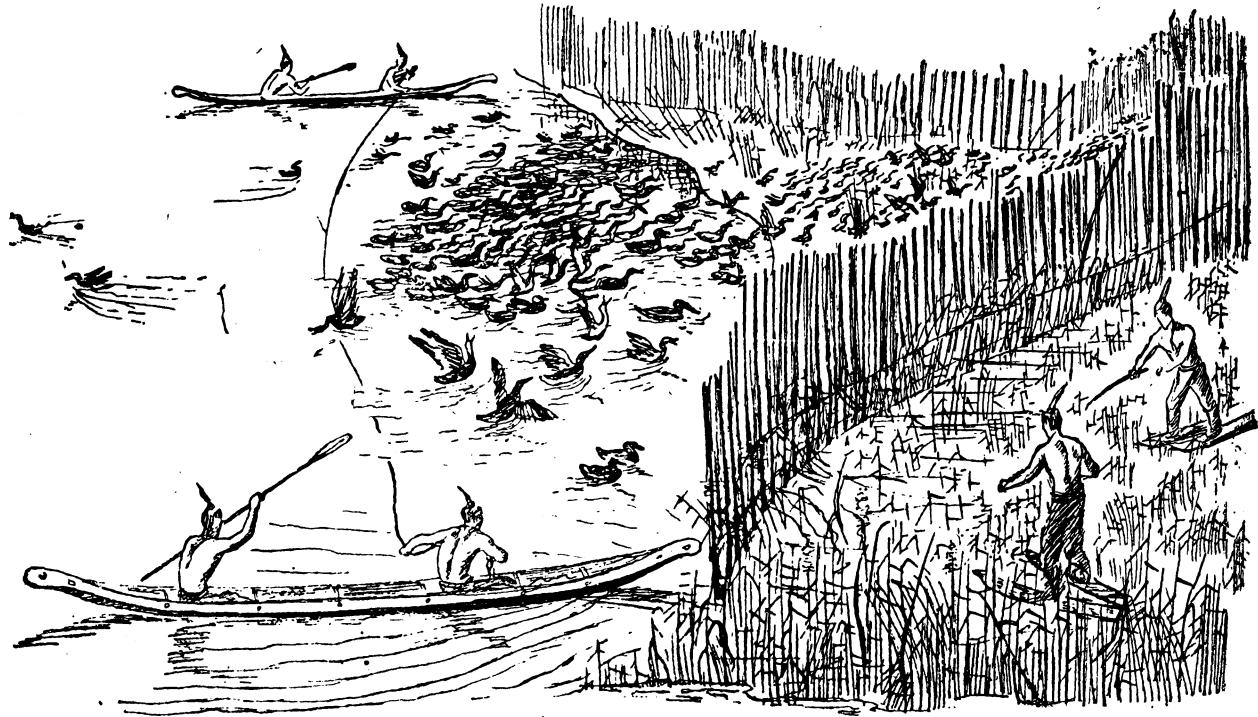
Наконец, все перебиты, немногие спаслись, тупик наполнен кучами птицы. Шум сразу затих; люди опрокидывают изгородь и начинают уборку добычи; связывая ремешками попарно ноги, перебрасывают птиц через те же палки, служащие теперь носилками; два человека несут к стану две палки с тридцатью-сорока парами уток или же пятнадцатью-двадцатью парами гусей; дети тоже тащат на своих палках груз, но поменьше.

У стойбища сваливают в кучу и начинается новая рабо-та — ошпыванье перьев и потрошение; пух собирается в ко-жаные мешки, потроха сваливаются на пластины коры. Горят костры, калятся камни, приготовлены все деревянные сосуды — сегодня будет обильный суп из потрохов. Шум, говор, визг детей, усердно помогающих и мешающих всем, наполняют воз-дух. Вот возвращаются и лодочники, и несут еще охабки птиц; они собирали по озеру подстреленных стрелами загонщиков с берега.

После чистки, уже вечером, началось копченье птиц впрок; отсутствие соли и посуды не позволяло сохранить птицу долго в другом виде. Поэтому из коры устраивали шалаши, под их крышей на жердях подвешивали очищенных птиц, а на земле разводили дымокур, который нужно было поддерживать не-сколько дней. Поздно вечером кончилась работа и еда, а на следующее утро нужно было повторить то же самое на другом озере, через день на третьем. Медлить было нельзя, так как маховые перья быстро отрастают и птица начинает, хотя и плохо, летать. Тогда и изгородь не помогает.

Путешественники приняли участие в загонах, хотя и без осо-бого удовольствия; им также нужны были зимние запасы; жены их конечно участвовали очень охотно. Но три дня этого про-мысла произвели на чужеземцев кошмарное впечатление; суета, шум, беспощадное избиение беззащитных существ, горы битой птицы, костры, объедение всех участников и их алч-ность, желание истребить побольше — сливались в неприятное зрелище, и они были рады, когда охота кончилась.

При этих загонах на попадавшуюся иногда более крупную дичь не обращали внимания — ее время было впереди. В ка-мышах у каждого озера жили в небольшом количестве кабаны; сжатые загоном, они собирались в кучу со старым свирепым самцом во главе и бросались напролом через цепь. Им давали дорогу и только какой-либо поросенок, отставший от старших или бежавший в стороне, попадал под удар копья или дубинки. За кабанами охотились поздней осенью, когда они были жир-нее и когда тростники блекли и валились от мороза, болота замерзали, а кабаны покидали эти убежища и паслись на опуш-ках полян и в лесу. На них устраивали облавы и били копьями

Охота на лебединых гусей и уток

и стрелами из засады, защищавшей от клыков. Холода позволяли сохранять их мясо подвешенным на дерево в замороженном виде. Еще позже, уже по первому снегу, охотились облаивами на зайцев, которых было много и на полянах и в лесах.

27

ТРЕВОЖНЫЕ ПРИЗНАКИ

С конца июля солнце стало заходить не только за гребень северной окраины котловины, но и за горизонт: начались темные ночи, которые быстро удлинялись. Появились и первые признаки осени: стрижки, гнездившиеся в обрывах скал, собирались в большие стаи, молодежь упражнялась в полетах, готовясь к дальнему путешествию. Уцелевшие гуси и утки также собирались в стаи и перелетали с озера на озеро. Ночные туманы стали гуще и утром дольше висели в котловине.

Путешественники еще определенно думали о зимовке на Земле Санникова и добывали охотой запасы на зиму, которые их жены коптили или вялили, а сало топили и собирали в мешки, сшитые из толстых кишок. Но в конце первой недели августа произошло событие, явившееся началом целого ряда других, имевших крупные последствия. В ночь на восьмое число путешественники были разбужены сильным подземным ударом; сначала спросонок им показалось, что кто-то изо всех сил ломится в дверь землянки; потом они расслышали глухой гул, словно от проходящего тяжелого поезда.

— Опять землетрясение! — догадался Ордин.

Землянка была тускло освещена потухшим костром; при его колеблющемся свете видны были встревоженные лица поднявшихся с постелей нагих мужчин и женщин.

Но вот удар повторился. Послышался треск и скрип балок, посыпалась земля из промежутков. Огонь костра вздрогивал; предметы, висевшие на колышках стоек и под навесами, качались; из земли доносилось зловещее шипение.

— Хотя наша землянка построена прочнее других, все-таки надо уходить на волю! — сказал Горюнов, хватаясь за одежду.

Женщины дрожащими руками застегнули свои пояски и,

схватив одежду в охапку, бросились к двери. Мужчины, одеваясь на ходу, последовали за ними.

Ночь против обыкновения была теплая и очень ясная, благодаря значительному северному ветру, унесшему туман. Поляна была освещена луной, висевшей уже над западной окраиной котловины. Несмотря на гул ветра в листве близкого леса, то справа, то слева, то спереди слышен был грохот от глыб, валявшихся с обрывов.

Из землянки вождя доносились крики женщин, плач детей, возгласы мужчин. Часть ее населения также выбежала уже на воздух и одевались. Вскоре за ними последовали и остальные и все сгрудились вблизи выхода, с тревогой глядя на небо и обмениваясь замечаниями. Амнундак подошел к путешественникам; он был сильно испуган.

— Опять трясется земля, белые люди! — сказал он с укором. — Правду сказал великий шаман, что с приходом белых людей начнутся бедствия онкилонов. С тех пор, как вы пришли, земля тряслась два раза и людоеды нападали на нас.

— Но дикии воевали с вами всегда и земля тряслась прежде тоже не один раз! — возразил Горюнов.

— Нет, никогда еще земля не тряслась так сильно! И вот, смотри, месяц какой красный! Это предвещает большую беду, — ответил Амнундак.

Новый сильный удар заставил его покачнуться; многие, стоявшие, попадали. Послышались крики женщин, плач детей. На глазах у всех один из откосов землянки Амнундака обрушился всей массой и столб густой пыли взвился в воздух. Деревья закачались.

— Все ли вышли из жилища? — воскликнул вождь.

— Все, все! — послышалось в ответ.

— Нет, не все! — поправил женский голос. — Моя мать Мату, больная, осталась лежать. Она сказала, что ей все равно, где умирать.

— Ну, так она умерла! — прибавил мужчина. — Навес обрушился на нее.

— Раскидайте землю и бревна и освободите женщину скрее! — приказал Амнундак. — Принесите огня и дров, разведите костер.

Но онкилоны боялись входить в жилище; с упавшего нафеса они стали снимать дерн, опасливо поглядывая на соседние бревна. Аннуир храбро вошла в свою землянку и вынесла на доске кучу горячих углей, Ордин и Горюнов принесли дров и вскоре запылавший костер внес некоторое успокоение и весь род собрался вокруг него, кроме нескольких воинов, произведивших раскопки. Удары продолжались и при каждом они отбегали в сторону, хотя на них ничего не могло уже рухнуть. Земля все время гудела, деревья качались; все люди присели, потому что на ногах было трудно стоять. Грохот падающих камней не затихал

— Великая беда пришла для онкилонов! — шептал Амнундак, глядя на вздрогивавший при ударах костер. Путешественники заметили уже не один косой враждебный взгляд, брошенный на них тем или другим из воинов и особенно женщин.

Аннуэн, сидевшая возле Ордина, в промежутке между ударами встала и присоединилась к женщинам, сидевшим по другую сторону костра; ее примеру последовали жены Горюнова и Костякова и только Аннуир и жена Горохова остались на месте.

— Мы как будто становимся зачумленными! — вполголоса сказал Горюнов, обращаясь к товарищам

— Ничего, солнце взойдет, все успокоятся и забудут ночные страхи! — беспечно ответил Костяков

— А луна стала еще краснее! — заметил Ордин. — От обвалов очевидно поднялась сильная пыль

Особенно сильный удар прокатился по котловине с громким гулом, подбросило даже дрова в костре, рассыпавшиеся в стороны. Снова послышались крики ужаса; некоторые люди, сидевшие на корточках, попадали. Собаки жалобно завывали. Землянка вождя с тухим треском рухнула вся, кроме центральных столбов, окруженных теперь облаком пыли. Работавшие воины попадали, а вскочив, разбежкались.

— Мы погибаем, земля рушится, пришел конец нашему племени! — стонали мужчины и женщины; последние прижимали к груди плачущих детей; на всех лицах, с расширенными глазами, запечатлевался холодный ужас.

Когда затих грохот обвалов, жуткая тишина охватила поляну,

потому что и ветер внезапно прекратился. Все стали невольно прислушиваться. И вот тишину нарушили далекие, но ясно различимые звуки бубна, магически подействовавшие на онки-лонов. Черты лиц разгладились, глаза сузились, иные громко вздохнули.

— Шаман наш жив! Шаман призывает духов земли успокоиться! — послышались возгласы радости.

Этот сильный удар действительно оказался последним, и после него на более слабые уже не обращали внимания. Люди у костра начали дремать. Их разбудил гул военного барабана соседнего стойбища, то короткие, то длинные удары которого чередовались друг с другом и прекрасно доносились в ночной тишине; им вторили более далекие других стойбищ. Все встрепенулись и слушали с напряженным вниманием. Когда эта зловещая музыка затихла, Амнундак сказал Горюнову с укором:

— Много наших жилищ разрушено в эту ночь. Убито несколько женщин и детей, поломаны кости у многих, попорчена утварь и оружие. Большая беда постигла нас, белые люди! Вы не захотели отвратить ее. Вот ваше жилище дело, а мое — развалилось.

— Потому что вы очень плохо строите свои жилища! — ответил Горюнов сердито. — Вот теперь постройте их попрочнее, и они не будут валиться и давить людей.

— Много поколений жило в наших жилищах и никогда не бывало, чтобы они падали! — возразил вождь. — Нет, когда пришла беда, ничего не поможет, мы не колдуны...

Он хотел прибавить «как вы», но воздержался. Путешественники впрочем поняли его вполне

В это время успокоившиеся воины наконец развернули обрушившийся первым навес землянки и вытащили старую Мату; она конечно была мертва. Ее дочь и две другие женщины развели отдельный костер в стороне, положили ее возле него и начали оплакивание по ритуалу, прославляя ее при жизни добродетели. Остальные продолжали спокойно дремать у костра. По приказу Амнундака барабан разнес по стойбищам весть о разрушении землянки вождя и смерти одной женщины.

Приближался рассвет и у путешественников глаза стали слипаться; землетрясение очевидно кончилось и слабые удары

ощущались все реже и режи. Землянка выдержала испытание и в нее можно было вернуться. Когда путешественники, сговорившись, поднялись и направились к своему жилищу, их провожали завистливые и частью враждебные взгляды некоторых проснувшихся онкилонов. Амнундак дремал, уткнув лицо в колени. За белыми людьми последовали только Аннуир и жена Горохова, остальные не двинулись с места среди других женщин, а Аннуэн еще раньше присоединилась к плакальщицам. Горюнов и Костяков оказались соломенными вдовцами.

После тревожной ночи все проснулись поздно; через щели двери пробивались уже солнечные лучи. Ярко пылал огонь и три сбежавшие жены, как ни в чем не бывало, хлопотали над завтраком. Во время последнего у них произошло объяснение с мужьями. Они признались, что когда земля начала так сильно трасти, они испугались и подумали, что вот-вот земля треснет и белые люди увлекут их в подземное царство. Поэтому они перешли к своим. Это было глупо, но праздодобно, и Горюнову пришлось, в который уже раз, объяснять женщинам, что белые люди не колдуны и не подземные духи. Но по лицам трех беглянок видно было, что они не верят его словам.

Они сообщили также, что рано утром приходил шаман проредать Амнундака и рассказал, что по дороге от его землянки лопнула земля и что он с трудом перескочил через трещину. Его жилище не разрушилось, добрые духи охраняли своего служителя.

Это известие побудило путешественников заняться осмотром окрестностей; все воины были заняты раскопками и восстановлением землянки, и можно было обойтись без докучливого конвоя, особенно неприятного теперь, после ночного происшествия. Захватив ружья и оставил Горохова возле землянки для отвода глаз, трое остальных отправились прежде всего по тропе к жилищу шамана и вскоре наткнулись на трещину, протянувшуюся с востока на запад и достигающую почти двух метров ширины; на дне ее виднелась осевшая земля с кустами и целыми деревьями; местами, где трещина проходила под толстым деревом последнее было разорвало от корней на несколько метров вверх, и одна половина его стояла на одной сто-

Трецина в земле, образовавшаяся при землетрясении

роне трещины, другая — на другой, а выше обе половины соединялись и дерево уподоблялось человеку, стоящему, расставив ноги над рвом. Местами вблизи трещины почва была покрыта выброшенным из нее мокрым черным песком.

Отсюда повернули на юго-запад к священному озеру, чтобы осмотреть его без свидетелей. По пути туда встретили около тридцати трещин разной ширины; через одни можно было перешагнуть, через другие приходилось прыгать с разбега. Одни были неглубоки, в других не видно было дна, но вглубь они постепенно суживались; брошенные камни показали, что на глубине нескольких метров в трещине стоит вода. Россынь у подножия окраинного обрыва котловины была усеяна свалившимися ночью крупными и мелкими обломками; в одном месте нашли барана, очевидно сброшенного толчком с большой высоты и убившегося. Его конечно подобрали — он должен был оправдать перед онкилонами их экскурсию без конвоя.

Подойдя к берегу священного озера, путешественники остановились в изумлении: озеро исчезло. Вместо него видна была большая впадина, вроде очень плоской и неправильной воронки, усыпанная крупными и мелкими обломками черной лавы, покрытыми какой-то слизью; под обломками местами журчала вода притоков озера, повидимому сильно сократившихся. Осторожно перебираясь по скользким плитам, исследователи добрались до жерла, находившегося недалеко от подножия обрыва; оно имело два-три метра в диаметре и круто уходило наискось под обрыв; вода из-под глыб быстро стекала в него небольшим ручьем.

— Ну, что вы скажете по этому поводу? — спросил Костяков, когда все трое остановились на краю черного зияющего жерла, уходившего в таинственную глубь.

— Я думаю, — ответил Ордин, — что землетрясение уничтожило то препятствие в подземном канале, например какой-нибудь коленообразный изгиб, который позволял воде озера стекать только периодически, по мере накопления.

— А не является ли сильное уменьшение притока в озеро главной причиной его исчезновения? — спросил Горюнов. — Вспомните, что сюда должна стекать вода всей котловины, и в прошлый раз мы видели целую речку, выходившую из леса

и скрывавшуюся под россыпью. А теперь в жерло вливается ручей в какой-нибудь метр ширины и полметра глубины.

— Вероятно трещины, образовавшиеся в почве котловины, перехватывают воду ручьев, прежде попадавшую сюда, — ответил Ордин.

— Если эти трещины не бездонны, они наполняются водой и потом могут восстановиться ручьи, а следовательно и озеро? — спросил Горюнов.

— Возможно, что так.

— Это было бы желательно и чем скорее, тем лучше, потому что, если онкилоны узнают, что их священное озеро исчезло, они будут перепуганы еще больше и припишут и это бедствие белым колдунам.

— Мы им конечно не расскажем!

— Но смотрите, не проговоритесь женщинаам, где мы были

— Понятно! Даже Горохову не скажем. Ходили на охоту, добывали барана, видели трещину — и баста.

От озера направились обратно ишли некоторое время вдоль окраины по опушке. В одном месте большая куча белых глыб и обломков, лежавшая у подножия обрыва, привлекла к себе внимание. Когда подошли к ней, оказалось, что все это — лед, свалившийся от толчков с вершины обрыва; это показывало, что наверху местами есть хотя бы небольшие ледники. Но более интересно и важно было открытие трещины у самого подножия стены; она тянулась в обе стороны, насколько хватал глаз, то суживаясь, то расширяясь и в ней на глубине пяти-шести метров стояла вода.

На дальнейшем пути вдоль окраины подходили к обрыву еще раза три и везде находили трещину у его подножия; повидимому, на протяжении километров десяти, если не больше, дно котловины отделилось от ее западной окраинной стены.

Домой вернулись только после полудня, и на стойбище было уже замечено их отсутствие. Но вид каменного барана успокоил подозрительность онкилонов, и Амнундак пожалел, что оторвал нескольких воинов от работы, послав их на поиски чужестранцев. Развалины землянки были уже разобраны, место очищено и онкилоны начали ставить остов из тех же бревен. Пообедав, путешественники явились со своими топо-

рами с предложением укрепить остов так, чтобы землянка не валилась при каждом землетрясении на головы своих обитателей. Но к их удивлению онкилоны решительно отказались от помощи чужестранцев.

— Наши предки научили нас строить жилища, — сказал Амнундак, — и мы жили в них спокойно целыми поколениями. Мы не будем строить их иначе. Вот лучше сделайте, чтобы земля больше не тряслась, белые люди, тогда и жилища наши не будут разваливаться!

Никакие уговоры не помогли, и пример землянки путешественников не подействовал.

— Если бы в вашем жилище жили не белые колдуны, а онкилоны, оно бы тоже развалилось! — послышался голос из толпы строителей, столпившихся вокруг чужестранцев при переговорах.

И все остальные закивали головами и закричали:

— Так, так! Верно!

Пришлось вернуться в свою землянку, но обсудить положение здесь не было возможности — жены уже достаточно понимали по-русски, и в их присутствии нельзя было говорить свободно, так как все сказанное должно было стать известным онкилонам.

Но чтобы посмотреть, на чью сторону станут жены, путешественники рассказали о своем предложении, о полученном отказе и его мотивах.

— Амнундак правильно рассудил! — воскликнула Аннуэн.

Жены Горюнова и Костякова закивали головами; жена Горохова молчала. Одна только Аннуир стала на сторону мужей и принялась доказывать остальным на примере устройства их землянки, что глупо отказываться от помощи более умных людей.

— Они не умнее нас с тобой, а только колдуны! — в досаде воскликнула Аннуэн. — Пока они не пришли в нашу землю, наши жилища никогда не разваливались и земля не тряслась так. И если они только захотят, то земля больше не будет трястись.

Спор женщин, впервые со времени их совместной жизни, принял такой ожесточенный характер и три забывшиеся неве-

жественные и суеверные противники Аннуир стали говорить такие глупости, что мужчины пожалели, что затеяли этот разговор. Впрочем, это имело и благие последствия, как мы узнаем далее.

Чтобы угомонить женщин, Ордин позвал Аннуир с собой собирать ягоды в лесу. Сейчас же и четыре другие заявили, что настала пора запасать ягоды на зиму и, захватив тузы — цилиндрические сосуды из бересты с крышкой, которая вставляется очень туго и имеет ручку, за которую сосуд можно нести, — тоже отправились в лес, но в другую сторону. Три путешественника остались одни и воспользовались случаем, чтобы поговорить на свободе.

— Мне кажется, — сказал Горюнов, — что нам не придется зимовать здесь. Отношение онкилонов становится явно недружелюбным.

— Да, — подтвердил Костяков, — и если произойдет еще что-нибудь скверное, например новое землетрясение, или буря, или нападение дикарей, нам лучше уйти незаметно и поскорее.

— Ничего, обойдется, товарищи! — заявил Горохов. — Не всякий же день земля трясется. И зимовать будем!

— Никите здесь очень нравится, — насмешливо сказал Костяков.

— Конечно, нравится! Чем здесь не жить? Еды вволю, теплота и, особенно, жены хорошие.

— Вот в чем дело! — протянул Горюнов и замолчал. Стало ясно, что Горохов в случае конфликта пожалуй станет на сторону онкилонов или выберет нейтральную позицию. Наступило тягостное молчание. Вскоре Горохов встал и вышел из землянки.

— Я боюсь, — сказал Горюнов, — что если нам придется бежать отсюда спешно и тайком, Никита не захочет с нами итти и может быть выдаст наши намерения онкилонам.

— Ну, что вы, с чего вы это взяли? — удивился Костяков. — Ведь он тоже колдун, как и мы, и если нам станет опасно оставаться, то и ему тоже.

— Не совсем так. Я заметил, что онкилоны отличают его от нас. Кожа у него смуглая, тип более близкий к ним, говорит на их языке. Бельм его назвать нельзя, не так ли?

— Пожалуй! Но все-таки он пришел с нами, живет с нами, имеет те же молнии и громы и прочие диковинные вещи.

— И все-таки положение его несколько иное. Мое внимание обратил на это Ордин, а ему сказала его вторая жена. Во всяком случае, быть вполне откровенными с Никитой нам не следовало бы...

— Вы правы! А вот что мне кажется: сегодняшняя свара женщин показала, что в Аннуир мы имеем союзницу.

— Да, она безумно любит Ордина и через нее мы можем узнавать планы онкилонов. А это будет может быть очень полезно.

— Интересно знать, в случае, если нам придется бежать, — пойдет она с нами или нет? Одн раз она отказалась, помните, там на гребне, когда мы смотрели на море?

— Ну, это было вначале. А теперь она пожалуй пойдет за Ордина姆 на край света.

Возвращение Горохова заставило прекратить разговор. Горюнов и Костяков вышли за дверь посмотреть, как идет постройка.

Оказалось, что остов уже поставлен, и женщины начали его обкладывать дерном, который частью набрали из развалин, частью нарезали свежий. К ночи род очевидно мог уже устроиться на новоселы.

К вечеру вернулись четыре женщины, набравшие полные туясы дикой малины и черники.

Потом пришел и Ордин с Аннуир, у которой ягод было мало, а глаза заплаканы; при виде ее жалкого сбора остальные жены захихикали и стали спрашивать, что же она делала в лесу с мужем.

— Я ее бранил за то, что онассорилась с моей первой женой! — заявил Ордин

Аннуир в изумлении вскинула на него глаза и покраснела, насколько это было возможно при ее смуглой коже. Аннуэн видимо была польщена, и мир в землянке водворился.

Когда все женщины в сумерки пошли доить оленей, Ордин хотел было завести разговор о событиях дня, но Горюнов успел ему шепнуть, чтобы он пока воздержался, указав глазами на Горохова, сидевшего на своей постели.

ПОЛОЖЕНИЕ ОСЛОЖНЯЕТСЯ

Внезапно снаружи раздался знакомый всем протяжный вопль онкилонов, повторенный несколько раз, а затем загрохотал военный барабан. Встревоженные путешественники выбежали из землянки и увидели, что онкилоны собрались у жилища Амнундака вместе с женами и детьми; сумерки и сгущавшийся туман мешали видеть, что они делают, а зловещий гул барабана — слышать что-нибудь. Они пошли было туда, но наткнулись на бежавшую к ним Аннуир, которая задыхаясь, проговорила:

— Не ходите туда, вернемся в наше жилище, пока женщины нет.

Она побежала вперед, путешественники за ней. Когда они вошли в землянку, Аннуир рассказала, что воины, посланные на розыски путешественников, обнаружили, что священное озеро исчезло и заметили также следы ног белых людей на плитах обсохшего дна. Отпечатки ног на мягком иле, покрывавшем плиты, не могли ускользнуть от внимания опытных следопытов. Они поспешили назад и сказали Амнундаку, что белые колдуны были у священного озера и высушили его. Поэтому поводу и был вопль, а барабан передает эту страшную весть по стойбищам.

— Напрасно вы туда ходили без онкилонов! — укоризненно сказал испуганный Горюков. — Теперь они не поверят, что не вы высушили озеро.

— Что же они думают делать? — спросил Ордин.

— Они сами не знают, что предпринять; они перепуганы. Воины видели тоже, что вся земля полопалась, — ответила Аннуир. — Вождь послал уже за шаманом и велел пригнать жертвеннного оленя.

— Значит, будет ночное моление и вопрошание духов! — сказал Горюнов. — И каково будет внушение, которое получит шаман от духов, неизвестно. Может быть он скажет, что нас всех нужно принести в жертву духам, чтобы умилостивить их!..

— Онкилоны не приносят в жертву людей! — заявил Горохов. — Этого нам бояться нечего. Я думаю, шаман скажет, что мы должны уходить поскорее отсюда.

— Ну, это бы еще не беда! Уйти можно, хотя еще не время итти через льды, море вскрывается все шире, — сказал Горюнов.

— Да, не время, и никуда нам уходить не следует! — прибавил Горохов. — Я с ними поговорю, может дело уладится как-нибудь.

Он вышел из землянки; Аннуир, немного помедлила, шмыгнула вслед за ним, так как Ордин шепнул ей что-то на ухо.

Пользуясь отсутствием Горохова и женщин, Горюнов передал Ордину содержание дневной беседы относительно Никиты, а Ордин рассказал, что он действительно побрился Аннуир за то, что она слишком горячо стала на сторону чужеземцев и поссорилась с остальными женами. Он дал ей понять, что в интересах этих чужеземцев, чтобы она не ссорилась со своим племенем, иначе от нее будут все скрывать; а между тем им, ввиду обнаружившегося враждебного отношения онкилонов, необходимо иметь верного человека из их среды, который мог бы узнавать своевременно их намерения и планы.

Но плакала Аннуир не из-за этого выговора, справедливость которого она прекрасно поняла, а из-за предстоящего в близком будущем бегства чужеземцев. Она все еще колебалась, как ей поступить в этом случае: племенная связь была еще сильна, а мысль о чужой стране страшна.

— Теперь она хорошенько обдумает этот вопрос, — закончил он, — свыкнется с мыслью и пойдет с нами. Она меня очень любит и я ее тоже, и расстаться с ней было бы мне очень тяжело.

— А взять ее с собой очень желательно, — заявил Костяков. — Если мы не можем к сожалению увезти отсюда живого дикаря древнекаменного века, то будем иметь хоть экземпляр онкилона для доказательства наших повествований о Земле Санникова, которые иначе могут быть сочтены сказками. Прочие жены конечно за нами не пойдут, они наглядно показали это сегодня.

— А Горохов, того и гляди, сам останется здесь! — прибавил Горюнов. — Ему эта сытая и спокойная жизнь очень нравится.

— Ну, если события будут развиваться дальше так, как я предполагаю, то о спокойной жизни на этой земле говорить не придется, — сказал Ордин.

— Что же вы предполагаете?

— Знаете, где мы были с Аннуир? Мы дошли до следующей поляны, где находится одно из пузырящихся озер с периодом в полчаса. Мы просидели возле него больше часа и не видели ни разу поднятия пузыря и выхода пара.

— Вот оно что!

— Сопоставляя это с исчезновением священного озера и с многочисленными трещинами в почве, нетрудно сделать вывод, что землетрясение сильно нарушило подземный режим этой котловины. И мне становится жутко...

— Как онкилонам! — прервал его Костяков со смехом. — Если одно озеро вытекло, а другое перестало пузыриться, то нам от этого ни тепло, ни холодно. Все прочее ведь осталось.

— Подождите смеяться. Нам может сделаться очень холодно, — продолжал Ордин серьезно. — Чем обусловлен чудесный теплый климат этой котловины среди полярных льдов? Исключительно подземным жаром, выделяющимся еще из недр погасшего вулкана. Без этого тепла котловина была бы потребена до верха под массами льдов из постепенно накаплившихся снегов.

— А-а-а! — протянул Костяков и лицо его стало серьезным.

— Да! И землетрясение, нарушив подземный режим, т. е. замкнув трещины, выводящие тепло из недр, может обустроить в ближайшем же будущем резкое изменение климата котловины...

— И гибель всех животных, растений и людей! — прервал его Горюнов.

— Да, гибель всего живого уже в течение предстоящей зимы. Мы знаем, какая мягкая была здесь зима, позволявшая животным добывать корм из-под снега.

— Но ведь главный жар дает северная часть котловины, а не

пузырящиеся озера. Там может быть все осталось по-старому?

— Сомневаюсь. Первое землетрясение мы испытали именно там. Возможно, что еще не все трещины, выведившие кипящую воду и пар, закрылись. В таком случае изменение климата будет не такое резкое. Но кто поручится, что следующее землетрясение не докончит эту работу?

— Знаете, нам необходимо еще раз посетить долину Тысячи Дымов и выяснить, что там произошло

— Да, это было бы полезно. Но я боюсь, что Амундак не пустит нас.

— Почему же?

— Потому что первое землетрясение случилось как раз когда мы были там. При суеверии онкилонов...*

— Понимаю. Ну, пойдем тайком, все равно дружба у нас испорчена, хуже не будет.

— Но без конвоя страшновато. Можем встретиться с дикарями, — заявил Костяков.

— Они убегут от первого выстрела, а от засады и ночью нас уберегут собаки. Если итти налегке, можно обернуться в два дня и ночевать у последней воды. Очень далеко забираться в долину Тысячи Дымов и не придется — сразу будет видно, продолжается ли выделение паров и кипящей воды.

— Правильно! — решил Горюнов. — Завтра же в путь да пораньше. Горохова опять оставим здесь и женщин конечно также.

— Нет, Аннуир я хотел бы взять с собой.

— Зачем это? Она стеснит нашу свободу.

— Нисколько, ходок она прекрасный и, кроме того, если мы пойдем одни, это возбудит подозрение онкилонов, через стойбища которых придется итти. Аннуир будет играть роль конвоя.

— Баба в качестве конвоя при трех мужчинах! — рассмеялся Костяков.

— Ну, проводника, соглядатая онкилонов, как хотите. На тех стойбищах еще не знают, что у нас отношения с Амундаком испортились. Кроме того, она хорошо знает дорогу к последнему стойбищу, откуда она родом, и действительно будет проводником, сбережет нам время.

— Вы опять правы! Значит, решено; завтра чуть свет в путь! И велите Аннуир потихоньку приготовить нам провизии на дорогу.

— А Горохову ни слова! Приготовим сейчас наши котомки и ружья, пока никого нет.

Едва путешественники успели сделать это, как в землянку вбежала запыхавшаяся Аннуир.

— Никита много говорил Амнундаку и воинам, — сказала она торопливо, — говорил, что земля больше не будет трястись и лопаться, и что священное озеро вернется назад и что все будет опять хорошо. Онкилоны сердятся, говорят, зачем белые люди делают это. Мы им все давали, и жилища, и пищу, и молодых жен, а они не хотят сделать нам доброе. А женщины кричат: отнимите у них громы и молнии и пусть они идут туда, откуда пришли. Без них мы жили спокойно. И Никита опять им начал говорить, а они твердят свое. Амнундак решил — вот придет шаман, помолится; как скажет — так и сделаем.

— Никита неосторожно наобещал им то, что может и не случиться, — сказал Горюнов.

— И в конце концов дело решит шаман, независимо от этих обещаний Никиты, — прибавил Костяков.

— Я думаю, что шаман тоже прислушивается к «гласу народа», — заметил Ордин. — Это хитрый старик. Вспомните, когда он волхвовал в день нашего прихода, он заявил от имени духов, что бедствия может быть не начнутся, пока белые люди остаются у онкилонов. Он оставил себе лазейку и оказался прав.

Вошел Горохов и сказал:

— Я их немного успокоил, а сначала они очень сердились, а хуже всего бабы: «гоните их, нас то-есть, в шею, кричат, мы им и жилище, и пищу, и постель, и посуду всякую дали, и лучших девушки своих не пожалели, а они вот что нам делают!». И голосят, и голосят! Насилу их Амнундак шаманом успокоил: придет мол и рассудит, как быть с ними. Сейчас пришел шаман, и мне велели уйти.

— А мы надеялись, что будем присутствовать при молении, — сказал Горюнов.

— Никак нельзя, — ответил Горохов. — Шаман, как подо-

шел, увидел меня и сказал Амнундаку, чтобы белых людей на молении не было.

— Значит, будет суд в отсутствии подсудимых! — усмехнулся Костяков. — А наши жены могут пойти?

— Они уже все там. От них и узнаем прежде всего, что скажет шаман.

Горохов очевидно не заметил Аннуир, когда вошел в землянку; а она за его спиной тихонько шмыгнула за дверь, как только услышала, что пришел шаман, а ему велели уйти.

— А знаете ли, какой холод на дворе? — прибавил Горохов, присаживаясь к огню и протягивая к нему руки. — Я совсем околел, пока там разговаривал. Густой туман, и холодный, словно у нас в Казачьем.

Ордин многозначительно переглянулся с Горюновым и оба вышли на воздух.

Их охватил такой холод, какого они давно не испытывали: температура наверно была едва выше нуля. И тьма была такая, что в двух шагах нельзя было различить друг друга. Свет от костра, выходивший из дымового отверстия землянки, едва освещал висевший в воздухе густой туман.

Из жилища вождя уже доносились грохот бубна и глухой голос шамана.

Собаки, почуяв хозяев, подбежали и стали визжать и проситься в землянку.

— Эге, и они отвыкли от холода! — сказал Ордин. — Ничего, привыкайте, скоро вернетесь на холодную родину.

— Но завтра мы идем на север? — спросил Горюнов.

— Вот узнаем, что вымолит шаман у богов. Может быть придется в эту же ночь, пользуясь туманом, бежать отсюда.

— Едва ли мы найдем дорогу ночью!

— А эти твари на что? Они поведут нас, — ответил Ордин, лаская Крота, вертевшегося у его ног.

Когда они вернулись в землянку, Горохов укладывался спать от нечего делать. Выждав, пока он захрапел, путешественники переговорили с Горюновым относительно возможного бегства ночью и отобрали пожитки, которые нужно было взять с собой. Затем уселись к огню в тягостном ожидании возвращения женщин с моления.

Шаман вопрошає духов в землянке Амундака

Наконец, явилась Аннуир, присела к огню и пристально глядя в него, сказала со слезами на глазах:

— Худо будет онкилонам, шаман говорит. Холод, вода, огонь. Сбывается предсказание предков. Белые люди пришли — бедствия начались. Белые люди уйдут — бедствия останутся. Если могут — пусть помогут. Будем молиться, жертвы приносить. Нехорошо говорил, нескладно говорил. Три раза начинал молчанье. Теперь лежит как мертвый, онкилоны сидят, ждут, не скажет ли лучше.

Но путешественники остались довольны результатами волхвования. Их по крайней мере прямо не называли виновниками бедствий, не требовали, чтобы они прекратили их, не изгнали немедленно из своей среды. А если бедствия дадут передышку на целые недели или даже месяцы — онкилоны успокоятся и можно будет мирно доживать свое время и уйти, когда это будет удобно.

— Аннуир, — сказал Ордин, — завтра рано-рано мы пойдем в долину Тысячи Дымов, и ты пойдешь с нами. Но другим ничего не говори.

— Зачем вы опять идете в это нехорошее место?

— Нужно посмотреть, что там делается, скоро ли кончатся бедствия онкилонов.

— Как вы узнаете это? Шаман не знает, а вы знаете? ..

— Пойдешь с нами — и ты узнаешь, мы тебе растолкуем. Пойдем через стоянку твоего рода, ты знаешь самую прямую дорогу?

— Как не знать, сколько раз ходила.

— И в туман дорогу найдешь?

— Постараюсь, для тебя все сделаю.

— Ну, тогда ляжем спать, вставать нужно рано.

Только что они улеглись, как явились остальные четыре женщины.

При виде пустой землянки, они сначала испугались, подумали, что белые люди тайком убежали; но сейчас же заметили спящих и, погревшись немного у огня, разошлись по своим местам, откуда вскоре послышался тихий говор. Путешественники узнали, что шаман, очнувшись, сказал, что белые люди не должны уходить, а то будет хуже. Поэтому и они вернулись к мужьям.

ЧЕРНАЯ ПУСТЫНЯ

Чуть свет три исследователя и Аннуир, одевшись потеплее и захватив котомки и ружья, отправились в путь. Горохову они оставили записку, что пошли на осмотр озер и вернутся только на следующий день, а его оставили онкилонам в залог своего возвращения. Туман был очень густ, но Аннуир быстро нашла прямую тропу к дальним стойбищам и уверенно вела своих спутников; холод заставлял их идти быстро; на траве повсюду лежал иней и одно из озер, мимо которого прошла тропа, оказалось покрытым тонким льдом у берегов.

— Никогда еще у нас не было так холодно в это время! — заметила Аннуир при виде льда.

— Вот мы и идем в долину Тысячи Дымов, чтобы узнать, почему стало так холодно, — пояснил ей Ордин.

Туман рассеялся только к полудню, когда путники дошли до последнего стойбища, где сделали привал для обеда. Оно тоже развалилось при землетрясении, но было уже почти восстановлено. Его население встретило белых людей дружелюбно; до него не дошли еще настроения и подозрения, развившиеся накануне в роде Амнундака. Они знали об исчезновении священного озера и были встревожены, но барабан не передал, что в этом винят пришельцев.

Присутствие Аннуир, которую ее родня любила, отстранило всякое подозрение, что белые люди бежали, а когда три воина, узнав, куда лежит путь, предложили себя в конвоиры и это не было отвергнуто, — не осталось даже мысли об отлучке без согласия вождя.

Отдохнув, отправились дальше. Солнце уже пригревало, но день производил впечатление осеннего, а не летнего. Пошли кратчайшим путем на север и часа через три достигли пояса скучной растительности, а немного позже — вступили в пустынную местность. Происшедшая в ней перемена была заметна уже за несколько километров — не было видно многочисленных столбов белого пара на горизонте и вдали отчетливо рисовалась черная стена окраины котловины. Когда вступили в пре-

делы долины Тысячи Дымов — все были поражены. Не осталось ни одного из тысячи столбов, оживлявших местность своими клубами и радугами; в кипящих озерах вода или исчезла, или стояла спокойно, хотя была еще горяча. Повсюду, насколько хватал взор, расстилалась голая, черная, безжизненная пустыня из лавы с ее шлаковатой поверхностью, пересеченной в разных направлениях трещинами; от нее шел теперь сухой жар, и проносившийся по временам ветерок, подобный дыханию из огромной хлебопекарной или металлургической печи, вздымал черную пыль и крутил ее смерчами по мертвой равнине. Накаленный воздух струился по ее поверхности и становился непрозрачным, так как черные обрывы окраины казались плавающими на поверхности обширного озера и приобретали фантастические очертания. Казалось, что за озером на самом его берегу возвышался огромный город.

С изумлением все созерцали происшедшую перемену; онки-лоны были из тех, которые сопровождали путешественников в прошлый раз, и им стало жутко. Они перешептывались и наконец спросили:

— Где же тысячи дымов, которые мы видели здесь? Где озерки, в которых мы варили мясо? Что это значит, скажите, белые люди? Почему подземные духи перестали варить и топить там, в глубине? Умерли они или заснули или ушли в другое место?

Горюнов объяснил им при помощи Аннуир, что все это — последствие землетрясения. Они поняли только наполовину и сделали вывод неожиданный, но правильный.

— Значит, нам далеко, как прошлый раз, ходить ненужно?

Действительно, проникнуть в глубь черной пустыни не было надобности, да и было бы очень трудно. В накаленном воздухе было трудно дышать. В прошлый раз многочисленные столбы пара, испаряясь в атмосфере, несколько понижали температуру; было жарко, как в бане, но терпимо.

Бросив последний взгляд на мертвую пустыню и маячивший вдали фантастический город, повернули обратно и на закате остановились на ночлег у первого из озер в полосе растительности. Здесь было еще тепло — северный ветерок приносил жар из пустыни. Расположившись у костра и поджаривая мясо,

стали обсуждать положение. Аннуир беседовала со своими родичами, и путешественники могли говорить свободно; они были встревожены.

— Какие выводы можно сделать из того, что мы видели сегодня? — спросил Горюнов.

— Мне кажется очень серьезные, — ответил Ордин. — Мое предположение, что землетрясение сильно изменило подземный режим котловины, к сожалению, оправдалось полностью, и грелка Земли Санникова, как с полным основанием можно назвать долину Тысячи Дымов, испортилась. Почва в ней еще горяча, но она скоро остынет и в ближайшее же время начнется замерзание котловины, и этот оазис среди полярных льдов быстро исчезнет.

— И ничего другого ожидать нельзя? Это единственный возможный результат? — спросил Костяков.

— Нет, он был бы единственный, если бы послевулканическая деятельность, выражавшаяся в этих фумаролах, кипящих и пузырящихся озерах, умирала естественной смертью, постепенно ослабевая. Но тогда и гибель жизни в котловине шла бы очень медленно, может быть целые десятилетия; зимы становились бы мало-по-малу суровее и длиннее, животные, растения и человек долго боролись бы с этим ухудшением жизненных условий.

— А теперь они осуждены на гибель в течение одной зимы?

— Да, если не случится в ближайшие же недели или месяцы восстановление грелки.

— Почему же она может восстановиться?

— По-моему не может, а должна. Землетрясение закрыло трещины, по которым выделения из потухшего или заснувшего — этого мы не знаем — вулкана в виде паров и газов, весьма обильных, прорывались на поверхность. Эти выделения не прекратились, им только отрезан путь вверх; в глубине они накапливаются и рано или поздно должны найти себе выход; чем позже это случится, тем катастрофичнее будет прорыв. Поэтому нужно пожелать, чтобы поскорее случилось еще землетрясение, которое откроет парам и газам старые или же новые пути вверх; это будет самый безболезненный способ разрешения кризиса, потому что, если пары и газы, накопившись до

крайнего напряжения, начнут сами прокладывать себе выход, то это может даже кончиться восстановлением вулкана, т. е. гибелью населения, но уже не от холода, а от огня.

— Вот так история! — воскликнул Костяков. — Несчастные онкилоны, им все равно погибать так или иначе!

— И единственное спасение — в новом землетрясении! — сказал Горюнов. — А они молят богов, чтобы земля больше не тряслась.

— Да, в новом и скорейшем. Так как, если оно случится только будущей весной, то уже мало поможет; большинство животных не переживет зимы с морозами в 40—50° и много-дневными пургами; онкилоны в землянках могут ее пережить — дров здесь достаточно, но будущим летом они начнут вымирать от голода, так как вся крупная дичь исчезнет.

— А перелетные птицы, а водяные орехи, грибы, ягоды, корешки? Вы смотрите слишком мрачно.

— Ну, пожалуй. Все-таки питаться им придется меньше и хуже. Разве что займутся хлебопашеством, огородничеством, разведением рыбы, скотоводством. Но для этого им нужно доставить семена, орудия и научить их.

— Следовательно, вернувшись домой, мы должны сказать шаману и Амнундаку, что нужно молить богов о скорейшем землетрясении? А если оно создаст новые пути в южной части котловины?

— Это конечно будет хуже, потому что погибнет более или менее крупный участок растительности, может быть олени пастища, поляны, землянки. Но все-таки это лучше, чем полная гибель от холода.

— А что делать нам? — спросил Костяков.

— Нам нужно протянуть время возможно дольше и уходить из котловины в крайнем случае, — ответил Ордин.

— Поживем, увидим, что будет дальше, как изменится погода, каково будет настроение онкилонов. Оставаясь, мы рискуем меньше, чем в случае преждевременного ухода, — подтвердил Горюнов.

Утомленные далеким переходом путники скоро и спокойно заснули.

Онкилоны поочередно караулили.

30

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

На следующий день путешественники, миновав последнее стойбище, довольно рано возвратились домой. Вокруг землянки вождя они увидели скопление онкилонов, окруживших воинов соседнего стойбища, которые только что привели пленного дикаря.

Они рассказывали, что в этот день утром, отправившись на охоту, они наткнулись на пять дикарей, повидимому, разведчиков, высматривавших возможность похищения оленей. Их настигли недалеко от стада; произошла стычка, во время которой двух дикарей убили, два успели убежать, а одного раненого взяли в плен и привели в подарок чужестранцам. Воины знали, что последние собирают шкуры и черепа диких животных, во время последней экскурсии в долину Тысячи Дымов взяли череп и кости дикаря, съеденного волками, и решили, что живой дикарь еще лучше годится для той же цели. Пленник стоял с крепко связанными назад руками, покрытый кровью из нескольких ран от копий и стрел и повидимому едва держался на ногах; его обступили сплошным кольцом женщины и дети, которым приходилось видеть дикарей очень редко. Теперь они могли вволю насмотреться на живого людоеда.

Когда путешественники заявили, что дикарь интересен для них, пока он живой, Амнундак распорядился, чтобы его привязали к дереву. Путешественники решили поторопиться сделать все измерения, которые их интересовали, снять фотографии, а затем попросить вождя отпустить дикаря.

Пленник был еще молодой, мускулистый, как все эти первобытные люди. Измерениям черепа конечно мешала спутанная грива волос, наполненных многолетней грязью, и Горюнов решил обстричь его. Когда он подошел к дикарю с блестящими ножницами, последний подумал, что его собираются зарезать, и испустил дикий вопль. Операция стрижки производилась под взглядами целой толпы онкилонов, окружившей дерево; им никогда еще не приходилось видеть подобное, и самый инструмент был им незнаком. Пленник принял это за прелюдию в ка-

ким-нибудь истязаниям и старался схватить своими крепкими зубами руку мучителя, так что пришлось завязать ему рот. Блестящие инструменты для измерения черепа привели его в трепет; эти измерения, а также обмер тела он конечно счел за какие-то колдовские манипуляции, в результате которых с ним должно было произойти что-то очень скверное. Наконец, когда принесли и поставили перед ним на блестящем треножнике какой-то черный предмет и раздался щелк затвора, он закрыл глаза, вообразив, что сейчас его поразит молния. Поэтому, когда его наконец оставили в покое и с ним ничего не случилось, он видимо был удивлен.

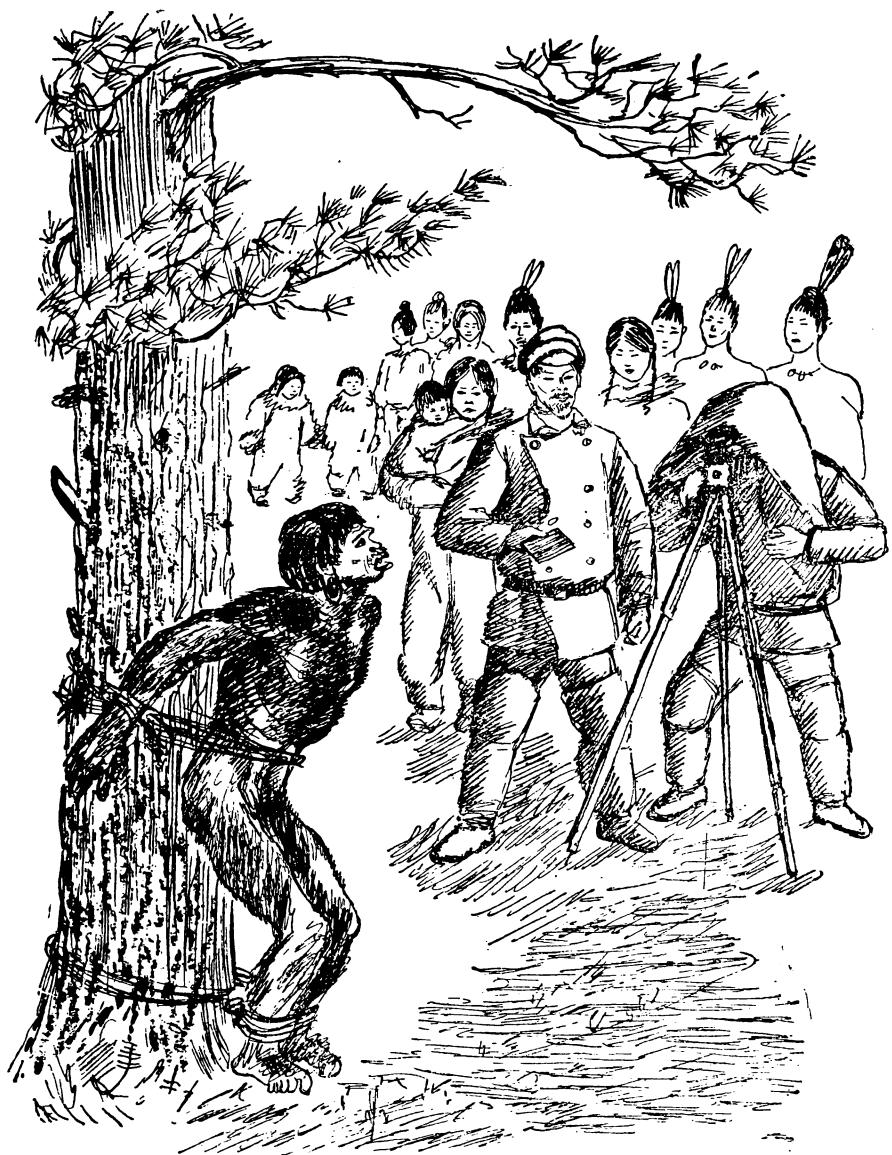
Онкилоны с громадным интересом следили за всеми этими операциями; измерения головы и тела были им уже знакомы, так как сначала жены чужеземцев, а затем и некоторые воины и дети были уже подвергнуты им, и они заканчивались тем же черным предметом на блестящей треноге, значения которого они не могли понять.

Когда все было кончено, Горюнов попросил вождя отпустить пленника на волю, но получил решительный отказ.

-- Сегодня вечером у нас опять будет моленъе, и шаман узнает решение духов, должен ли людоед умереть, — заявил Амнундак. — До сих пор мы пленных не отпускали никогда.

Уже смеркалось и путешественники, утомленные далекой экскурсией и возней с пленником, были рады вернуться в свою чистую землянку и расположиться у пылающего огня. Туман уже сгущался и снова становился холодно. От Горохова эни узнали, что и накануне, и в этот день туман держался до полудня, а потом, несмотря на то, что солнце было видно, все время было холодно, «как у нас в Казачьем в эту пору». В этот день был замечен отлет стрижей на юг, а гуси и утки также собирались к отлету, побуждаемые наступлением холода. После двух морозных ночей трава на полянах поблекла и легла, а листья на деревьях, не желтея, начали падать. Онкилоны были удивлены и говорили, что такие холода и туманы у них бывали только целым месяцем позже, а птицы улетают теперь также раньше обычного времени. По поводу холода в этот вечер и было назначено моление.

Когда стемнело, Горохов пошел узнать, не пришел ли шаман

Фотографируют пленного дикаря

и могут ли белые люди присутствовать на моленях; он вернулся с известием, что в этот раз молене будет только в присутствии воинов, и даже женщины и дети будут удалены из землянки.

Ввиду холода Амнундак просил белых людей пустить женщин с детьми на это время в их жилище.

— Мне пришло в голову, что они затевают что-то недобroе! — сказал Ордин при этом известии. — Они удаляют своих женщин, чтобы мы не могли узнать ничего через наших жен.

— Возможно! — ответил Горюлов. — Но помешать им мы не можем и остается только быть на стороже. А вот, спросите Аннуир, бывают ли у них моления подобного рода.

Аннуир сообщила, что подобные моления бывают перед походами против дикарей.

Вскоре землянка наполнилась женщинами и детьми, пришедшими коротать время своего изгнания у костра белых людей. Они и раньше бывали здесь в гостях, особенно во время отлучек чужестранцев; но теперь, явившись целым родом, были смелее, принесли с собой палочки с мясом, лепешки и начали готовить ужин; их смех и шутки, взвизгивание детей, плач младенцев наполнили землянку. При взгляде на этих веселых и беззаботных людей, недавно еще предлагавших гнать в шею чужеземцев и винивших их в бедствиях, предсказанных предками, а теперь болтавших и шутивших с теми же чужеземцами, путешественники не могли не подумать о том, что видели накануне в черной пустыне и что грозило близкой гибелью этому первобытному племени, если положение не изменится.

— Я все думаю и не могу решить, — сказал Горюнов Ордину, уединившемуся с ним в углу землянки, когда смех и шутки женщин начала надоедать, — не могу решить, должны ли мы сказать онкилонам о грозящей им гибели и предложить им уходить вместе с нами на юг.

— Я тоже думал об этом, — ответил Ордин, — но решил, что это преждевременно. Сейчас море открыто и ити им, не имея лодок, некуда. А кроме того неизвестно, оправдаются ли и в каком виде — мои опасения; если восстановится так или иначе грелка Земли Санникова — все может измениться к лучшему, может быть на целые десятилетия.

— А если грелка не восстановится и на наших глазах начнет надвигаться зима?

— И все-таки говорить им ничего не придется. Куда они могут идти через льды в полярную ночь, без достаточно теплой одежды, без топлива, без оленей, которые погибнут от голода через несколько дней пути по льдам? Нет, эту зиму они кое-как переживут, а весной, когда увидят, что снега не тают, что животные погибли — сами могут додуматься до необходимости уйти отсюда.

— Верно! А весной мы можем вернуться сюда с большой экспедицией, которую пошлет Академия, чтобы изучить землю и ее население, прежде чем снега окончательно заполнят котловину. Тогда легче будет устроить и исход онкилонов, они поверят в его необходимость.

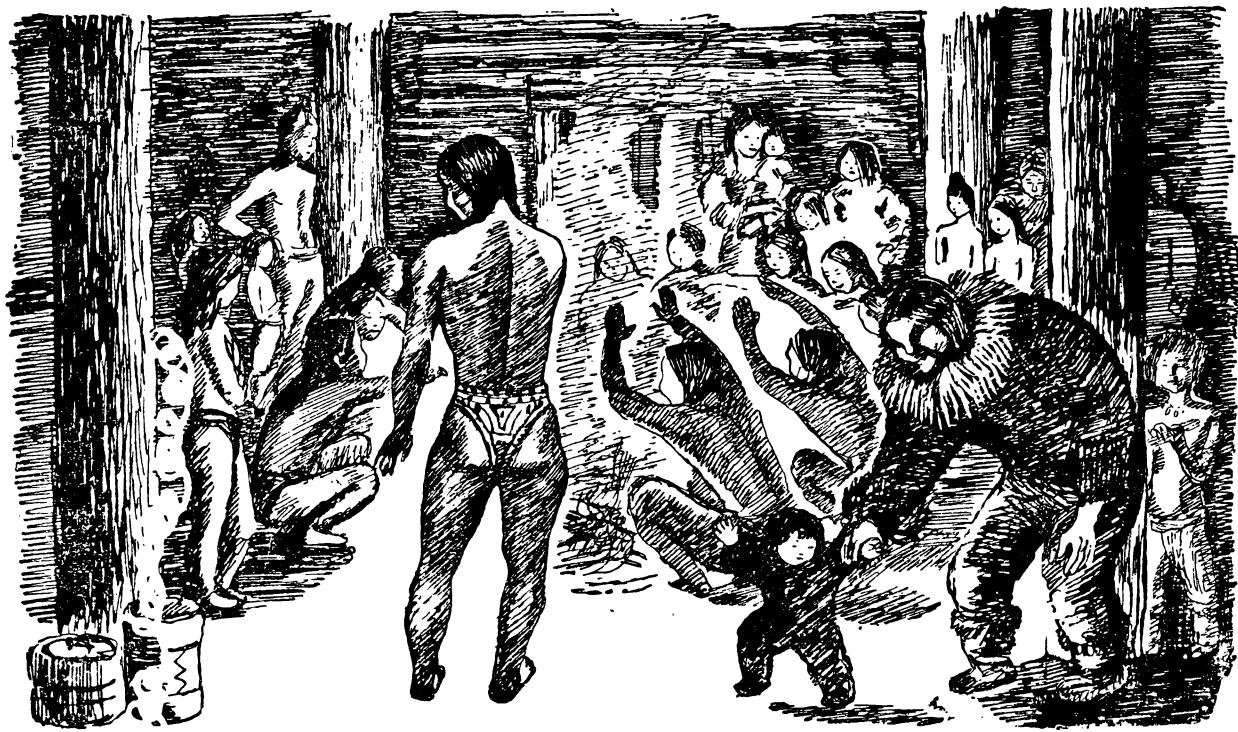
— А теперь они будут только требовать от нас, чтобы бедствия прекратились!

После ужина женщины, по просьбе Горохова, устроили пляску. Детей со старухами рассадили по углам, а сами, разоблачившись, по обыкновению до-нага, взявшись за руки пошли хороводом вокруг огня. Пляска состояла в подпрыгивании, поднимании то правой, то левой ноги, в движениях рук, изгибах туловищ в разные стороны под аккомпанемент припева простой мелодии. Такими плясками женщины развлекали себя и мужчин в долгую полярную ночь, когда надоедало однообразное сидение в землянке. Сначала припев и движения были медленные, словно плясали нехотя, но постепенно стали живее и наконец женщины завертелись так быстро, что у зрителей зарябило в глазах и зазвенело в ушах от топота ног, хлопанья в ладоши и взвизгиваний. Смуглые тела извивались в бешеной пляске, косы развеивались, ожерелья подпрыгивали на груди, запястья мелькали вперед и назад, глаза разгорелись, губы раскрылись, обнаруживая блестящие белые зубы. Наконец, дойдя до изнеможения, все попадали на землю и растянулись в разных позах вокруг огня, тяжело дыша и поправляя свои пояски. Черно-синие линии татуировки выделялись теперь особенно резко на покрывшихся потом телах и можно было видеть притягательные узоры, цветы, листья, солнца, головы животных, изобретенные фантазией первобытных художников — старух, заня-

мавшихся этим делом на телах девушек в долгую полярную ночь и старавшихся превзойти друг друга в замысловатости этих украшений. Мы уже описали татуировку женщины со змеями — второй жены Амнуундака; у Аннуир тело спереди было покрыто листьями и цветами разных фасонов, а сзади между лопатками сияло солнце, лучи которого расходились до шеи, плеч и поясницы; ниже последней были изображены две туны, обращенные рогами друг к другу. Жена Горохова была покрыта зигзагообразными линиями спереди и волнистыми сзади, причем на лопатках и ниже поясницы эти линии закручивались спиралью. Девушки щеголяли друг перед другом замысловатостью узоров на своем теле, а молодые воины на весеннем празднике также оценивали своих избранниц с этой точки зрения.

Отдохнувши, женщины уселись большим полукругом позади огня против путешественников и затянули игру; сидевшая на правом фланге шлепнула левой рукой свою соседку по спине с возгласом «первая»; та проделала то же с своей соседкой слева с возгласом «вторая»; так волна шлепков прокатилась дальше до левого фланга; если какая-нибудь сбивалась в счете, ее тузили справа и слева при общем хохоте. С левого фланга волна шлепков, но другой рукой, пошла обратно, опять со счетом, начиная с первой, но на половине полукруга скрестилась с новой волной, шедшей справа; таким образом легко было сбиться в счете, что давало повод к частым потасовкам к всеобщему удовольствию. Когда эта забава надоела, перешли к другой — женщины присели на корточки и, вытянув вперед руки, одновременно протягивали к огню правые ноги, а затем, очень быстро подтянув их назад, протягивали левые; если которая-нибудь опаздывала или протягивала не ту ногу, соседки при общем смехе опрокидывали ее на спину и обе ноги ее мелькали в воздухе. Эта игра так раззадорила женщин, что скоро они начали опрокидывать друг друга без всякого повода и кончилось тем, что все они лежали на земле, ногами к костру и хохотали.

— Эти пляски и игры, — заметил Горюнов, — прекрасная гимнастика, чтобы размять отекшие от долгого сиденья члены в долгую полярную ночь.

Игры онкилонок в землянке путешественников

— Да, мужчины, ходят на охоту, стерегут оленей, рубят дрова, а женщины обречены на домашние работы в землянке, — подтвердил Ордин.

— Первая игра называется у них «ожерелье», а вторая — «лягушки»; есть еще третья, «испытание», она спокойная, — сказал Горохов и прибавил, обращаясь к женщинам:

— Покажите нам «испытание»!

Женщины присели по местам.

— А кто у нас с прошлой зимы осталась терпеливой? — послышался вопрос, — ты, Анну?

— Я! — заявила Аннуэн.

— И я тоже в своем роду! — заявила Аннуир.

— Ты здесь чужая и тебя нужно сначала испытать, правда ли, что ты терпеливая. Ложись первая, — решили женщины.

Принесли шкуру, положили ее недалеко от костра среди полукруга и Аннуир вытянулась на ней навзничь. Аннуэн взяла чашку, наполнила ее до краев водой и поставила на живот лежащей, затем присела у ее ног и стала щекотать ей подошвы. Остальные женщины начали громко считать. Испытание состояло в том, что лежащая, несмотря на щекотанье, должна была лежать настолько смирно, сдерживая даже дыханье, чтобы из чашки не пролилось ни капли воды, пока не окончится счет до десяти. Хотя у онкилонок подошвы были огрубевшие от ходьбы босиком, но испытание однако выдерживали немногие, тем более, что женщины нарочно считали очень медленно. Выдержанная получала титул терпеливой и право щекотать подошвы всех нетерпеливых.

Аннуир в этот раз не выдержала и на девяти захочотала; правда, что ее соперница в любви Ордина щекотала очень сильно.

— Ну, вот ты и соврала! — заявила последняя злорадно. — Никогда ты не была терпеливой.

— Может быть и ты не была! — запальчиво возразила Аннуир.

— Другие знают! А если не веришь, — можешь испытать меня и даже большим терпением, — гордо заявила Аннуэн...

— Да, она может и это! — подтвердили другие.

— Ну-ка, покажи, Аннуэн! — сказал Ордин.

Аннуэн легла на место Аннуир, а последняя, дополнив чашку поставила ее выше живота, под груди, и стала щекотать живот возле пупка — место самое чувствительно. Но Аннуэн лежала, как каменная, и выдержала испытание.

— Попробуй-ка выдержать это! — сказала она насмешливо, поднимаясь, и выплеснула воду из чашки прямо в лицо Аннуир. Это была привилегия выдержавших большое испытание; Аннуир только обтерлась молча и отошла, пристыженная.

Одна за другой ложились женщины и Аннуэн всех доводила до смеха, одних раньше, других позже и основательно обливала водой прежде, чем они успевали подняться, к общему удовольствию остальных.

Не выдержавшие испытания потом сушились у костра и хохочали, глядя, как со следующими происходило то же. Выдержала только еще одна из женщин и когда все прошли через испытание, Аннуир пожелала подвергнуться ему вторично, но с тем, чтобы ее испытывала новая «терпеливая». Аннуэн протестовала, но остальные, зная соперничество обеих жен Ордина, нашли, что Аннуир вправе требовать повторения, раз она прежде была терпеливой. Аннуир согласилась даже на большое испытание и храбро выдержала его, но не воспользовалась своим правом облить водой ту, которая ее щекотала. О, если бы на месте последней была Аннуэн! Эта получила бы полную порцию!

— Ну, теперь у вас две сверх-терпеливые жены! — поздравил Ордина Горюнов.

— И обе ревнивые! — прибавил Костяков.

— В полном порядке вещей, — рассмеялся Ордин, который был доволен, что Аннуир восстановила свою репутацию.

Посидели еще у огня, болтая, но скоро явился старик из жилища Амнундака и сказал, что женщины могут вернуться, так как моление кончено.

— Что сказал шаман? Что открыли ему боги? Что ожидает нас? — посыпались на него вопросы.

— Завтра узнаете, а теперь идите спать, — уклончиво ответил старик и вышел.

Женщины оделись, подняли детей, спавших по углам, и одна за другой покинули жилище белых людей. Снаружи раздались

их взглазы: «Опять холодно! Ох, как холодно! Какой туман! Держитесь друг за друга, чтобы не заблудиться».

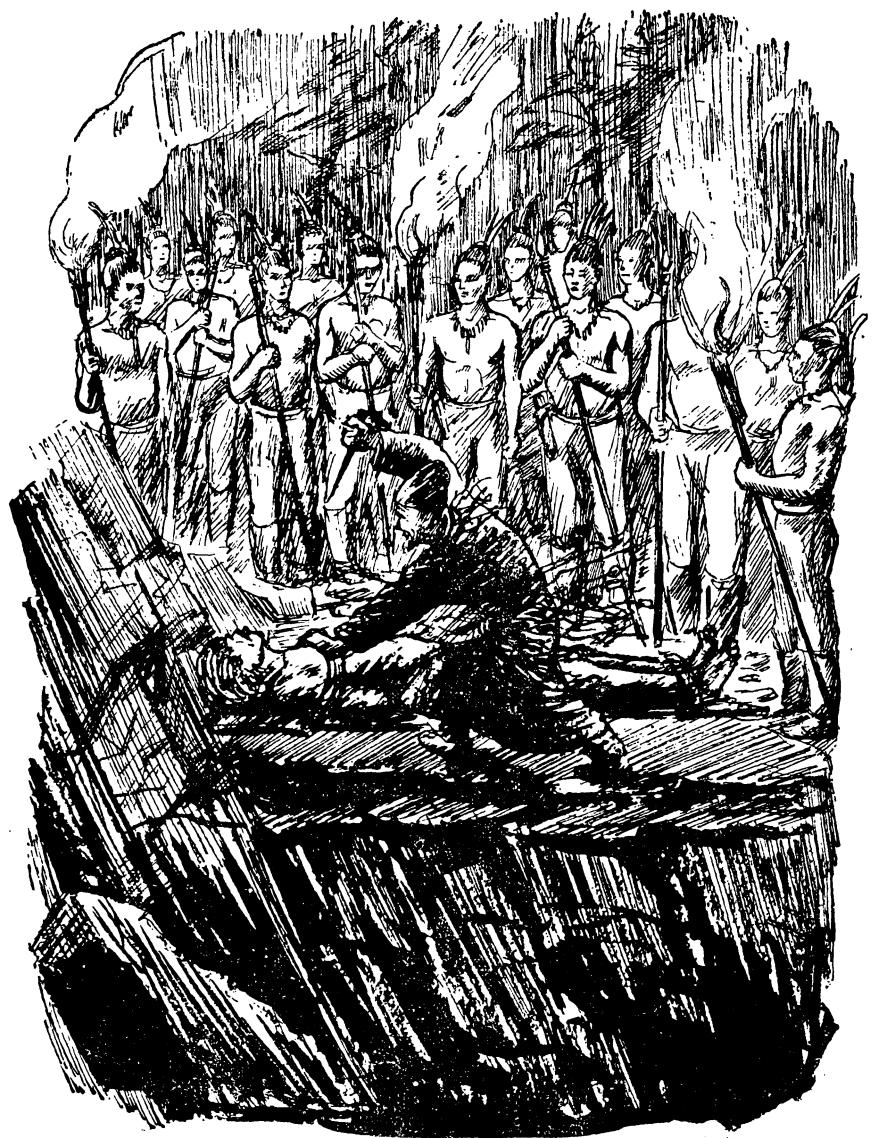
Аннуир пошла с ними, чтобы постараться разведать что-нибудь о результате моления, но очень скоро вернулась и сказала:

— Амнундак и все воины куда-то ушли — провожать шамана, что-ли; в жилище никого нет, кроме двух стариков — один спит, а другой меня обругал за любопытство.

— Очевидно, и нам самое лучшее лечь спать. До завтра мы ничего не узнаем, — сказал Горюнов.

Если бы путешественники знали, что велели духи шаману и что онкилоны стали немедленно приводить в исполнение, они бы не могли лечь спокойно спать.

Тотчас по окончании моления от жилища вождя, несмотря на туман и холод, на юго-запад отправились все наличные воины; впереди шло несколько человек с факелами, за ними Амнундак и шаман с учеником, далее четыре воина несли на носилках пленного дикаря, а остальные онкилоны замыкали шествие, все в полном вооружении и глубоком молчании. Слышался только легкий топот ног, постукивание стрел в колчанах и поскрипывание носилок. Уверенно находя дорогу в тумане, передовые с факелами вели этот странный кортеж через леса и поляны к священному озеру. На берегу последнего, пленника, связанного по рукам и ногам, положили на жертвенную плиту, шаман стал у его головы, ученик — у ног; Амнундак и воины окружили плиту сплошным полукольцом, открытым к озеру, в котором все еще не было воды. Все воины теперь зажгли факелы и подняли их над головой; шаман взял бубен и началось моление перед жертвой. Многочисленные факелы бросали колеблющийся красный свет на черную плиту, на распростертое на ней нагого волосатого человека, на шамана в его странном наряде, с высоко поднятым бубном, издававшим глухой рокот, на полукольцо вооруженных людей с орлиными перьями в волосах, с суровыми лицами, поднятыми к шаману в благоговейном созерцании. Кругом висел и колыхался туман, по временам разрываясь, и тогда показывались черные обрывы, дно озера, покрытое камнем, и темное жерло. На онкилонов, да и на всякого человека, это ночное моление в такой обстановке не могло не произвести глубокого впечатление. Пленник, очевидно

Кровавое жертвоприношение у священного озера

догадавшийся об ожидавшей его участи, дико вращал глазами и все тело его взрагивало мелкой дрожью. После прелюдии на бубне, имевшей целью вызвать духов и обратить их внимание на себя, шаман опустил руки, и подняв свое худощавое лицо, изборожденное морщинами, вверх и устремив взор на волны тумана, глухим голосом начал молить духов:

— Оммолон, Амнунгем, Иргани! — взывал он многократно. — Властелины подземного царства, призываю вас! Мы принесли вам жертву — живого человека, жертву красной дымящейся крови. Примите ее, не тряслите нашу землю, закройте щели, возвратите воды этого озера! Оммолон, Амнунгем, Иргани! Слушайте, мы призываем вас!

Называя имена духов, шаман повышал голос до крика и эти странные имена несколько раз повторялись отражением от обрывов, окружавших озеро. Казалось, что это откликались подземные духи, повторяя свои имена. При последнем возгласе шаман внезапно выхватил из-за пояса свой каменный жертвенный нож и, быстро нагнувшись, вонзил его в грудь дикаря, испустившего ужасный вопль, также повторенный обрыгами. Оставив нож в ране, шаман наступил ногой на лицо умиравшего пленника и опять забил в бубен.

Когда тело перестало вздрагивать, шаман вынул нож, вытер его о волосатую грудь дикаря и сказал:

— Унесите жертву и бросьте ее в глубь входа в подземное царство!

Шесть воинов осторожно подняли труп и понесли его, перебираясь по скользким и наклонным камням к жерлу, другие воины светили им спереди и сбоку. Когда они подошли к жерлу, раздался удивленный и радостный крик:

— Вода идет, вода показалась!

Действительно жерло, только что зиявшее еще своей черной пустой пастью, уходившей вглубь, до краев заполнилось бурлящей водой.

— Жертва наша принята подземными духами! — возгласил шаман. — Вода возвращается в священное озеро!

— Привяжите камень к ногам жертвы и бросьте ее скорее в жерло! — распорядился он.

Опустив труп на камни, воины развязали его руки и привя-

зали тем же ремнем большой камень к ногам. Потом подняли труп, раскачали его на руках и бросили в жерло, из которого вода выливалась уже на дно озера. Черные волны с дрожащими красными отблесками от факелов сомкнулись над головой дикаря.

— Приведите жертвенного оленя! — возгласил шаман. — Принесем жертву добрым духам неба!

Раздвигая ряд воинов с факелами, протискивались вперед два онкилона, ведшие за рога белого оленя. Его рога были украшены цветными кожаными лентами, а шерсть обрызгана пятнами красной охры. Животное, испуганное многочисленными огнями, упиралось и мычало. Его подтащили к плите, подняли на нее и повалили к ногам шамана,

Снова загудел бубен и шаман начал призывать добрых духов неба, прося их вернуть онкилонам тепло, прекратить холода и сохранить олены стада. Снова сверкнул жертвенный нож, пронзивший затылок оленя, алая кровь брызнула на белую шерсть и животное растянулось без движения. Его оставили на плите, отрезав только голову, которую всегда полувал шаман.

Вода в озере быстро поднималась, уже заливая глубокую часть дна, когда шаман, поклонившись священным водам, возвращенным из подземного царства, спустился с плиты. В прежнем порядке, но с носилками, окрашенными только головой оленя, весь отряд двинулся в обратный путь.

31

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ У ОНКИЛОНОВ

На следующее утро путешественники с удивлением узнали два факта — ночью было землетрясение и восстановилось священное озеро. Последнее можно было объяснить первым, но почему же они его не почувствовали? По расспросам оказалось, что землетрясение почувствовали только те два старика, которые остались в землянке Амнундака после ухода прочих; они заснули и были разбужены довольно сильным ударом,

выбежали на воздух, но так как все было спокойно, земля только чуть дрожала, они от холода скоро вернулись назад.

— Почему же мы ничего не чувствовали? — удивился Горюнов. — Не приснилось ли это старикам? Ни мы, ни наши многочисленные гости ничего не заметили.

— Постойте! — воскликнул Ордин. — Не случилось ли это тогда, когда наша землянка вся дрожала от топота плясавших женщин?

— Ну, конечно так! В это время легко было не заметить удар, очевидно не слишком сильный.

— Но который все-таки восстановил сообщение священного озера с... — Ордин замялся.

— С чем восстановил?

— Я хотел сказать с морем, но спохватился, что ведь прежде озеро стекало в море и высохло не потому, что эта связь прекратилась, а потому что сильно сократился приток воды из котловины.

— Знаете, это надо обследовать. Это очень важный вопрос, почему появилась вода. По рассказам онкилонов, она стала подниматься из жерла.

— Если мы пойдем туда и окажется, что вода снова исчезла, нас обвинят в новой беде и никакими оправданиям не поверят. Нет, лучше подождем и пойдем вместе с Амнундаком, — заявил Костяков.

И еще один факт, случившийся ночью, узнали путешественники. Пленный дикарь сумел развязаться и убежал, воспользовавшись тем, что карауливший его воин задремал у костра.

Все эти вести принесла Аннуир, первая вернувшаяся с утреннего доения оленей.

— Когда же онкилоны успели узнать, что озеро вернулось и даже увидеть, как поднималась вода? — удивился Ордин.

— Ночью было моленье у священного озера. Амнундак, шаман и все воины ходили туда. Принесли жертву — белого оленя — и сейчас же вода стала выходить, — сказала Аннуир с радостным видом, очевидно вполне веря в действительность моления и жертвы.

— Жертва была! — протянул Горюнов и замолчал. Он составил таинственное жертвоприношение ночью, которому

предшествовало удаление всех женщин и детей из жилища, и исчезновение пленника и заподозрил недобroe.

Позже, пользуясь отлучкой всех жен и Горохова, он сообщил свои подозрения двум товарищам.

— Непременно нужно узнать верно ли мое подозрение, — закончил он. — Если они начали приносить в жертву людей, то, начав с дикаря, они могут перейти и к нам, если бедствия не прекратятся.

Но узнать что-нибудь об этом факте не было возможности. Воины рассказывали охотно, что шаману на молении духи вели принести в полночь жертву, обычную жертву — белого оленя, на берегу священного озера, после чего вода начала выступать из жерла и залила на их глазах все дно. Они отрицали, что было землетрясение в эту ночь, очевидно не заметили его на ходу к озеру или во время моленя на берегу.

Прошло несколько дней; была только половина августа, но пахло глубокой осенью; каждую ночь были морозы, туман, иней; листья на деревьях, не успев пожелтеть, валились, трава на полях вся поблекла и полегла. Перелетные птицы исчезли и озера опустели; за ночь они теперь замерзали целиком и едва оттаивали к вечеру. Солнце часто скрывалось за густыми тучами и еле грело. Женщины начали вытаскивать из мешков зимние одеяды и спешно чинить их. Мужчины усиленно занимались заготовкой дров. Путешественники опять начали замечать недружелюбные взгляды, которые бросали на них онкилоны при встречах, а жены, кроме Аннуир, снова стали чаще отлучаться и проводить время в землянке Амнундака. По совету Ордина Аннуир тоже начала уходить вместе с ними, чтобы не выделяться своей преданностью чужестранцам и поэтому легче узнавать замыслы онкилонов.

Пятнадцатого августа с утра подул северный ветер, и началась настоящая пурга — валил снег при температуре в несколько градусов ниже нуля. К полудню снег прекратился и, выйдя из землянки, путешественники могли видеть Землю Санникова в полном зимнем наряде, поляну, покрытую толстым слоем снега, отоленный лиственный и украшенный снегом хвойный лес. Онкилоны тоже вышли из землянки вождя и осматривались; женщины сейчас же побежали к ним

В сумерки к путешественникам пришел Амундак, что не случалось уже давно, со временем размолвки после землетрясения, разрушившего его жилище. Он присел к костру и, грея руки, уставившись взором в огонь, повел такую речь:

— Что же это будет с нами, белые люди? Зима пришла на целую луну раньше времени. Деревья даже не желтели, а замерзли. Птицы улетели, солнце не греет. Если снег будет все прибавляться, — все наши олени погибнут. И быки, лошади, носороги тоже погибнут. Чем онкилоны будут питаться?

Путешественники слушали молча эти сетования; они знали причину преждевременных холодов и знали, что на улучшение нет надежды, пока не восстановятся подземные пути, дававшие котловине тепло. Но кто мот сказать, когда это случится? И чем они могли обнадежить Амундака?

Не получая ответа, последний поднялся и, подняв руку с угрожающим жестом, сказал:

— И все это сделали вы! Вы пришли к нам из страны снегов и холодов и принесли сюда холод и снег, потому что вам они приятны, вы любите жить на белой земле, белые люди! Холодом и снегом вы хотите погубить всех онкилонов, чтобы занять нашу землю. Чукчи вытеснили наших предков сюда, вы, могущественные белые колдуны, хотите погубить нас со всем!

Он круто повернулся и вышел из землянки. Путешественники обменялись встревоженными взглядами и, когда вождь удалился, Горюнов сказал:

— Теперь, я думаю, медлить уже нечего, нужно уходить завтра пораньше в путь; дует северный ветер, озера замерзли, тумана не будет, снег еще неглубок.

— Да, если он еще подвалит, нам без лыж трудно будет итти, — прибавил Костяков.

— И зимней одежды у нас здесь нет, все на складе, — заявил Ордин.

— Вы, как знаете, — решительно сказал Горохов, — а я останусь у онкилонов. Этот холод скоро пройдет и мы заживем попрежнему. А вы во льдах пропадете, не добравшись до Котельного.

Его стали убеждать, но он упорно твердил, что здесь лучше,

чем в Казачьем, жизнь сытая, спокойная, жена хорошая, землянка теплая, — нечего на судьбу роптать.

— А если вас, Никита, зарежут, как зарезали дикаря? Принесут в жертву богам, чтобы холод кончился? — спросил Горюнов.

— Пустяки говорите! Дикарь убежал. Онкилоны людей не режут. Если бы резали — давно бы нас всех прикончили, не стали бы разговаривать, как вот Амундак сейчас приходил. Просить будут нас, а не резать.

Воцарилось тягостное молчание.

Немного погодя Горохов поднялся и вышел, а через минуту вбежала Аннуир.

— Сейчас Амундак пришел от вас к себе и сказал нам: белым людям больше женщин не дадим. Пока они не прекратят холода и снега — вы, жены, живите у меня, туда не ходите, а то вам худо будет. А все мужчины и женщины закричали: «Давно бы так, пусть они поживут без жен, без молока, без лепешек». Я только попросила отпустить меня за моим одеялом. Он сказал: «Иди, но сейчас возвращайся назад!»

Аннуир взяла свое меховое одеяло и сказала Ордину на ухо:

— Ночью, когда там уснут, я приду к тебе, расскажу, что узнаю; дело кажется нехорошее.

Она убежала, оставив путешественников в угнетенном настроении.

— Да, завтра уходим чуть свет, — сказал Костяков. — Лишение жен и пищи очевидно первый шаг к цепи репрессий, ожидающих нас, чтобы заставить отменить раннюю зигму.

— И если мы будем медлить, то дождемся, что к нам поставят в землянку караул, и тогда уйти будет не так-то легко, — прибавил Горюнов.

— Пока Горохова нет, приготовим все к отходу, — заметил Ордин. — Но интересно, куда он пошел, не к Амундаку ли, выдать наши намерения?

Горохов и женщины в течение всего вечера не возвращались. Путешественники сами приготовили себе ужин, сварили чай, уложили котомки, затем долго еще сидели, обсуждая положение, наконец, легли спать. Горохов очевидно остался, ночевать у Амундака.

Среди ночи Ордин был разбужен Аннуир, быстро шмыгнувшись к нему под одеяло.

— Уходить нужно вам скорее, — сказала она шепотом. — Воины говорят: вот подземным духам принесли в жертву людоеда — они вернули воду в священное озеро; духам неба пожертвовали только оленя, они рассердились и прислали зиму. Нужно и им жертву получше. Не говорят, а я полагаю, — на вас думают.

— А Никита слышал это?

— Нет, это было раньше. При нем не говорили. Он пришел и стал говорить, что хочет онкилоном сделаться, от вас уйдет, будет с нами жить, он им не хочет беды делать. Так весь вечер рассказывал, как худо жить в вашей земле. Теперь онкилоны поняли, почему вы сюда пришли: хорошую землю для своего племени ищете. А Амнундак и скажи: «Значит, они соглядатаи! Но мы их отсюда не выпустим, а то они вернутся с большим отрядом воинов, воевать с нами начнут своими молниями, тут онкилонам конец будет!»

— А Никита не сказал, что мы завтра хотим уйти?

— Нет, не говорил. Он все только про себя рассказывал. И Амнундак похвалил его и на ночь жену ему вернул. Потом приказал, чтобы завтра позвали шамана, вечером моленье будет, на счет вас должно быть и снега.

— Ну, Аннуир, завтра мы чуть свет уйдем. А ты как, пойдешь со мной?

— Пойду куда хочешь, мой муж, если я там, в вашей земле, буду у тебя одной, первой женой, — ответила Аннуир, — прижимаясь к нему.

— Да, ты будешь у меня не первой, а только одной-единственной!

Они еще долго проговорили, а потом, увидев по часам, что рассвет близок, встали, разбудили товарищей и, наскоро позавтракав, едва начало светать, покинули свою уютную землянку навсегда. Горохову оставили записку с просьбой сообщить Амнундаку, что они пошли за своей теплой одеждой и вернутся через день. Если он хочет догнать их, то может это еще сделать, они будут ждать его двое суток на окраине котловины. Предупреждали его, что Земле Санникова грозит ужас-

ная зима и что здесь будет не лучше, чем в Казачьем. Писали, что он может притти позже с онкилонами и взять запасы мяса, заготовленного Никифоровым на зиму, так как им всего не увезти.

В землянке был оставлен костер, чтобы выходящий из нее дым до поры до времени показывал онкилонам, что она жилая; постели свои закрыли так, чтобы казалось, что в них спят люди; только Аннуир унесла с собой свою постель и всю одежду, какая у нее была.

Шел небольшой снег, который скоро мог скрыть их следы. Впрочем, погоню должен был предотвратить Горохов, во всяком случае до вечера. Ему оставили Пеструху, заперев ее в землянке.

Когда стало светло, они были уже в нескольких километрах от стойбища на соседней поляне, которую с трудом узнали. Как изменилось все за четыре месяца! Тогда была новизна впечатлений, чудесная новооткрытая земля, полная тайн, ожидавших раскрытия, весенняя природа, молодая зелень. Теперь — оголенные леса, занесенные снегом поляны; бегство от невежественного народа; впереди скучный, опасный и долгий путь на материк; отсутствие одного товарища, до сих пор делившего с ними все труды, а теперь изменившего; опасения за его судьбу; наконец, оставленные женщины, к которым успели привязаться. Только Ордин был веселее остальных — рядом с ним бодро шагала по снегу Аннуир, которая ради него бросила своих родных и привычные условия жизни, покидала родину и шла навстречу чуждому и страшному для нее новому миру, не оглядываясь с тоской назад.

К вечеру добрались до своей базы и очень обрадовали Никифорова, который давно не имел от них известий. У него все было в порядке, на зиму уже заготовлены большие запасы мяса и дров; собаки сыты и здоровы, не хватало только одной, задавленной на охоте медведем. Казак удивился решению немедленно уходить из этой благодатной земли.

— Пропали зря все мои труды! — сказал он с укором. — Для чего я старался, стрелял, возил, сушил, коптил? Для чего извел столько тварей? Для чего дрова готовил? Все останется одним медведям, будь они прокляты!

— Не горюйте, Капитон, не медведи, а люди съедят ваше мясо. Придет Горохов с онкилонами и заберет все к ним на стойбище.

— Как, а разве Никита не едет с нами домой? — воскликнул пораженный изумлением казак.

— Да, он решил остаться, полюбил тут женщины, говорит, что здесь лучше, чем в Казачьем

— Так и решил? Ах, он сволочь эта! В Казачьем ведь у него жена есть, правда, старая и злющая баба.

— А здесь молодая и добрая. Он тут вроде князя будет.

— А кто же это пришел с нами? Провожает, что ли? — спросил казак, указывая на Аннуир.

— Нет, это моя жена, идет с нами на материк, — ответил Ордин.

— Вот оно что! — протянул Никифоров, с любопытством оглядывая смущившуюся женщину, которая недостаточно знала по-русски, чтобы понимать быстрый разговор, но поняла, что говорят о ней.

— Значит, вместо Никиты с нами пойдет баба здешнего племени! Не знаю, как мы с собаками управимся; она Никиту не заменит, небось собачек не видывала даже, не то, что насторожить править. Эх, огорчение!

Долго еще Никифоров философствовал на эту тему у kostра, вокруг которого расположились путешественники. Любовь, с которой Аннуир справлялась с приготовлением ужина, несколько примирila его с этой заменой, и он в конце вечера сказал даже:

— А женка у вас славная, работящая, Семен Петрович. И сильно любит вас, если решилась от своих в чужие края за море ити. А ваши, видно, не пожелали? — обратился он к остальным двум.

— Да, не пожелали, — ответил Горюнов и вкратце разъяснил Никифорову, как сложились обстоятельства, заставившие их спешно уходить из этой интересной земли.

— Весной мы сюда вернемся, — закончил он, — если все будет благополучно.

Никифоров рассказал за ужином, что немедленно уходить из котловины нельзя, так как сугроб за лето порядочно пони-

вился и уже не доходит до гребня обрыва, а только до верхнего уступа, над которым приходилось еще метров пятнадцать карабкаться по скалам. Для подъема нарт и груза необходимо было расчистить путь, сделать ступени. Сугроб также требовал подготовки: он сильно обледенел с поверхности, и нужно было вырубить по всей длине ступени.

— За день со всем этим однако не справимся, — закончил он.

— У нас есть два дня, — сказал Горюнов. — Мы обещали Никите ждать его двое суток. Авось он раздумает и придет.

32

НАВОДНЕНИЕ

Переночевав в палатке казака, все еще стоявшей в ледяном гроте, значительно увеличившемся за лето вследствие таяния, путешественник с утра принялись за прорубку ступеней вдоль гребня сугроба.

Все пятеро работали усердно и перед вечером очутились на площадке уступа. Она имела от четырех до десяти метров ширины и тянулась в обе стороны от сугроба метров на сто, далее же быстро суживалась, оставляя место только для прохода каменного барана. Над ней поднималась стена, имевшая в самом низком месте метров десять вышины; она не везде была отвесна, а спадала на отдельные высокие и низкие уступы, по которым опытный альпинист мог бы взобраться наверх. Но для собак и для подъема груза уступы были слишком высоки и нужно было сделать промежуточные, что при сложности базальтовой лавы не представляло непреодолимой задачи. Работы во всяком случае хватало на день.

Осмотрев площадку, Горюнов сказал:

— Как вы думаете, не поднять ли нам весь груз и нарты сегодня же сюда?

— А зачем это? — спросил Костяков. — Внизу ночевать удобнее; здесь можно спросонок и свалиться с обрыва.

— Ночевать мы можем внизу, но всю тяжесть лучше поднять сегодня и вот почему. Сегодня вечером мы должны бы

вернуться на стойбище, что, согласно нашей записке, Горохов должен был сказать Амнуундаку. Последний, видя, что нас нет, может послать вечером же погоню, онкилоны дорогу знают. Погоня придет сюда завтра рано утром и если весь груз будет еще внизу, нас захватят — стрелять в онкилонов мы пожалуй не решимся. Если же груз будет уже наверху, мы сами быстро поднимемся и можем разрушить дорогу по сугробу, т. е. будем в безопасности. Смотрите, срубить верхнюю узеньку часть гребня на протяжении десятка метров — недолго, и тогда никто не решится лезть сюда.

— Пожалуй вы правы! — согласился Костяков.

— Ну, а как же собаки? — спросил Никифоров, — Им на площадке будет тесно.

— Они тоже могут ночевать внизу в своих гротах. Им не долго вбежать порожняком наверх.

Приняв это решение, приступили к подъему груза, пользуясь остатком дня. Это оказалось не так легко. Поднимать сильно груженые нарты по крутым уклонам, несмотря на выбитленные ступени, собаки сразу не могли, и пришлось сделать это в несколько приемов. Поэтому провозились до темноты, но в конце концов весь груз, запасы мяса, дров и нарты были сложены на площадке; внизу остались только спальные мешки и посуда для ужина и чая.

Обилие дров, заготовленных на зиму, позволяло не скучнуться ночью на костры, чтобы отогнать медведей. По словам Никифорова, они посещали его за лето не раз, и только грот спасал его от объятий косолапых, а мясо, которое привлекало хищников, от разграбления.

Благодаря бдительности Белухи, он своевременно просыпался и, притаившись среди льдин входа в грот, стрелял в ночных гостей, пытавшегося разворотить ледяные глыбы, закрывавшие мясной склад.

За ужином он рассказал также, что во время двух землетрясений ему было очень страшно; он выбегал из грота, опасаясь, что свод рухнет. С обрывов по соседству камни сыпались, «словно град», и в земле образовались трещины.

Утомленные работой путешественники рано легли спать в промежутке между четырьмя кострами и заснули крепко под

охраной Крота и Белухи. Но около полуночи их разбудил сильный подземный удар. Приподнявшись в испуге, они стали прислушиваться; из-под земли доносился явственный гул, словно там по неровной мостовой катились тяжелые возы; к нему очень скоро присоединился доносившийся уже по воздуху грохот, то близкий, то далекий, от падения глыб, срывающихся с обрывов окраин; земля под лежавшими дрожала. Но все эти звуки скоро покрылись неистовым воем собак, запертых в ледяных гротах.

Так как путешественники лежали под открытым небом и достаточно далеко от подножия обрыва, то бежать куда-нибудь им не приходилось, и они продолжали полулежать на спальных мешках в понятной тревоге.

Скоро последовал еще один удар, более сильный; лежавшие почувствовали, как их слегка подбросило вверх; пламя догоравших костров подпрыгивало, головешки и угли рассыпались в стороны. Где-то по близости, что-то грохнуло и Горюнов, лежавший против входа в грот, в котором стояла недавно палатка и в котором провели прошлую ночь, увидел, что из свода вывалилось несколько крупных ледяных глыб.

— Наше счастье, что мы ночуем здесь, а не в гроте! — воскликнул он, — сейчас нас бы там придавило!

— А не может ли придавить и собак в их убежищах? — встревожился Ордин.

— Едва ли! Их гроты небольшие и расположены в самой высокой и толстой части сугроба.

— Если их выпустить, — они разбегутся, — заявил Никифоров, — привязать их не к чему, нарытые наверху. Пусть сидят.

Но еще несколько сильных ударов, последовавших один за другим, заставили путешественников переменить свое решение. Собаки подняли такой отчаянный бой, очевидно предчувствуя опасность, что Никифоров с топором в руках, пошатываясь, словно на палубе корабля во время качки, побежал к гротам, выворотил ледяные глыбы, которыми закрывал вход, и выпустил животных. Последние вырвались на свободу, словно ошалелые, прыгая друг через друга, но сейчас же перестали выть и, отбежав только несколько шагов, сбились в кучу и, помахивая хвостами, смотрели на своего каюра. Никифоров принес

потяги, привязал к ним собак и развел все три упряжки в разные места, недалеко от костров, уложив их на землю. Потом он заглянул во все три грота и, вернувшись на свое место, сказал:

— Пёсики не даром обеспокоились, лед треснул над их головами, руку можно просунуть в щель. Того и гляди глыба вывалится.

— Ну, в эту ночь все землянки онкилонов наверно опять обрушились, — сказал Горюнов

— Теперь они припишут это новое бедствие нашему уходу, — заметил Костяков.

— Или тому, что один из нас остался у них, — прибавил Ордин. — И Горохову трудно будет уйти, если он теперь захочет.

Аннуир слушала молча, но со слезами на глазах. Новое бедствие постигло ее род и все ее племя, и хотя она от него ушла, но его несчастия глубоко огорчали ее.

— Но может быть это землетрясение к лучшему, — постарался утешить ее Ордин. — Если оно восстановит подземные пути горячей воды и паров, то вернется тепло, и жизнь онкилонов пойдет попрежнему, а землянки нетрудно восстановить.

Аннуир уже знала, почему наступили ранние холода, и предположение Ордина успокоило ее; она благодарно взглянула ей в глаза и потихоньку погладила его руку.

— И почему бы им не строить жилища так, как было построено наше? Оно наверно не завалилось, — сказала она на конец.

— Может быть после нашего ухода они и начнут делать это. «Колдуны» ушли, а их жилище стоит и не валится, — заметил Горюнов.

— А не начнется ли теперь в северной части извержение? — предположил Костяков.

Все невольно взглянули на север. Но небо, покрытое густыми тучами, было черно и нигде не видно было красноватого отблеска, который мог бы служить указанием, что где-нибудь выступила на поверхность лава.

Удары времени от времени повторялись, но гораздо слабее и наконец усталость взяла свое — все задремали.

Но сон был тревожный и то один, то другой просыпался, приподнимался на своем ложе и озирался в испуге, а затем, убедившись, что все спокойно, сугробы не валятся, костры горят, опять опускал голову. Никифоров иногда вставал и подбрасывал дрова в костры. Так проходили часы этой жуткой ночи.

Но вот на востоке тучи посветлели, затем подернулись красноватым отблеском лучей невидимого еще солнца. На фоне туч слабо вырисовались гребень и вершины ближайшей части стены и забелели на них полосы снега. На севере выступили очертания полосы леса; сугробы словно выросли и побелели, свет костров потускнел. Предрассветный холод разбудил дремавших.

— Не пора ли варить чай, пока станет светло? — предложил Горюнов. — А потом наверх, за работу, пока не явилась погоня.

— И то правда! — сказал Никифоров, вскакивая. — Уходить, так уходить во-время!

— Но если восстановилась грелка Земли Санникова, то может быть и уходить ненужно? — подумал вслух Ордин.

— А вот за день увидим; если станет тепло и снег сойдет — ваше предположение окажется правильным. Но путь для ухода проложить нужно, — решил Горюнов.

Стало еще светлее. Разорвавшиеся тучи окрасились на востоке пышными красками. На севере черная полоса леса видна была уже резко. Обрывы котловины тянулись в обе стороны черной стеной и казались такими же, как всегда, хотя за ночь с них свалилось немало глыб.

Никифоров, поправив костер, взял чайник и пошел к концу сугроба, из которого сочился ручеек, собиравшийся в маленький бассейн, устроенный для черпания воды. Тотчас же оттуда послышался испуганный возглас казака:

— Батюшки, вода, вода везде!

Все бросились к нему мимо костров, огни и дым которых мешали видеть ближайшую полосу земли. Подбежали и замерли в изумлении. Там, где на сотню метров от конца сугробов прежде тянулась мелкая каменная россыпь, накануне сплошь покрытая снегом, теперь расстилалась гладкая поверх-

ность мутной воды, которая уходила до опушки кустов, тоже залитых водой. Это новое озеро, возникшее за ночь, тянулось в обе стороны насколько хватал взор, казалось, до подножия обрывов, и только южный угол котловины, где были сугробы, не был затоплен. Ручеек из-под сугроба, шагах в десяти от его конца, впадал, тихо журча, в это озеро, отрезавшее путешественников от остальной котловины.

— Вот те на, вместо лавы вода после землетрясения! — нарушил молчание Костяков.

— Но смотрите: вода как будто подбирается к нам! — воскликнул Ордин. — Она прибывает.

Все подошли к берегу и увидели, что вода подвигается вперед; на их глазах снег, устилавший землю, напитывался водой, оседал, расползался и вода, наполненная таявшими комьями, занимала его место.

— Ну, товарищи, мешкать нечего! — воскликнул Горюнов. — Забираем вещи и ай-да наверх. Через полчаса нашу стоянку затопит.

— Но дальше хода нам еще нет! — возразил Костяков, — мы попадем в западню.

— Неужели вы боитесь, что и уступ затопит? Пока это случится, мы успеем расчистить путь дальше, ведь уступ поднят метров на сто над дном котловины.

— Как хорошо, что вчера завезли груз наверх! Теперь бы не успели, — заметил Ордин.

Вернувшись к кострам, быстро собрали вещи и подняли их на поверхность сугроба. Потом взяли из склада, которому тожегрозило затопление, порядочный запас мяса на всякий случай, навалили вдоль лестницы по сугробу побольше дров — все это можно было постепенно поднимать наверх. Последние поленья несли уже по воде, которая дошла до конца сугроба.

— Ну, поведем теперь собак! — сказал Никифоров.

Собаки уже беспокоились и порывались вскарабкаться вверх по крутому боку сугроба, но скользили, падали и выли. Никифоров, Ордин и Костяков взяли по одной упряжке и погнали их по лестнице наверх, Горюнов и Аннуир шли впереди с частью вещей. Добравшись до верха они остановились в изумлении. Накануне еще поверхность снега была почти на одном

урочне с площадкой уступа; теперь их разделял обрыв, вышиной почти в метр. Очевидно, вследствие землетрясения или весь сугроб расползся и осел, или дно котловины опустилось. Приходилось карабкаться. Первая упряжка собак остановилась перед этим обрывом и стала вить. Пришлось брать каждую собаку порознь в руки и подсаживать ее наверх. На площадке собаки начали резвиться, подбираться к сложенному на нарте мясу, и Никифорову стоило много труда переловить их и привязать к потягам в одном углу. Остальные мужчины спустились вниз за кладью, оставленной в начале сугроба, а Аннуир занялась приготовлением чая; площадка была покрыта чистым свежим снегом, дававшим запас воды.

Когда все вещи были доставлены наверх, путешественники в ожидании завтрака имели время осмотреться. С высоты уступа видна была значительная часть котловины; насколько хватал глаз — везде стояла вода, все поляны превратились в озера, а леса тянулись между ними черными островами и перешейками. Под лучами проглянувшего солнца повсюду серебрилась вода, и картина не представляла ничего ужасного, даже наоборот: в черной раме отвесных обрывов, опоясанных белыми лентами уступов и увенчанных снеговыми вершинами, расстипалось огромное озеро с сетью темных островов и полуостровов.

Но при мысли, что на месте этого озера накануне еще жило целое племя людей и многочисленные четвероногие, становилось жутко. Неужели все они уже утонули? Люди могли еще найти временное убежище на деревьях, но надолго ли? Если вода будет еще прибывать, — их затопит рано или поздно; но даже если она не поднимется, то люди все равно погибнут от голода и холода. А животным и деваться было некуда, отвесные стены окраин доступны только птицам и каменным баранам. Земля Санникова превратилась в гигантскую западню, из которой не было спасения.

Эти мысли бродили в уме наблюдателей на уступе, и при помощи бинокля они тщательно осмотрели даль в надежде разглядеть где-нибудь укрывшихся на деревьях людей. Вблизи их не было, а вдали полосы леса уже закрывали друг друга, да и расстояние было слишком велико.

— Знаете что? — воскликнул Ордин, — ведь у нас есть бай-

дара! Спустим ее на воду и поедем спасать Горохова и кого можно из онкилонов.

Едва он успел сказать это, как сзади его шею обвила мягкая рука и Аннуир прижалась щекой к его щеке и шепнула:

— Да, да, поезжайте спасать наших, теперь они вам ничего не сделают худого.

— Но как мы проберемся на байдаре через леса? — спросил Костяков.

— Во-первых всюду есть звериные тропы, теперь превращенные в каналы, а затем, смотрите: вдоль окраин, где была каменная россыпь, теперь широкая полоса чистой воды, — сказал Горюнов.

Наскоро позавтракали, затем сняли с нарт байдару, соединили две ее половины, сложили в нее руль, багор, весла, кучу копченого мяса, бутылку спирта, немного сухарей из своего скучного запаса, веревку, топор.

— Ехать всем, конечно, не к чему! — сказал Горюнов, — достаточно двоих, иначе мы мало кого спасем. Один на руль, другой на весла, будем меняться. Кто хочет ехать?

Никифоров нужен был для присмотра за собаками, Аннуир не умела грести, выбирать приходилось только из троих. Решили оставить еще Костякова.

— Остающимся тоже есть работа, — заявил Ордин, — вы должны за день проложить ступени с уступа наверх через скалы.

С помощью веревок спустили байдару по гребню сугроба на воду, глубина которой была уже около метра. Горюнов сел на руль, Ордин на весла, и легкое судно полетело по мутным водам, покрывшим Землю Санникова.

33

ПЛАВАНИЕ ПО ЗЕМЛЕ

Легкая, быстроходная, мало загруженная байдара могла развеять скорость до десяти километров в час, так что часа через три можно было добраться до стойбища Амнундака. Поехали по чистой воде окраины котловины, но придерживаясь опушек

леса, а не подножия обрыва, так как здесь легко было напороться с разбега на подводный камень и пробить тонкое дно. Быстро скользила байдара по мутной воде, по которой плавали в изобилии сухие листья, стебли, мертвые насекомые — весь многолетний сор, который покрывал почву и теперь всплыл наверх и замутил воду. Время от времени Горюнов мерил багром глубину воды — она оказывалась больше метра. Из этого следовало, что и более крупные четвероногие могли уже погибнуть, если не успели спастись в те части котловины, где воды было меньше или где ее вовсе не было — предполагая, что такие части были. Этот вопрос очень занимал путников.

— Я все ломаю себе голову, откуда пришла такая масса воды? — сказал Ордин. — Неужели временно задержанный подземный приток теперь сказался этим наводнением?

— А не проникла ли в котловину вода из моря? Море ведь близко, а сообщение в виде жерла священного озера есть, — предположил Горюнов

— Тогда вода должна быть соленая, попробуйте-ка.

Горюнов зачерпнул воды, глотнул и выплюнул.

— Вода горько-соленая, — сказал он, — но не такая, как в море.

— Это понятно, она смешалась здесь с водой озер и поглотила много снега. Но теперь ясно, что все дно котловины опустилось, если вода из моря могла проникнуть сюда

— Но в таком случае она не может подняться высоко, пожалуй достигла уже высшего уровня?

— Это зависит от того, насколько дно котловины опустилось и от соотношения диаметра жерла к площади котловины; жерло ведь узкое, котловина огромная, нужно много времени, чтобы вода поднялась здесь до уровня моря. А насколько опустилось дно — мы не знаем. Трудно думать, что дно осело сплошной массой, как лепешка; скорее всего оно разбилось на полосы, которые могли опуститься на разную величину.

— Следовательно некоторые полосы могли остаться на месте, и на них спаслись люди и животные?

— Будем надеяться, что случилось именно так, это было бы счастьем для населения Земли Санникова.

Байдара скользила сквозь каймы кустов, затопленных до

вершины; справа они, повышаясь, переходили в лес; слева расстилалась гладкая поверхность воды до подножия обрывов, где местами над ней островками торчали более крупные глыбы. На уступах обрыва местами видны были каменные бараны, которые или стояли спокойно, глядя вниз на воду, или метались взад и вперед. Этим животным грозила голодная смерть, потому что их корм — моховица и трава — был затоплен, а на уступах почти ничего не росло. На глыбах, торчавших из воды, видны

Глыба среди воды с зайцем, пищухами, крысами, мышами

были спасшиеся мелкие животные — пищухи, населявшие каменные россыпи, крысы, мыши; иногда среди них великаниом возвышался заяц. Тесно прижавшись друг к другу, эти зверьки сидели в ожидании голодной смерти. Вблизи одной глыбы путники были свидетелями, как с высоты камнем упал орел, подхватил зайца и понес его вверх, причем часть приютившихся мелких животных с перепуга попадали в воду. Другие хищники также кружились в воздухе, выискивая легкую добычу на глыбах. Но надолго ли хватит ее, а потом и им грозит голодная смерть! На крупной глыбе заметили струившихся волков и лисиц; одни лежали, другие стояли, провожая глазами проплывавших мимо людей.

Через два часа показалось характерное место священного озера, которое можно было узнать только по той выемке в обрыве в виде полуколодца, которая окружала его с двух сторон. Приближаясь к нему, Горюнов, сидевший теперь на веслах, заметил, что стало труднее грести. Остановив байдару, убедились, что навстречу идет заметное течение, и вода оказалась более горько-соленой и чистой. У самого озера течение еще усилилось и над прежним жерлом вода поднималась плоским бугром.

Дерево с куницами, мышами, крысами, бурундуками среди воды

— Видите, приток еще есть и достаточно сильный, — сказал Ордин.

Он опустил багор в воду и едва достал дно; а багор имел три метра в длину.

— Не видно даже жертвенной плиты, — заметил Горюнов, — а она возвышалась метра на два над уровнем озера.

Проплыв еще некоторое время вдоль окраины, путники заметили узкую полосу чистой воды, уходившую в глубь леса в нужном направлении, и направились по ней. Скоро канал

сузился и байдара пошла между деревьями. Странно было видеть этот затопленный лес; оголенные лиственные деревья, зеленые ели и пихты поднимались прямо из воды, покрытой листвами, ветвями и всяkim мусором; попадались мертвые птички и мелкие животные. На ветвях деревьев местами перепархивали птички с жалобным чириканьем; приютившись на развалинах сучьев, сидели мыши, крысы, хорьки, ласки, куницы — хищники рядом с грызунами, на которых они обыкновенно охотились. Солнце, часто прорываясь сквозь тучи, освещало эту необычайную и жуткую картину.

По лесу пришлось плыть осторожно, чтобы не наткнуться на какую-нибудь корягу или острый сук. Но вот впереди стало светлее и показалась открытая вода на месте поляны. Выехав на нее, путники стали осматриваться, та ли это, где было стойбище. Очертания леса казались незнакомыми. Вдруг их внимание привлекло вздутие воды среди этого озера недалеко от них. Вода поднялась бугром, из которого вырвался клуб паров.

— Это не та поляна, где мы жили! — воскликнул Горюнов, — на той озеро не пузырилось.

— И я думаю, что не та, а соседняя к югу, — сказал Ордин. — Но теперь ясно, что топит не только море, но и восстановившийся подземный приток.

— А здесь вода должна быть пресная, — прибавил он, и желая напиться, погрузил руку.

— Почти пресная и достаточно горячая! — заметил он, кое-как утолив жажду.

— Ну, нашей байдаре плаванье по горячей воде вовсе не полезно! — сказал Горюнов, — ее замазка и пропитка может пострадать. Нужно держаться подальше от пузырей.

Направились на север по узкому каналу и вскоре выплыли на поляну, на которой было стойбище; ее узнали по разрезенному порубками лесу.

— А вот и наша землянка! — воскликнул Ордин.

На противоположном краю озера над водой едва возвышалась высшая центральная часть землянки; на ней лежали еще остатки ставшего снега и пласт коры, которым на ночь закрывали часть дымового отверстия. Подплыли к ней; Ордин влез на этот островок и, наклонившись к отверстию, вскричал:

— Сколько здесь добра всплыло!

Он вытащил меховое одеяло, несколько женских курток с панталонами, подушку, деревянную чашку, черные головни. Все это всплыло вверх в пестрой смеси и пропитанное водой.

— Подушку и одеяло захватим, пригодится для Аннуир, — сказал он, — только нужно их выжать.

Выжав вещи, Ордин вернулся в байдару; поплыли к месту, где была землянка вождя. Здесь над водой виднелись только четыре центральных столба с частью крыши. Багром нащупали под водой кучу земли и придавленные ею бревна

— Но нигде ни признака людей! Мы можем не видеть их среди деревьев, но они-то должны были заметить нас и закричать! — сказал Горюнов. — Давайте покричим сами!

Стали звать Амунундака, Никиту, женщин, имена которых знали. Но никто не откликался. Мертвая тишина царила кругом.

— Не могли же все утонуть! Кто-нибудь спасся бы на дерево, на крышу нашей землянки, — сказал Ордин.

— Очевидно, успели уйти отсюда; нужно искать их дальше; может быть вода прибывала так медленно, что они могли спокойно отходить, — предположил Горюнов.

— Не совсем похоже на это, — возразил Ордин. — Если бы уходили не торопясь, не оставили бы одежду и одеяло, вещи самые нужные ввиду зимы.

Поплыли дальше по каналу, который вел к следующему стойбищу, отстоявшему километра на два. На поляне увидели землянку, правда полуразвалившуюся, но поднимавшуюся еще на половину своей высоты над водой. Горюнов смерил глубину, оказалось метра полтора.

— Ну, здесь уже люди утонуть не могли, — воскликнул он, — очевидно, эта часть котловины погрузилась меньше.

Подъехав к землянке, заглянули через развалившийся бок внутрь; на воде плавали только мелкие предметы, головни, сор, но одежды не было видно.

— Здешние обитатели успели все ценное унести, — сказал Ордин.

Осмотрели ближайшие деревья, опять покричали — им отвело только карканье стаи ворон, сгрудившейся на нескольких деревьях, вероятно в ожидании спада воды.

Обследовали еще две следующие поляны со стойбищами; землянки были разрушены или полуразрушены, но людей нигде не было; глубина воды уменьшилась уже до метра и меньше; местами байдара натыкалась в каналах на стволы упавших деревьев, и приходилось плыть осторожно.

— Я думаю, что мы можем прекратить наши поиски, — сказал Горюнов. — Все онкилоны спаслись, успели отступить в северную часть котловины, очевидно не погрузившуюся. Следовательно подавать помощь некому, а если мы подъедем к сухой местности и встретим там онкилонов, то можем попасть в неприятное положение.

— А может быть дальше глубина опять начнет увеличиваться и мы там найдем людей, застигнутых водой во время бегства и нуждающихся в помощи, — предположил Ордин. — Доведем поиски до конца, чтобы совесть не упрекала нас.

Горюнов уступил; поплыли дальше. Но на следующей поляне байдара стала местами садиться на мель, и из воды выдавались стебли травы, камышей, тростника вокруг прежнего озерка. В канале за поляной глубина была всего в полметра и меньше, а впереди видно было, что он еле покрыт водой.

— На следующей поляне можем наткнуться на онкилонов, — заявил Горюнов.

— Ваша правда, вот виден даже дым костров над лесом, а это доказывает, что они на сухом месте, — подтвердил Ордин, — Пожалуй услышим и голоса.

Он перестал грести и прислушался; с той стороны, откуда поднимались дымы, действительно по временам доносились человеческие голоса.

— В результате землетрясения и наводнения онкилоны переселились в северную половину котловины, где будут продолжать свой прежний образ жизни, — сказал Горюнов.

— А так как грелка восстановилась, судя по двум пузыряющимся озерам, которые мы видели, — прибавил Ордин, — то нам беспокоиться об их судьбе нечего.

— Но вернуться к ним и, в случае каких-либо бедствий, опять подвергнуться позорениям и риску сделаться пленниками — будет неблагоразумно

— Если море будет слишком открыто и не позволит нам пе-

реправиться, мы можем вернуться на уступ и дожидаться там холодов, имея вблизи топливо и корм для собак, но вдали от онкилонов, отделенные от них водой. Только вот Горохова оставляем на произвол судьбы; теперь он пожалуй переменил свое решение.

— Горохов может быть уже на уступе, — возразил Горюнов. — Если наводнение поколебало его мнение о хорошей жизни здесь, он мог воспользоваться берестянкой и в суматохе поплыть к нам один или с женой. Он знает, где берестянка спрятана на озере, так как часто пользовался ею для рыбной ловли. До завтрашнего утра мы его будем ждать, как было условлено.

Во время этого разговора отдохнули и поплыли обратно: но для ускорения выбрались опять на окраину котловины, чтобы не путаться по полянам и каналам. Тем не менее обратный путь занял четыре часа. Проплывая мимо бывшего священного озера; убедились, что приток воды из жерла еще продолжался, но очень слабо; очевидно, уровень почти выровнялся. Глубина в этом месте была более трех метров, багор не доставал дна. Возле сугроба во время их отсутствия вода сильно прибыла, и глубина была здесь больше двух метров.

Оставшиеся на уступе встретили товарищей у начала ледяной лестницы, чтобы помочь им высаживать спасенных.

— Вы никого не привезли? — воскликнул Костяков с удивлением.

— Только зря прокатились? — прибавил Никифоров.

— Все, все утонули? — прошептала Аннуир, побледнев.

Ордин конечно успокоил ее.

— Вот единственные утопленники, которых мы нашли, — пошутил Горюнов, вытаскивая из байдары женские костюмы и передавая их Аннуир.

Соединенными силами втащили байдару наверх; с подъемом ее на уступ пришлось возиться, так как за день обрыв над сугробом увеличился до двух с половиной метров, потому ли что сугроб, омываемый водой, стал расплзаться или потому, что дно котловины продолжало медленно опускаться. Для более удобного сообщения казак устроил уже лестницу из ледяных глыб.

За обедом рассказали друг другу события дня. Троє оставшихся проложили тропу-лестницу на обрыв над уступом и побывали уже наверху, видели довольно близко открытое море. У них было и приключение. Вскоре после отъезда товарищей на сугроб с лестницей вылезли из воды два огромные медведя и стали подниматься наверх, очевидно рассчитывая спасаться от наводнения вместе с людьми на уступе. Такое соседство конечно был очень нежелательно и пришлось встретить косолапых выстрелами; один упал на сугробе и скатился в воду, второго убили уже на уступе. Запас свежего мяса на дорогу оказался очень кстати.

В одеяле и женской одежде, выловленной Ордinem из их землянки, Аннуир признала вещи Аннуэн и по праву второй жены вступила во владение ими.

34

КАТАСТРОФА

Перед закатом солнца Горюнов и Ордин поднялись на обрыв посмотреть, что делается вне котловины, стены которой снесли их кругозор в течение всего лета. Покрытый сплошь снегами — словно лета и не бывало — южный склон Земли Санникова спускался полого к морю, все еще скованному льдами километров на пять от подножия. Но дальше видно было широкое, до южного горизонта, пространство открытой воды, по которой плавали льдины и целые ледяные поля. Для переезда в байдаре это море было слишком широко; байдара не могла вместить всех людей, груз и собак. Приходилось или ждать пока осенние морозы скуют море и сузят открытую воду или ити на восток в надежде, что там льды тянутся дальше на юг, а с другой стороны держатся вблизи острова Котельного, и дадут возможность совершил переправу в два приема.

— Мы теперь словно потерпевшие кораблекрушение на острове, — сказал Ордин, — сзади вода, спереди вода, а в середине огонь да беда, кажется так говорится в сказке.

— Ну, пока еще огня нет, но воды и беды достаточно, — ответил Горюнов. — Оглянитесь назад.

Земля Санникова действительно имела вид огромного озера. В бинокль можно было различить фонтаны гейзеров, бивших в нескольких местах средней части котловины. Накануне еще в это время перед глазами лежали покрытые зимним саваном поляны и леса; теперь снег был заменен водой, а теплый ветер, тянувший с севера, показывал, что грелка земли восстановилась.

— Лучшая часть земли все-таки погибла, — сказал Ордин, — и все население ее, двуногое и четвероногое, сгрудилось в северной части, половина которой бесплодна.

— Да, им будет там тесно, особенно людям, — прибавил Горюнов. — Онкилоны наверно начнут теперь войну с дикарями до полного истребления последних, чтобы не иметь таких опасных и близких соседей.

— И наши громы и молнии очень пригодились бы им теперь. Они пожалеют, что дали нам удрать.

— Ну, у Горохова осталось еще ружье.

— Вот что! Теперь я вспомнил, что мы забыли в землянке наше запасное ружье, которое хотели оставить Амнундаку при расставании. Горохов может его поднести теперь в качестве подарка, чтобы задобрить онкилонов.

Когда солнце, спустившись к горизонту, скрылось кроваво-красное в полосе тумана нависшего вдали над морем, наблюдатели вернулись на площадку и долго еще сидели у костра. Всем было грустно; они полюбили Землю Санникова и проводили теперь последний вечер в ее пределах. Поневоле вспоминался тот вечер, когда они впервые увидели эту таинственную землю с высоты окраинных гор, слышали доносившиеся снизу звуки, гадали о том, что предстоит им увидеть. Видели они гораздо больше, чем ожидали, открыли много чудесного, нашли целый своеобразный мирок вымерших животных и первобытных людей, замкнутый в этой странной теплой котловине среди полярных льдов. Результаты экспедиции были огромны, все участники целы и невредимы, но вместо радости и удовлетворения они испытывали тревогу, объяснимую разве только событиями последних дней, грозившими этой чудесной земле и ее населению преждевременной гибелью.

Ночь была довольно теплая и, жалея дрова, не оставили на ночь костра, чувствуя себя в безопасности на этом высоком

уступе, куда не могли забраться незаметно ни хищники, ни дикиари, ни онкilonы, отрезанные огромной площадью воды. Еще днем одна нарта было совершенно уложена, покрыта шкурами и завязана; она содержала все результаты экспедиций — коллекции естественноисторические, и этнографические, фотографии, дневники; она была не тяжела, но объемиста, и стояла поодаль от других, недалеко от края уступа; возле нее улегся Костяков, чтобы оградить от покушений собак свежее мясо, разложенное на ней на ночь. Остальные две партии, загруженные только отчасти, стояли ближе к собакам, поперек площадки и возле них в своих спальных мешках улеглись остальные.

Горюнов проснулся уже за полночь от легкого толчка в бок. Ему показалось, что его будят, он открыл глаза, увидел, что никого нет, и хотел опять задремать, когда его ухо уловило как будто отдаленный гром.

— Ну, дождь для нас теперь совсем некстати, палатку на голом камне не укрепишь! — подумал он, подняв голову, и осмотрелся. Небо было чистое, луна поднялась высоко и освещала всю котловину. Он опустил голову и теперь явственно рассыпал глухой гул под собой.

— Неужели подземная катастрофа еще не кончилась? — подумал он. — Днем все было тихо, казалось, что землетрясение окончилось оседанием дна котловины и прорывом воды. Или это была только прелюдия?

Резкий удар подбросил его на ложе и прервал его мысли.

— Олять трясет! — послышался сонный голос Ордина.

Горюнов присел на мешке и стал смотреть на озеро, вид которого сильно изменился; вода, встревоженная подземным ударом, поднялась волнами, которые разбегались кругами, пенясь и опрокидываясь; склоны волн, обращенные к луне, сверкали длинными дугами, словно блестящая текущая ртуть. Слышался шум прибоя вдоль обрывов и всплески валившихся сверху глыб.

Еще несколько сильных ударов последовали один за другим. И вдруг Горюнов услышал резкий треск, словно выстрел, раздавшийся рядом с ним, и увидел, каменея от ужаса, не будучи в состоянии двинуть ни одним членом, как в нескольких шагах от него раскрылась черная щель и часть площадки уступа, на

которой лежал Костяков возле нарты, слегка наклонилась, потом быстро повернулась круче и рухнула вниз. Отчаянный крик смешался с плеском воды, грохотом ломавшихся друг о друга глыб; столб пыли взвился в воздухе. Все это было делом нескольких секунд. Еще некоторое время слышен был постепенно замирающий плеск воды, поднятый падением огромной массы.

Горюнов с трудом, дрожа всем телом, вылез из мешка. Голос отказывался ему служить, только дрожащие звуки вылетали из горла. В двух шагах от него чернела свежая ломаная линия отрыва и на месте восточной части площадки зияла черная бездна. Он подполз к краю и глянул вниз — среди волнующейся еще воды чернела масса глыб обвала; на сугробе с лестницей зияла широкая брешь, очевидно выбитая одной из глыб, отскочившей в сторону.

— Что такое, что случилось? — раздался голос Ордина, который спал так крепко, что только треск и грохот обвала привели его в чувство.

— Об... об... обвал... Костяков... нарта... свалились, — с трудом проговорил Горюнов, продолжая глядеть вниз.

Эта страшная весть сразу подняла Ордина на ноги.

— Так нужно же искать, помочь, вытащить! Скорее! — вскричал он, освобождаясь из мешка. — Эй, Никифоров, вставай, сюда! Где байдара?

— Невозможно! — сказал Горюнов с отчаянием в голосе. — Спустить байдару нельзя, сугроб снесен обвалом. А Костякова придавило.

— Да откуда вы знаете?

— Он в мешке и нарта соскользнули вниз, как только площадка наклонилась, и упали в воду раньше, чем вся масса рухнула; обвал упал прямо на них.

Ордин подошел к краю обрыва и стал смотреть вниз.

— Ничего невидно, кроме воды и глыб обвала. Костяков в спальном мешке всплыл бы наверх, как пузырь, если бы его не придавило.

— Какой ужас! — простонал Ордин. — На глазах погиб человек и ничем помочь нельзя!

Один взгляд на сугроб показал ему, что спуск без долгой

подготовительной работы невозможен; в требне зияла брешь метров в пятнадцать ширины и десять глубины.

— Нельзя ли спуститься на веревке прямо с обрыва к воде? — предложил он.

— Достаточно прочных веревок у нас наберется едва на половину высоты; ведь здесь больше восьмидесяти метров, — ответил Горюнов.

— И не удержать нам вдвоем одного человека столько времени, — прибавил подошедший Никифоров.

— Но ведь кроме Костякова погибли все результаты нашей экспедиции! — вскричал Ордин.

— Да, погибли... — согласился Горюнов безнадежным тоном.

— Нужно хоть осветить место обвала, оно в тени и плохо видно, может быть Костякова отбросило в сторону и он лежит без сознания!

Никифоров принес из запаса дров большой пук хвороста, обвязал его куском веревки, поджог и, нацепив на багор от байдары, протянул над бездной. Ордин и Горюнов прилегли на краю, чтобы свет не падал им в глаза, и стали всматриваться вглубь. Хворост быстро разгорелся и осветил место обвала. Там, в промежутке между сугробом с лестницей и соседним, более низким, видна была только мутная, еще волнавшаяся вода и поднимавшаяся из нее куча нагроможденных друг на друга базальтовых глыб. Ни на них, ни на воде никаких признаков человека, обломков наряты, вещей. Обвал склонил все под собой. Веревка у крюка перегорела и пылающий пук полетел вниз, упал на кучу глыб и на несколько минут, догорая, осветил еще лучше все место, но ничего нового не показал.

Новый подземный удар заставил лежавших вскочить на ноги; на их глазах от края обрыва отделились еще несколько небольших глыб и рухнули вниз.

— Отодвинем наряды подальше отсюда! — распорядился Горюнов. — Как бы не повторилось несчастье!

Все трое с помощью Аннуир, молча присутствовавшей при описанной сцене, перетащили наряды, а затем и свои постели подальше от нового края обрыва, к месту спуска на сугроб. Последний своей ледяной массой все-таки поддерживал отвесную стену базальта и казалось, что здесь более надежно. В глу-

*Открылась первая щель — и часть площадки слегка наклонилась, потом
быстро повернулась круче и рухнула вниз*

бине площадки у подножия верхнего уступа также было не безопасно; оттуда уже свалилось несколько камней.

Отдаленный грохот потряс воздух и заставил всех взглянуть на север. Там, над северной частью котловины, клубились столбы дыма или пара, местами озаренные зловещим красным светом; слышались частые и сильные взрывы, которые эхо окраин повторяло без конца. При каждом взрыве почва уступа слегка вздрагивала под ногами.

— Вулкан просыпается! — проговорил Ордин.

— А люди, несчастные люди, спасшиеся туда от наводнения! Что с ними будет! — вскричал Горюнов. — Один наш товарищ только что погиб здесь, другой погибает там, и снова мы ничем не можем помочь!

Аннуир прижалась к Ордину и смотрела вдаль; слезы текли из ее глаз, и она вздрагивала от сдерживаемых рыданий.

— Однако, пришел конец этой землице?.. — недоумевающе спросил Никифоров. — Что там только деется, дым, огонь из земли, глядите-ка!

Там на севере не столб, а целая колоннада столбов черного дыма и белого пара, смешавшихся друг с другом, поднялась много выше окраин котловины, т. е. тысячи на три метров; то тут, то там ее прорезали огненными дугами, словно ракеты, высоко взлетавшие раскаленные камни. Иногда туча паров, сопровождаемая рядом взрывов, словно артиллерийскими залпами, вырывалась в каком-нибудь месте и ширилась, вырастая вверх. Зарево на тучах колоннады разгоралось ярче, очевидно где-то уже прорвалась раскаленная лава. Печальная луна, постепенно склоняясь к закату, освещала попрежнему котловину и серебрила воды озера, которые все время волновались.

— Да, видно конец Земле Санникова! — промолвил Ордин. — Мы ее открыли, и на наших глазах она погибает.

— Когда станет светло, посмотрим, нельзя ли спустить как-нибудь байдару и поехать на помощь гибнущим, — сказал Горюнов.

Сидя на своих мешках они оба и Аннуир, жавшаяся все время к Ордину, провели время до утра, наблюдая развитие извержения и обмениваясь замечаниями о нем и о погившем товарище. Никифоров, поглядев некоторое время, лег опять спать.

Наконец, ужасная ночь кончилась, заалел восток, становилось все светлее и светлее. Аннуир развела огонь и стала варить чай. Ордин и Горюнов могли теперь рассмотреть, что случилось с их площадкой ночью. Вся восточная часть ее исчезла и вместо нее зиял крутым клином, обращенным острием вниз, отрыв обвала. Последний очевидно отделился по трещинам, существовавшим раньше, и толчок землетрясения дал только импульс, преодолевший инерцию массы, которая и опрокинулась частью на сугроб, частью в воду, распавшись при падении на глыбы. В громадной выбоине сугроба лед был покрыт черной пылью, осколками и глыбами; внизу над водой поднимался хаос глыб. За ночь муть в воде осела и с высоты видно было дно; в бинокль можно было осмотреть его повсюду, но ничего кроме черных глыб, не было заметно. Они скоронили навсегда и человека, и все достижения экспедиции.

Осмотр выбоины в сугробе показал, что для того, чтобы перебраться через нее, нужно вырубить во льду отвесной стены ступени вниз и с другой стороны вверх.

— Ну, к обеду мы это выполним, — сказал Горюнов, — обе части байдары спустим на веревке вниз и там втащим их на верх. Давайте поедим — и за дело!

На севере котловины извержение продолжало разыгрываться, скрытое в тучах паров и дыма, но выдавая себя взрывами, от которых вздрагивала скала площадки. Завеса пара и дыма скрывала от зрителей катастрофу. При дневном свете видно было только, что эта завеса протянулась поперек всей котловины. Вдруг в одном месте, впереди этой завесы, появился огонь и быстро стал распространяться в обе стороны. В бинокль можно было разглядеть, что это горит полоса леса.

— Кажется, дела онкилонов безнадежны! — сказал Ордин. — Теперь ясно, что извержение началось не в северном конце котловины, а в средней части ее, приблизительно там, докуда мы вчера доезжали, т. е. там, куда люди спаслись от воды. Может быть оно захватило и всю северную часть.

Оба вернулись к нартам; чай был готов. Никифоров понес собакам, привязанным в западном углу площадки, охабку вяленого мяса и вдруг остановился.

— Подите-ка сюда! — крикнул он, — здесь дело неладно...

Горюнов, Ордин и Аннуир, усевшиеся уже возле чайника, вскочили и побежали к казаку. Он стоял возле трещины, шириной в ладонь, которая шла через площадку наискось от заднего края ночного отрыва к западному концу. Нарты и люди находились между этой трещиной и внешним краем площадки, собаки — по другую сторону.

— Вчера этой щели не было! — сказал Никифоров

— Ну, дело дрянь. Подготовлен второй обвал, — заявил Горюнов.

— И достаточно еще одного хорошего подземного толчка, чтобы он рухнул, — прибавил Ордин. — Его, очевидно, подпирает сугроб, иначе он свалился бы уже ночью вместе с нами.

— Видно придется удирать отсюда, как это ни печально! — промолвил Горюнов, — иначе мы очутимся там же, где лежит Костяков.

— Давайте, перетащим вещи за трещину!

Сказано — сделано. Уселись наконец за завтрак, но все время поглядывали с беспокойством на трещину, черневшую в трех шагах от них, ожидая, что вот-вот она начнет расширяться и опять рухнет масса камня, в этот раз прямо на сугроб.

Посевши, быстро принялись за работу; двое поднялись по ступенькам на верх стены, захватив веревки, двое остались внизу; одну за другой втащили обе нарты, байдару, вещи; затем отвязали и погнали наверх собак, кроме одной, которую ночью убило упавшим камнем.

Горюнов, уходя последним с злополучной площадки, подошел еще раз к краю, взглянул и прощептал прощальные слова погившему товарищу.

35

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НИКИТЫ

В день ухода товарищей Горохов проснулся довольно поздно; его разбудили голоса женщин:

— Где Аннуир? Она видно сбежала ночью к своему мужу, белому колдуну! Не послушалась запрета!

— Идите и приведите ее сюда! — раздался голос Амнундака.

— Таштите ее за волосы, если не пойдет! — прибавил женский голос.

Тут Горохов вспомнил, что его товарищи собирались уйти в эту ночь, и ему стало тяжело на душе. Он быстро начал одеваться, чтобы узнать, ушли ли они. Но раньше, чем он ковчил, вернулась Аннуэн и две другие женщины, посланные за Аниуир, и заявили огорченным тоном:

— Жилище пусто, нет Аниуир, нет белых колдунов, одна собака осталась.

— Хорошо ли вы смотрели? Они верно зарылись в одеяла и спят, — сказал Горохов.

— Мы хотели войти, но собака начала ворчать на нас. Мы покричали — никто не отозвался. Разве умерли?

— Ну, я посмотрю сам! — заявил Горохов, направляясь к выходу

— Приведи Аниуир сюда! — крикнул ему вождь.

Горохов, идя к землянке, уже не сомневался, что товарищи ушли. Но он надеялся, что они оставили ему какое-нибудь указание, как объяснить онкилонам их поступок; во всяком случае он хотел обдумать спокойно, что сказать Амнундаку, чтобы не ухудшить своего положения. В землянке его встретила ласковым визгом Пеструха, которую уходившие заперли, чтобы она не увязалась за Кротом и за ними. Его взгляд сразу упал на бумагу, приколотую к одному из столбов, он прочитал ее по слогам несколько раз, чтобы лучше запомнить и вернулся в землянку Амнундака.

— А где Аниуир? — набросилась на него сейчас же Аннуэн.

— Постой! Дай сказать! Белые люди пошли на свое стойбище за теплой одеждой. Видишь — снег, холодно, а у них одежда там. И мне обещали принести. Завтра к вечеру вернутся.

— Откуда ты все это знаешь, если они ушли? — закричал Амнундак.

— А вот здесь написано, они мне оставили письмо, на, прочитай! — сказал Горохов, подавив смех и протягивая бумагу.

Амнундак повертел ее в руках, увидел на ней какие-то черные знаки и заявил:

— Пошли это шаману, он узнает, правда ли, что ты сказал?

— А зачем Аннуир пошла с ними? У нее теплая одежда здесь, — не унималась ревнивая Аннуэн.

— Она больше любит своего мужа, чем ты! — отрезал Горохов.

— Вождь запретил мне любить его, я слушаюсь приказа вождя.

— Вот именно, а она не слушается, потому что больше любит мужа.

— Она только вторая жена, сама навязалась...

— Довольно, женщина! — прервал ее Амнундак. — Он сидел еще с бумагой в руках и не знал, что ему делать, послать ли немедленно погоню за ушедшими или поверить словам Горохова и подождать. В руках у него еще остался один из присельцев и ему казалось, что они не уйдут без своего товарища.

И вдруг у него мелькнула мысль: а не пошли ли белые колдуны снова к священному озеру, чтобы выслушать его, как в прошлый раз, когда они Горохова тоже оставили дома.

Он оделся, вышел из землянки, вызывав с собой трех воинов, и велел им сходить к священному озеру и посмотреть, не там ли белые люди или не были ли там. Вернувшись, он сказал Горохову:

— Ты оставайся здесь, в моем жилище, пока не вернутся другие.

К обеду посланные вернулись встревоженные и заявили Амнундаку:

— Белых людей на священном озере нет, но они были там, мы видели их следы на снегу — три больших следа и один поменьше.

— Вот видишь, ты солгал мне или они солгали тебе в своем письме! — вскричал Амнундак, обращаясь к Горохову, а потом спросил воинов:

— А священное озеро опять высохло?

— Нет, великий вождь, оно не высохло, оно стало даже больше, вода вышла из берегов и к жертвенному камню нельзя подойти.

Амнундак нахмурился: он не знал, хороший ли это или ху-

дой признак, что озеро вышло из берегов. И, как всегда в затруднительных случаях, понадеялся на шамана.

— Идите и расскажите шаману, что вы видели. Постойте! Как вы узнали, что следы на снегу оставили белые люди? Вы знаете их обувь?

— Следы, собственно, были медвежьи, — ответил старший из воинов, — но мы думаем, что белые колдуны могли превратиться в медведей, чтобы мы не узнали по следу, куда они ходили.

Горохов расхохотался. Онкилоны с удивлением посмотрели на него, а Амнуундак спросил сердито:

— Почему тебе так весело?

Горохов спохватился, что для него невыгодно разуверять онкилонов в могуществе белых, и ответил:

— Мне стало смешно, что они и Аннуир превратили в медведицу; ведь их трое, а следов воины видели четыре.

— Да, да, четвертый след поменьше, видно женский! — подтвердили воины.

— Хорошо, идите к шаману, — решил Амнуундак.

Вернувшись, посланные сообщили, что шаман сам хочет пойти к священному озеру, а потом придет сюда на моленье, и велел приготовить жертвенного оленя.

Горохов, за каждым шагом которого следили воины, по распоряжению Амнуундака, лежал на своей постели и думал, хорошо ли он сделал, что остался один у онкилонов. Если случится опять какие-нибудь несчастия, онкилоны начнут их приписывать ему, или уходу его товарищем, или и тому и другому. Могут потребовать от него то, что он сделать не может, начнут угрожать; мало ли что могут придумать эти дикие люди!

Не уйти ли тоже? Товарищи обещали ждать его двое суток. Только теперь его караулят, и уйти нелегко. А что еще намолит вечером шаман? Он совсем было приуныл и только его жена Раку, подсевшая к нему, развлекла его своей болтовней.

В сумерки явился шаман, пошептался с Амнуундаком, потом сел к огню прогреть свои костлявые руки; глядел упорно в пламя и губы его беззвучно двигались. Потом поднял голову и сказал:

— Пора пришла!

— Женщины, берите детей и идите в жилище белых людей, оно пустое. Сидите там, пока вас не позовут, — распорядился вождь.

Горохову стало страшно. В последний раз женщин также выслали из жилища на время моленья, после которого последовала кровавая ночная жертва на берегу священного озера. О ней он сегодня узнал впервые от своей жены, которая случайно проболталаась. Не задумал ли шаман и в этот раз ввести озеро в берега посредством жертвы — этой жертвой будет он! Он похолодел и сердце замерло в груди.

— Иди и ты с женщинами в свое жилище! — обратился к нему Амнундак. — Женщины, смотрите, чтобы он никуда не уходил, вы отвечаете за него.

Это немного успокоило Горохова. Если бы его хотели принести в жертву, то незачем было отпускать его из жилища с одними женщинами.

Если бы он знал, что Амнундак после его ухода велит двум воинам сторожить землянку снаружи, он не был бы так спокойен.

Женщины наполнили опустевшую землянку своим смехом и болтовней, живо развели огонь и расселись вокруг него. Горохов улегся на свою постель и сейчас же протянул руку к ружью, которое всегда лежало рядом, у стенки. Ружья не оказалось. Кто его унес? Неужели товарищи? Едва ли они отняли бы у него это могущественное оружие. Но они тогда взяли бы и патроны, Горохов пошарил в котомке и нашел целую пачку. Очевидно, онкилоны, по приказу Амнундака, сегодня обшарили его постель и унесли эту страшную палку, выбрасывавшую громы и молнии, чтобы лишить его возможности защищаться. Дело совсем дрянь, они несомненно замыслили недобroе

Горохов подозвал к себе Раку и, уложив ее рядом с собой, под смех и болтовню женщин, стал расспрашивать обицяками о намерениях онкилонов. Но она не могла сообщить ему ничего определенного, только разные глупые женские разговоры о могуществе и пагубном влиянии белых колдунов.

Вдруг Горохов вспомнил, что в последний раз, когда они

ходили на свою базу, они принесли запасное ружье, совершенно новое, которое хотели на прощанье подарить Амнундаку. Не забыли ли его товарищи? Вот было бы счастье. Оно лежало в разобранном и запакованном виде в головах постели Горюнова и онкилоны едва ли догадались, что этот сверток — тоже палка с молниями. Горохову захотелось сейчас же убедиться в этом; ведь после молчания ружье может очень понадобиться, чтобы защищать свою жизнь. Он отпустил Раку к остальным, а сам, немного погодя, перешел на постель Горюнова, объяснив, что здесь почетное место и веселее, чем в его углу. Он прилег, стал шарить осторожно и в глубине изголовья под шкурами и слоем сена нашупал сверток. Но как его развернуть и собрать ружье, не обратив на себя внимание женщин? Чем бы занять их? А не проделать ли все у них на глазах в виде фокуса, который произведет впечатление? Пожалуй, это будет самое лучшее, они увидят, что из бумаги и кусков вырастает страшная палка.

Вытащив сверток, он сел на край постели, но не рядом с женщинами, и сказал, что покажет сейчас превращение «вот этой дубинки, взятой у людоедов, в палку, выбрасывающую громы и молнии». Некоторые женщины закричали: «Ой, не надо!», но любопытство большинства победило. Горохов начал развязывать сверток, упакованный еще в магазине в столице; развязав бечевки, он передал их женщинам, никогда еще не видавшим подобного. Бечевки пошли по рукам, и их разглядывали внимательно. Потом он развернул большие листы оберточной бумаги, также никогда не виданной онкилонами; и они пошли по рукам; женщины удивлялись «тонкой желтой коже». Когда один лист, поднесенный слишком близко к огню, вспыхнул ярким пламенем, раздались крики ужаса и удивления — кожа так не горела. Пока все взоры были устремлены на пылавший лист, Горохов быстро собрал ружье — это была двустрелка, центрального боя с одним нарезным стволом для пули — взял его на прицел и воскликнул:

— Вот и палка готова!

Ближайшие к нему женщины отшатнулись и взвизгнули, воображая, что сейчас же из блестящей палки вылетит молния. Но Горохов засмеялся и сказал:

— Не бойтесь, молния вылетит только в того, кто захочет сделать мне дурное, а вы все добрые женщины.

Фокус произвел сильное впечатление; некоторые женщины знали, что у «полубелого» колдуна — так звали Горохова онкилоны между собой в виду его смуглой кожи в отличие от трех остальных — сегодня унесли его страшную палку, чтобы сделать его беззащитным. И вот он у них на глазах превратил какую-то дубинку в новую палку. Это нужно непременно рассказать мужчинам.

Пачку патронов, бывшую при ружье, Горохов спрятал в карман, чтобы зарядить, когда понадобится. Обладание ружьем успокоило его, к нему вернулось хорошее настроение и, держа ружье в руках, он сказал:

— А теперь, женщины, протанцуйте, как в прошлый раз, когда вы были у нас в гостях. Я вам дарю вот эти ремешки и эту кожу, а вы потанцуйте, пока там шаман призывает духов.

Приходилось повиноваться колдуну, обладавшему палкой. Но женщины вообще плясали охотно, особенно в долгую зимнюю ночь, а сейчас ведь была уже зима, снег лежал и не таял. И те, которые еще не разделись, войдя в землянку, сделали это теперь. Начался танец, описанный уже прежде, вокруг весело пылавшего костра, а Горохов, полуразвалившись на постели Горюнова, с ружьем в руках, покуривая трубку, смотрел на пляшущих женщин.

Но в этот раз женщины не успели доплясаться до изнеможения; явился воин и сказал, что моление кончилось и можно вернуться в свое жилище.

— Раку останется здесь у меня, — заявил Горохов, — Раку, слышишь!

— Аминундак сказал, чтобы и ты пришел в его жилище, — ответил воин.

— Скажи Аминундаку, что я буду спать в своем жилище, и Раку, моя жена, останется со мной, — решительно заявил Горохов.

— Аминундак велел... — начал опять воин.

— Я не онкилон и неподвластен Аминундаку, — прервал его Горохов, — он не может мне приказывать. Раку, иди сюда!

Одевавшиеся женщины удивленно переглядывались и пере-

шептывались; воин был поражен. До сих пор белые колдуны ни разу не говорили таких слов и старались убеждать вождю, хотя втайне вредили и создавали бедствия. А тут этот полубелый остался один и завел такую речь. Раку не знала, что ей делать — уходить ли с другими женщинами или остаться с мужем.

— Раку, тебе говорю, не одевайся, а иди сюда ко мне! — крикнул Горохов. Этот решительный тон подействовал, и Раку, успевшая только залезть в панталоны, подошла к мужу, придерживая их у пояса.

— Садись тут! Когда все уйдут, мы будем ужинать.

Женщины, подобрав детей, одна за другой вышли из землянки, воин постоял в нерешительности и наконец ушел. Раку села возле мужа и сказала:

— Амнундак будет очень сердит, он меня накажет за то, что я осталась здесь.

— Не бойся, ты моя жена, и он не посмеет ничего сделать тебе. Вот увидишь! А теперь варя чай.

Спокойствие мужа подействовало на женщину и она, раздевшись, вернулась к своим хозяйственным обязанностям. Супруги спокойно поужинали и собирались уже лечь спать, когда дверь отворилась и вошли четыре вооруженных воина; старший из них заявил:

— Амнундак сказал: ты не хочешь быть гостем в его жилище — оставайся здесь. Но он велел нам притти к тебе, чтобы ты не оставался один без защиты. Мы будем здесь спать, место есть.

— Ишь, как вывернулся мудрец, — подумал Горохов и сказал громко:

— Очень хорошо придумал Амнундак! Ложитесь, двое там, — он указал на постель Ордина, — и двое тут, — он указал на свое прежнее место. — А я с женой буду на почетном месте, пока не вернутся другие белые люди.

Три воина легли, не раздеваясь, а четвертый уселся у огня.

— Они пришли караулить тебя, чтобы ты не убежал тайком, как другие белые люди, — прошептала Раку испуганно.

— Они пришли защищать нас от людоедов, медведей и подземных духов, глупая! — спокойно заявил Горохов, конечно

вполне понявший намерения Амнуундака. Но на ночь он принял некоторые предосторожности: сам лег к стене и ружье положил за собой у стены, зарядив один ствол пулей, другой — картечью; Раку легла снаружи, а Пеструху уложили в ногах постели. Горохов знал, что собака не пустит никого подойти к спящему хозяину.

Ночь прошла спокойно; воин, сидевший у костра, время от времени сменялся одним из спавших; он поддерживал огонь и дремал, прислонившись к столбу и держа в руках свое копье. Горохов спал крепко, но Раку всю ночь горничала с боку на бок; ее все-таки тревожила мысль, что сделает завтра Амнуундак.

Когда настало утро, воины ушли, но им на смену тотчас же явились Аннуэн и жены Горюнова и Костикова. Горохов еще спал, но Раку сейчас же вылезла к ним и стала расспрашивать, что поведали духи шаману, как отнесся вождь к отказу Горохова и ее неповиновению. Но женщины, очевидно получившие инструкции, ответили:

— Что поведали духи, мы не знаем; Амнуундак выслушал воина и сказал то, что передали посланные в ваше жилище; а про тебя ничего не сказал.

Раку успокоилась, но Горохов, проснувшись и узнав результаты ее расспросов, не удовлетворился ими; ему важно было узнать, что накодовал шаман, и в течение дня, который он провел в своем жилище и возле него на воздухе, Раку несколько раз ходила по его поручению в землянку вождя на разведки, но ничего не добилась. В первый раз она пошла с тренетом, думая, что ее женщины сейчас же схватят, разделют и высекут по приказу Амнуундака: так обыкновенно наказывали за ссоры, лень, непослушание. Но Амнуундак даже не обратил внимания на ее появление.

Вечером Амнуундак пришел к Горохову, уселся у огня и сказал:

— Ты не хотел быть гостем у меня, а я вот пришел к тебе. Вэт ты вчера сказал, что сегодня белые люди вернутся. Ночь уже прошла, а их нет. Что скажешь еще?

Горохов, уже обдумавший за день, что ему делать, ответил спокойно:

— Видишь снег на земле, итти трудно, лыж у них нет, потому и запоздали. Придут ночью или утром.

— Отчего не взяли лыжи у онкилонов? — спросил Амнундак и, помолчав, прибавил: — Подожду до утра, если не придут, пошлю воинов искать их, не случилось ли что-нибудь с ними.

Он посидел еще немного, пожаловался, что снег лежит и не тает, зима наступила на целый месяц раньше времени, чем онкилоны встревожены. Потом поднялся и ушел. Вслед за ним собрались уходить и жены отсутствовавших, проведшие весь день в землянке. Уходя, они сказали:

— Раку, иди, возьми там свое молоко и лепешки.

Раку, захватив посуду, отправилась с ними, но не вернулась. Вместо нее снова появились четыре воина на noctleg. Горохов долго ждал жену и решил, что ее не пустили. Обдумав за день свое положение, он нашел его рискованным и понял, что в одиночестве ему не удастся долго противиться Амнундаку, что силой или хитростью у него отнимут ружье и тогда сделают с ним все, что велит шаман. Он мог еще догнать товарищей, обещавших ждать его двое суток; срок истекал завтра вечером. И он решил бежать в эту ночь.

36

БЕГСТВО

Еще в сумерки Горохов срезал дерн с наружной стороны землянки против изголовья своей постели и эту брешь засыпал снегом. Теперь было нетрудно без шума вынуть несколько тонких коротких бревешек, едва закопанных одним концом в землю, а другим прислоненных к длинным бревнам откоса и составлявших бока последнего. В эту дыру можно было перед рассветом, когда сон одолевает больше всего и караульный будет дремать, вылезть тихонько наружу. Горохов надеялся, что Раку пойдет с ним, убежденная примером Аннуир. Котомка была подготовлена. Раку уже ходила в зимней одежде. Побег заметят только утром, потому что постель останется на месте, Пеструха тоже, она потом прибежит по следу; дыру снаружи заложат. Прежде чем спохватятся — они успеют отмахать

десяток километров; две пары женских лыж были также приготовлены — зарыты в сумерки в снегу.

Невозвращение Раку огорчило Горохова — из-за ее нежных объятий он главным образом остался у онкилонов. Но теперь приходилось уходить и без нее. Впрочем, она может быть и не пошла бы и даже подняла бы тревогу. Пожалуй к лучшему, что се нет.

Горохов рано лег спать и положил Пеструху к себе на постель; теперь ее можно было взять сразу же с собой. Укладываясь, он громко сказал, чтобы слышали воины, сидевшие еще у огня:

— Жена моя не пришла; ну, я из собаки сделаю себе другую жену на эту ночь!

Около полуночи сильный подземный удар разбудил и дремавшего караульного, и Горохова.. Заскрипели балки землянки, посыпалась земля через щели. Спавшие воины вскочили с постелей, присел и Горохов, последний в сильной тревоге. Если удар повторится — все население землянки Амнундака выбежит и будет ночевать у костра под открытым небом; тогда уйти неизвестно не удастся. Нужно уходить раньше, во время суматохи.

Пока он соображал, что делать, прокатился второй удар, и вся землянка заскрипела; одно бревно из крыши центральной части сорвалось с места и упало на костер вместе с кучей деревьев. Горохов стал поспешно надевать теплую куртку, воины с криком ужаса выскочили за дверь. Но когда волна сотрясения прошла и землянка осталась стоять, один из них вернулся и взял несколько головней из костра; они очевидно хотели развести огонь вблизи дверей, чтобы продолжать свои обязанности караульных.

— Ты бы лучше вышел из жилища, — обратился этот воин к Горохову, сидевшему на своей постели, — тебя может придавить; половина жилища Амнундака уже развалилась.

— Нет, я останусь здесь и буду спокойно спать, — ответил Горохов, — мой угол не развалится.

Воин покачал головой и вышел. Это только и нужно было якуть. Он тотчас же взял из соседнего отделения одеяло Костякова, свернул его в трубку и положил вместо себя под свое одеяло, так что при первом взгляде казалось, что под ним спит

человек. Затем быстро разобрал стенку у своей постели, выставил наружу котомку и ружье, вылез сам, кликнул Пеструху, заложил отверстие, засыпал его снаружи снегом и осторожно, под покровом тени от землянки, заслонявшей его от костра воинов, направился к ближайшему дереву на окраине поляны, стоявшему шагах в двадцати. Это был старый развесистый тополь, пощаженный онкилонами, так как он не годился ни на дрова, ни на постройку. Спрятав Пеструху и котомку в дупло, Горохов полез наверх и присел, прижавшись к стволу, на толстый сук. Отсюда ему было видно все, что делалось на поляне, а сам он был скрыт сучьями и ветвями, хотя уже лишенными листвы. Он сообразил, что переходить сейчас через поляну нельзя; она была освещена кострами онкилонов, и на белом фоне снега его черную фигуру сейчас же заметили бы бодрствующие люди. Нужно было выждать, пока они задремлют у костров. Огибать же всю поляну по лесу было слишком долго, и кроме того Горохов боялся, что из-за темноты попадет не на ту тропу, которая шла к базе, и заблудится.

Со своего наблюдательного пункта он видел, что часть землянки Амундака уже развалилась; женщины суетились еще вокруг костров и вытащенных вещей и детей, воины торопливо выносили оставшееся имущество. Вскоре после того, как он усился, по котловине прокатился новый удар; он почувствовал, как вздрогнул и закачался тополь; в землянке Амундака рухнул еще один откос, вокруг костров люди закачались и некоторые упали; опять раздались крики и вопли, а с окраины котловины — грохот обвалов. И тотчас же он услышал где-то поблизости среди поляны сильный треск; взглянув в эту сторону, он увидел среди белой снежной пелены, чуть выделявшейся на черном фоне леса, большое темное пятно, на котором быстро мелькали мелкие белые пятна.

— Лед разломало на озере! — подумал он. — Нельзя будет итти прямо, вот напасть!

Когда гудение земли и грохот обвалов затихли, Горохов расслышал шорох и плеск, доносившийся с черного пятна, которое быстро увеличивалось.

— Нешто вода из берегов выходит? Уж не затопит ли нас тут? Вот беда какая, костры зальет, люди в темноте останутся.

Мне-то лучше будет бежать от них. А вот если на других полянах вода тоже выступила, как же итти-то? Ах ты, несчастье, и зачем я только здесь остался? Вот если бы лодка была!

И тут он вспомнил, что когда озеро начало замерзать, онкилоны вытащили бывшие на воде две берестянки, с которых он не раз ловил рыбу, и зарыли их в снег на заднем откосе его землянки, оберегая от оленей, которые могли пробить днища, если оставить эти хрупкие лодки на земле. Это успокоило его—лодка совсем близко, только бы онкилоны не захватили их раньше, чем он.

Между тем черное пятно быстро росло и край его был уже шагах в тридцати от костров; разливавшаяся вода пожирала снег и наступала все дальше и дальше. Тут ее заметили и онкилоны; один подбежал к краю пятна, убедился, что оно движется, и закричал:

— Спасайтесь, вода идет, вода топит!

Поднялась невообразимая суматоха, крики, плач, суета; одни кричали—на деревья, на деревья! другие—где лодки? третий—спасемся в землянку колдунов! Воины хватали вещи, женщины—детей. Амнундак подбежал к караульным воинам у костра перед землянкой чужеземцев и крикнул:

— Где белый колдун? Ведите его, пусть он остановит воду!
Или мы его заколем тут же!

Но откуда-то с высоты раздался протяжный крик:

— Онкилоны, бегите скорее на север, там воды нет, спасайтесь скорее на север, на север! Я говорю вам, дух неба.

И тотчас перепуганные люди подхватили это внушение, повторяя:

— На север, бежим на север, скорее!

Толпа воинов, тяжело нагруженных вещами, и женщин с детьми вперемешку со стадом оленей беспорядочно двинулась к опушке леса. Вода уже тушила ближайшие к ней костры, с них валил едкий дым, шипя чернели головни и гаснул свет.

Амнундак еще стоял вблизи землянки чужеземцев. Воины, поспешившие внутрь, чтобы вывести Горохова, вернулись испуганные:

— Белый колдун исчез вместе с собакой, вылетел в дымовое отверстие, жилище пусто.

Так доложили они, и Амнундак, всплеснув руками, побежал вслед за своими подданными к северной опушке, сопровождаемый караульными. Когда поляна опустела, Горохов спустился с дерева, побежжал к землянке, стащил с откоса одну из берестянок вместе с привязанным к ней веслом, вытряхнул снег и перенес берестянку к тополю, посадил в носовую часть Пеструху, в середину сложил свою котомку и ружье, сам сел к корме, взял весло и стал ждать. Крики онкилонов уже замирали вдали, последние костры гасли, вода подступала к двери землянки.

— Эх, — подумал Горохов, — в лодке можно еще кое-что увезти, ну, хоть бы меховое одеяло. Поди, товарищи отдали мой спальный мешок Аннуир, да и плыть ночью холодно будет.

Он побежжал к землянке, увидел, что вход в нее уже залит, быстро вернулся к своей заделанной дыре, разбросал бревенки, вытащил одеяло и преследуемый по пятам водой вернулся к берестянке.

— Так-то лучше будет, — подумал он, усаживаясь на одну половину одеяла и закрывая ноги другой

Вода уже шипела, пожирая снег вокруг берестянки; кругом становилось темнее, только землянка выделялась белой массой на черном фоне. Вот берестянка всплыла и Горохов заработал веслом, отплывая в сторону озера.

— Прощай, наше жилище! — сказал он, проплывая мимо землянки, — не довелось нам в тебе зимовать, да и никто не будет, все попортит вода!

Мерно загребало двуконечное весло то справа, то слева, и легкая посудина скользила по черной воде; глаза привыкали к темноте и различали уже стену леса, отступавшую назад, с двумя белыми горбами землянок, а впереди — простор, откуда с напором стремилась вода. Среди этого простора Горохов скоро различил плоский бугор и почувствовал, что стало труднее грести. Он догадался, что это вода поднимается пузырем среди озера, и стал обвязывать его стороной, борясь с течением: когда он его обогнул — течение начало помогать ему и скоро он очутился у противоположной опушки. Теперь нужно было найти тропу, ведущую на юг; белевшие на фоне леса землянки

помогли ему ориентироваться; он помнил, в каком направлении от них должна была быть тропа.

Вот он нашел ее и поплыл по узкому каналу между двумя стенами леса; стало темнее и нужно было плыть очень осторожно, чтобы не пропороть тонкое дно берестянки каким-нибудь торчащим из воды сучком. Горохов перестал грести и представил течению нести легкую посудину. Но скоро течение ослабело, а потом началось обратное, и пришлось снова взяться за весло; смерив глубину, Горохов нашел, что она не выше колена.

Едва он начал загребать, как впереди послышался сильный шум, плеск, фырканье и мычанье, очевидно по тропе двигались дикие быки и встреча с ними представляла страшную опасность. Горохов, не долго думая, задвинул берестянку в стену леса, в чащу, в двух-трех шагах от тропы, обхватил одной рукой ствол дерева, другой с веслом уперся в дно и стал ждать. Плеск и шум быстро приближались и вот по тропе-каналу мимо его убежища пыхтя, сопя, фыркая, начала двигаться темная масса крупных животных, наниравших друг на друга в своем поспешном бегстве от наводнения на север; они бежали тяжелой рысью, почти по брюхо в воде, разбрасывая фонтаны брызг и производя волны, расходившиеся в глубь леса. Если бы Горохов не держался за дерево и не уперся веслом в дно, берестянку неминуемо опрокинуло бы; якут провел несколько неприятных минут, пока стадо не пробежало мимо и вода не успокоилась.

Не успел он после этого проплыть и сотни метров, как снова послышался шум и плеск, быстро приближившиеся; опять пришлось укрываться в чаще. На этот раз промчалось несколько носорогов, поднявших такую волну, что Горохов с трудом удержал равновесие лодки; его окатило целым фонтаном воды.

— Прокляты будьте, неуклюжие твари, язвило вас, окалиные! — ворчал он, отирая лицо. — Этак далеко не уедешь, а воду отливать нечем, да и темно.

Не успело улечься волнение, поднятое носорогами, как наступил табун лошадей, еще больше взъяривших воду; они бежали быстрее, чем быки, вставали на дыбы, стараясь обогнать друг друга, фыркали и ржали.

Не доехая следующей поляны, Горохову пришлось укрыться еще раз: теперь бежали в перемежку быки и лошади, а вслед за ними еще десяток медведей. Наконец, он выплыл из поляну-озера и начал его пересекать, огибая среднюю часть, где вода поднималась бугром; когда он выплыл почти на середину, вода внезапно запенилась, поднялась, волнами его чуть не перевернуло. Грохот и плеск, донесшиеся с окраин, показали, что прокатился новый удар землетрясения. Борясь с волнами, которые долго не хотели успокоиться, Горохов добратся наконец до следующей опушки, нашел канал и поплыл дальше, но очень скоро остановился в недоумении: канал делился на три ветви и ночью не было никакой возможности выбрать належащее направление — окраины котловины неразличимы. компаса не было, звезд невидно.

— Ничего не поделаешь, придется ждать рассвета, — решил Горохов. — Надо быть, уже недолго; сколько времени я мотаюсь по воде, а затрясло после полуночи.

37

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ ШАМАНА

Горохов свернул с канала подальше в чащу, куда волны с поляны и с канала могли доходить уже очень ослабленные, привязав берестянку к дереву, растянулся на дне ее, завернувшись в одеяло, и заснул, слегка покачиваясь на волнах.

Проснулся он поздно от воя Пеструхи. Раскрыв глаза, он увидел, что поднявшаяся за ночь вода прижала берестянку к ветвям дерева; собаку в носу так сжало, что она не могла двинуться. Чтобы освободить ее, пришлось прибегнуть к ножу и срезать ряд веток. Горохов попробовал смерить глубину и не мог достать дна, а весло вместе с рукой было больше двух метров.

— Ну, и наводнение же! — подумал якут, — теперь уж зверья по пути не встретишь; которые не успели убежать — перетонули.

Пеструха, освобожденная из плена, обнюхивала котомку, виляя хвостом и умильно поглядывая на хозяина.

— Проголодалась бедняга! — догадался последний. — И впрямь пора поесть, только еды-то у нас малость, и чай варить нельзя. А дичи уже нет!

Он достал из котомки лепешку и копченого туся, захваченного из обильного запаса, который был подвешен под крышей землянки; стал есть, отдавая собаке не обглоданные кости и обрезки.

Горохов с собакой в берестянке

— Эх, последнего туся едим, Пеструха! — обратился он к Пеструхе. — Ведь наш запас уже затопило, никто не спас, жалость какая!

Этот запас напомнил ему про Раку, ее заботы о нем, ее теплые объятия и ему стало грустно. Вспомнил он Казачье и свою старую и сварливую жену, из-за которой он часто уходил из дома к соседям или нанимался каюром к купцам на длинные концы. И он подумал, что можно еще попытаться увезти Раку; онкилоны наверно остановились на первой сухой поляне, спят после ночной тревоги и бегства. Можно подплыть к ним, пробраться на опушку и выждать, когда Раку появится где-нибудь по близости, окликнуть ее, забрать — и в лодку. По воде онкилоны не догонят. Его товарищи сегодня до вечера должны еще ждать, а если даже ушли, то в первый день далеко не пройдут,

по следу их можно скоро догнать. Горохов сообразил, что за ночь он отплыл только до следующей поляны, т. е. километра три-четыре, не больше, значит возвращаться недалеко.

Приняв это решение за время завтрака, якут отвязал берестянку и поплыл на север; солнце уже давно взошло и по временам появлялось между тучами и пригревало; при дневном свете картина наводнения не производила такого жуткого впечатления, как ночью. Вода сверкала, струилась, стена леса отражалась в зеркале озера; Горохова удивило только обилие всякого мусора, который плавал на поверхности воды в лесу и на каналах; только на полянах, откуда вода растекалась во все стороны, поверхность ее была чиста. Добравшись быстро до поляны, где было стойбище, он решил подновить запас провизии, подплыл к землянке, затопленной выше дверей, влез на крышу и через дымовое отверстие снял несколько пар копченой птицы, подвешенной снизу; на радостях даже отдал целую утку Пеструхе, которой утром досталось очень мало. Собака ворча от удовольствия, прилегла и стала грызть птицу.

Потом он поплыл дальше по направлению, по которому ночью ушли онкилоны. По каналу в лесу пришлось плыть среди пелены листьев, веток и всякого хлама, поднятого водой. Попадались мертвые птицы и мелкие четвероногие, на одном дереве он заметил притаившуюся куницу и по охотничьей жадности убил ее ударом весла.

— Хоть и летний мех, а на шапку годится, все равно с голода пропадет, — пробормотал он, подбирая добычу. Подвигаясь на север, он заметил, что озера пузырятся меньше и вода не так глубока, весло уже доставало дно.

— Эх, жаль, нет Матвея Ивановича, он объяснил бы мне, откуда столько воды прет из земли. Разверзлись хляби земные, как сказано в писании, и начался потоп. Слава богу, что хляби кебесные еще не топят сверху, это было бы совсем худо.

После полудня вода в каналах и на полянах стала совсем мелкая, видны были верхушки небольших кустов, а вокруг озер на полянах камыши; пришлось плыть тихо, чтобы не напротивиться. Потом берестянка то и дело начала задевать за дно и наконец стала. Горохов вылез и побрел пешком, но тащил лодку за собой; скоро пришлось высадить и Пеструху, а ко-

томку надеть на себя, чтобы тащить почти пустую лодку по траве, еле покрытой водой. Наконец он выбрался на поляну, представлявшую мокрый луг; только кое-где во впадинах блестела вода. Поляна была наполнена четвероногими; стада быков, табуны лошадей, косяки оленей, несколько семей носорогов частью паслись, частью отдыхали, лежа на траве; в кустах хрюкали кабаны, роясь в мокрой земле.

— Ну, и дивно их набралось тут! — подумал Горохов. — Намаялись видно бедняги, всю ночь по воде хлюпавши без отдыха. А вот и охотники!

Он заметил, что вдоль опушки за кустами ползут на четыреньках дикии, подбираясь к ближайшему табуну лошадей. Животные, благодаря своей многочисленности, очевидно не были так настороже, как обыкновенно, и дикии были совсем близко от них. Горохов насчитал человек двадцать. Ближайший был шагах в сорока от куста, за которым он наблюдал, зажимая морду Пеструхе, чтобы она не лаяла.

При виде волосатой и косматой фигуры с зверским лицом, полуоткрытым ртом и сверкающими от жадности глазками, якуту стало жаль животных, спасшихся от потопа, чтобы погибнуть от копий.

— Эх, попугаю я этих тварей! Пусть знают, что молния и тромы еще действуют! — решил он и прицелился так, чтобы пуля пролетела над головами дикарей. Когда рассеялся дым, дикарь уже не было видно, только колебания кустов показывали, что они скрылись в лес, откуда доносился их вой, постепенно удалявшийся. На поляне выстрел также произвел замешательство, лежавшие животные вскочили, одни стада бежали сюда, другие туда.

— Если дикии здесь, — значит, онкилоны не так близко, — решил Горохов. — А хорошо, что я их пугнул, а то мог бы сам на них напороться!

Он потащил берестянку дальше, но скоро стало совсем сухо, на тропе попадались камни и можно было повредить дно. На опушке следующей поляны он заметил высокий, приметный издали тополь с раздвоенной вершиной и решил оставить лодку здесь; он поднял ее на развилину ствола, сложив туда же котомку, и посадил Пеструху, привязав ее за ошейник к ве-

ревке берестянки; пошел дальше налегке. Километрах в двух далее он услышал впереди голоса и почувствовал запах дыма. Осторожно добравшись до опушки, Горохов стал наблюдать. В разных местах поляны горели костры, вокруг которых стояли, сидели и лежали онкилоны; на огне жарилось мясо и запах его приятно щекотал ноздри якута. Повидимому, здесь собралось все племя или большая часть его из затопленной местности и, как всегда, каждый род держался отдельно у своего костра. Наискосок от места наблюдения вокруг одного из костров толпилось особенно много людей и Горохов решил, что там должен быть род Амнундака; он подкрался по опушке поближе, очутился в шагах тридцати и различил Амнундака, окруженного предводителями других родов. Обсуждали вопрос, рассеяться ли по сухим полянам вплоть до бесплодной северной части котловины и приняться немедленно за постройку землянок ввиду близости зимы, или же ждать спада воды, чтобы вернуться на старые привычные места.

— Вот дураки! — подумал Горохов, — они еще в надежде, что вода уйдет куда-то. Не знают, сколько там этой воды.

Тут якут обратил внимание на то, что на поляне совсем не было снега, как не было его и там, где кончилась вода. Очевидно он уже успел растаять, потому что было совсем тепло, наводнение как будто вернуло лето в котловину.

По другую сторону костра сидели женщины и дети. Горохов различил Аннуэн, жен Горюнова и Костякова, но Раку не было видно.

— Не вернулась ли она в свой род, как вдова? — подумал он и стал всматриваться в женщин у других костров; у соседнего сидели люди рода, ближайшего к стойбищу вождя, откуда была и Раку; но и здесь ее не было.

— Куда она запропастилась! Пошла куда-нибудь или спит? Подожду, вот они скоро будут есть, тогда должны все собраться.

Немного погодя женщины крикнули, что мясо готово; все разошлись по своим родам и уселись вокруг костров; женщины стали раздавать палочки с мясом и лепешки. Но Раку не явилась ни в род Амнундака, ни в свой. Это встревожило Горохова и он подумал, не убили ли ее онкилоны в наказание за

ее непослушание приказу **вождя**. Ничем иным нельзя было объяснить ее отсутствие, разве что во время землетрясения ее придавило в обрушившейся землянке.

— Незадача выходит! — пробормотал он, — зря я проездился, нужно скоро уходить, солнце уже склонилось к западу.

Тут его внимание привлекло появление десяти вооруженных онкилонов, вышедших из леса недалеко от того места, где он прятался. Они подошли к Амнундаку и сложили к его ногам несколько дубинок и копий дикарей.

— Ты послал нас, великий вождь, обыскать место, откуда недавно раздался гром, — сказал старший. — Ты подумал, что вернулись белые колдуны. Но мы видели там много крупной дичи и нашли вот это, — он указал на дубинки, — белых колдунов или следов их мы не нашли.

— А все-таки, они бродят недалеко от нас! — сказал Амнундак. — У дикарей нет громов. Все хорошо слышали гром.

— Хорошо, что у них нет собак! — подумал Горохов, — не то меня бы уже выследили.

Но следующие слова вождя сильно встревожили его.

— Скажите предводителям родов, что нужно сейчас выслать всех воинов осмотреть лес вокруг нашей поляны. Белые колдуны близко и принесли нам новое бедствие.

Воины ушли обходить костры, разнося приказ. Горохов сообразил, что он не успеет уйти достаточно далеко и решил переждать облаву по соседству, взобравшись на дерево. Он тотчас же отбежал немного в глубь леса, выбрал удобное дерево и влез высоко наверх; оказалось, что сквозь ветви видна вся поляна. Усевшись на развалине, он увидел, как от всех костров потянулись в разные стороны вооруженные воины и, дойдя до опушки, образовали цепь, которая проникла в лес. Правее и левее его дерева также прошли воины, но они искали на земле, лазали в чащи кустов и подлеска, даже шарили копьями, а посмотреть наверх не догадались. Впрочем, якут сидел высоко, прижавшись к стволу и в темном платье; его скрывали ветви, хотя без листвы, но сквозь их сетку различить его можно было бы только, зная, что он наверху.

Облава продолжалась часа два и солнце уже спустилось за горы, когда со всех сторон на поляну вернулись усталые

воины и расположились у своих костров отдохать. Горохов слез с дерева и прокрался опять на опушку вблизи рода вождя. Последний сидел рядом с шаманом; ему только что доложили о безуспешности поисков. Он был встревожен и недоволен, а шаман сказал:

— Вели сейчас собрать всех предводителей родов сюда на совет.

Амнуундак отдал распоряжение и ко всем кострам побежали воины.

— Что еще задумал старый колдун? — подумал Горохов. — А Раку и теперь еще нет, все женщины поднялись и отходят от огня, освобождая место; всех видно, кроме Раку. Не иначе, что они ее загубили, бедную!

Когда все предводители родов собрались и уселись вокруг костра, шаман встал и, подняв голову и протянув руки вперед, повел такую речь:

— Великие бедствия постигли наше племя. Сколько раз тряслась уже земля и рушились наши жилища с тех пор, как пришли белые колдуны на нашу землю, где мы раньше жили спокойно. Они пришли и увидели, что здесь хорошо жить, лучше, чем у них, где всегда лежит снег и солнце не греет. Они увидели, что здесь есть леса и всякие травы, хорошие пастбища и много диких зверей, а у нас много оленей. И задумали они истребить наше племя, чтобы завладеть нашей землей и стадами. Они высушили священное озеро, но мы вернули его кровавой жертвой. Они сделали так, что стало холодно и зима началась на месяц раньше и снег не таял. Они думали, что мы все замерзнем. Это не помогло, мы держали огни в жилищах и согревали себя. Тогда они решили выгнать нас из жилищ потопом; опять затряслась земля и вода хлынула из нее и затопила наши поляны и жилища. Мы спаслись, голос духов неба направил нас сюда, где воды нет. Но наши жилища разрушены, наши стада разбежались.

— Долго ли мы будем терпеть это? Зима близко, мы все погибнем и белые колдуны возьмут нашу землю. Они ждут этого, они там, на краю снегов, сидят и ждут, а тот, который остался с нами, выслеживает, куда мы ушли, он ходит здесь поблизости, но его не могут найти.

Шаман остановился и перевел дух; взоры всех были устремлены на него в напряженном ожидании.

— Нужно покончить с белыми колдунами. Мы приняли их, как почетных гостей, дали им жилище, пищу и молодых женщин. Они заплатили нам неслыханными бедствиями. Верно ли все это, онкилоны?

— Правда, правда все это! — раздались голоса предводителей.

— Мы уже наказали ослушницу, одну из тех женщин, которых мы дали им и которая хотела изменить своему племени, как сделала та, которая убежала с ними к снегам. И белый колдун, ее муж, не защитил ее, а скрылся, хотя она звала его на помощь, когда тонула в воде, которую колдуны вызвали из земли.

— Теперь мы должны поймать всех колдунов и принести их в жертву добрым духам нашей земли. Завтра сто лучших воинов пойдут в поход к снегам; они сделают плоты и поплывут через воду во главе с нашим вождем; у них есть копья и стрелы, а у него громы и молнии, которые мы взяли у белого колдуна. Теперь у нас равное оружие и нас много, а их только четверо. Неужели сто воинов не одолеют их? Пусть половина падет в бою, но наша земля будет спасена, и мы будем жить, как прежде. Вода не уйдет обратно в землю, наши жилища останутся разрушенными и наши стада рассеянными, пока белые колдуны не будут принесены в жертву. Я сказал!

— Ах ты старый, подлый пес! — пробормотал Горохов, слушая речь шамана. — Ты утопил мою Раку и теперь хочешь переловить нас и зарезать, как оленей. Но сначала ты сам отправишься к предкам!

Он поднял ружье и прицелился в шамана, который стоял прямо против него за костром, ярко освещенный в наступивших сумерках, подняв руки и голову, в вдохновенной позе прорицателя. Грязнул гром и шаман упал ничком, лицом в огонь. Пораженные ужасом, Амнундак и предводители словно окаменели; меховая шапка шамана вспыхнула, женщины, стоявшие поодаль, заголосили. И вдруг, словно по внушению, все сидевшие вокруг костра подняли руки к небу, испустили протяжный вопль, взывая о помощи, затем закрыли ими лицо и

Последняя речь шамана

трижды повторили этот трагический жест. Потом Амиундак встал и произнес торжественным тоном:

— Молния белых колдунов поразила нашего шамана за то, что он призывал нас сделать им зло. Они могущественны, и мы не можем бороться с ними. Так предсказал великий шаман, приведший наших прёдков на эту землю. Уберите мертвого из огня!

38

ЖУТКОЕ СОСЕДСТВО

После выстрела Горохов пустился бежать, рассчитывая на то, что онкилоны, растерявшись, не сразу организуют погоню, а наступившая ночь позволит ему скрыться в крайнем случае опять на дереве. По кустам он выбежал на тропу, по которой пришел днем, и не останавливался, пока не различил тополь, ча котором оставил свое имущество и собаку. Если есть погоня — нужно влезть на это дерево, где котомка, одеяло и провизия позволяли провести ночь без лишений, так как двигаться дальше с грузом уже нельзя было так скоро, а до воды оставалось еще километра два.

Он остановился и прислушался; сначала все было тихо, но затем послышались голоса и вдали замелькали отни; очевидно, онкилоны с факелами гнались за ним. Не долго думая, Горохов влез на дерево и стал поднимать свое имущество выше; всего больше хлопот доставила Пеструха, которая не могла сидеть спокойно на какой-нибудь развалине; пришлось наладить берестянку на двух толстых сучьях, а собаку и котомку положить в нее. Едва он справился с этим делом, как на тропе вблизи тополя появилось несколько онкилонов с факелами, а правее и левее видны были другие. Миновав дерево, онкилоны вскоре напали на ясный след, оставленный берестянкой на мокрой земле и траве и с криками радости, подозвав к себе остальных, побежали по этому следу, надеясь догнать беглеца.

Горохов поужинал копченой птицей, накормил собаку, выкурил трубку, а онкилоны все не возвращались с безуспешной погони. Его стало клонить ко сну, и он решил вздремнуть до

восхода луны; привязал себя к стволу, у которого сидел на суке, и заснул.

Его разбудило сильное раскачивание дерева, — он чуть не потерял равновесия и, если бы не привязь, свалился бы вниз; пришлось держать обеими руками и берестянку с ее грузом. Горохов не понимал, что такое происходит, кругом все грохотало и гудело, а на небе светила давно появившаяся луна; видно было, как раскачиваются и все соседние деревья, а ветра не было. Наконец, он догадался, что опять трясется земля; оглянувшись случайно на север, он увидел, что там, где-то очень близко, происходит что-то ужасное; из-за леса появились клубы белого и черного дыма, поднимавшиеся к небу, и оттуда донесся такой грохот, что зазвенело в ушах, — а потом пахнуло жгучим ветром, от которого захватило дыхание.

— Царица небесная, что там деется? Земля рвется, отоны выходят! — взмолился Горохов. — Бежать, бежать надо на воду!

С трудом он стал спускать вниз по очереди котомку, берестянку и собаку, потому что дерево все время качалось. На земле едва можно было устоять на ногах; шатаясь, точно пьяный, Горохов потащил берестянку по земле, а затем и по мелкой воде. Время от времени то справа, то слева что-то тяжелое падало в воду, ломая ветви деревьев. Грохот не утихал, воздух становился все горячее и удушливее.

Наконец, вода позволила сесть в лодку и беглец начал отделяться быстрее от места катастрофы; выехав на большую поляну, он увидел на севере зарево на фоне клубов дыма и красные молнии, прорезавшие последние то тут, то там.

— Пропадают видно бедные онкилоны в том аду! — подумал он. — И опять валят все на белых колдунов. Убили шамана, а потом и весь народ губят.

Мелкая вода волновалась слегка, но чем больше становилась глубина, тем сильнее было волнение и берестянку бросало из стороны в сторону. Проплыв с десяток километров, Горохов выбился из сил и решил искать где-нибудь приюта до рассвета. На краю большой поляны, на которой особенно шумели волны, он заметил вблизи остов землянки, поднимавшийся над водой; землетрясение еще до потопа разрушило откосы, но

центральные четыре столба с настилом крыши на них устояли, так как были закопаны в землю и связаны перекладинами. Эта платформа стояла почти на метр выше воды, и волны не заливали ее.

— Вот место для отдыха! — подумал беглец и направил беспечанку к платформе, с трудом выложил имущество, высадил собаку наверх, вылез сам и вытащил свою легкую посудину. Разостлав одеяло на мокрый дерн крыши, он немедленно уснул, несмотря на грохот, доносившийся с севера, и на шум волн.

Он проснулся на рассвете и стал осматриваться, ориентируясь для продолжения плавания. За ночь вода успокоилась и только мелкая рябь по временам подергивала зеркало озера. По соседству над последним поднимался второй островок в виде зеленого холмика. По высокому тополю вблизи него Горохов узнал землянку свою и своих товарищей; на тополе он спасся в ночь бегства; сам он провел ночь на остатках землянки Амнундака.

Наскоро поев, якут спустил лодку на воду и позвал Петрушку, чтобы посадить и ее; собака стояла возле дымового отверстия в середине этой платформы, смотрела в воду и визжала.

— Что ты увидел там, пес, рыбу, что ли? — спросил Горохов и подошел, чтобы взять собаку, не желавшую сходить с места. Взглянув в дымовое отверстие, он вздрогнул: из воды выдавались пальцы двух человеческих рук возле одного из столбов платформы.

— Господи, светы, тут кто-то утонул! — воскликнул он. — Чго же он не вылез по столбу наверх?

На одном из пальцев блестело серебряное кольцо, показавшееся Горохову знакомым; у онкилонов серебряных колец не было и только женщины белых получили от своих мужей такие кольца и очень гордились ими.

— Ох, палачи, да это Раку! Прочие жены были там, а старый пес сказал, что они изменницу утопили.

Горохов спустился в лодку и подплыл к столбу, у которого были видны руки; оказалось, что кисти крепко привязаны ремнем к столбу. Он перерезал ремень и потянул за окоченевшую

кисть; над водой медленно поднялась рука, потом появились волосы и наконец лицо с раскрытыми глазами; эти глаза, как бы полные слез, смотрели на якута с укором. Он вскрикнул и отшатнулся, кисть утопленницы выскоцила из рук, и голова исчезла в мутной воде; но вслед за ней исчезла и рука, труп погрузился на дно.

— Несчастная! — подумал якут. — Они ее привязали на ночь к столбу, чтобы она не убежала ко мне, а потом, когда пришла вода, ее забыли в землянке или нарочно оставили, и она утонула.

Он представил себе, что должна была испытать Раку, когда вода ворвалась в землянку и стала подниматься все выше и выше по ее телу; как она извивалась и звала на помощь, а ответом был только плеск воды в жуткой темноте ночи; как вода поднялась до груди, до шеи, до рта и залила наконец горло, издававшее последний призыв. А он был сначала тут по близости и свободно мог ее спасти, как только онкилоны ушли. Но она вероятно начала кричать только, когда вода проникла в землянку, а он в это время уже плыл по озеру.

Ему захотелось вытащить тело и похоронить его где-нибудь; но багра у него не было, да и хоронить пришлось бы разве в снегах за котловиной. Удрученный, он посадил Пеструху, теперь повиновавшуюся зову, взял вещи и поплыл на юг. Он греб усиленно, надеясь еще догнать товарищей, и берестянка летела стрелой по спокойной глубокой воде озер и каналов.

Вот впереди показалась окраина котловины с выделявшимися на черном фоне утесов белыми сугробами. А на севере все время клубились белые и черные тучи и по временам оттуда доносился грохот взрывов.

Наконец, лес кончился, Горохов выплыл на чистую воду окраины, омывавшую сугробы. И здесь все затоплено. Где товарищи? Ушли? Утонули? На площадке над сугробами никого невидно!

Но вот высоко на гребне обрыва на светлом фоне неба появился темный силуэт человека. Горохов громко заорал, замахал веслом, Пеструха залаяла.

Его заметили, он спасен!

Он подплыл к подножью сугроба, высадил своего пассажира и свою кладь и, тяжело нагрузившись, поднялся по ступеням наверх.

Вдруг перед ним развернулся провал — дальше ходу не было. А за провалом стояли уже Горюнов и Ордин.

— Ох, успел таки догнать вас! — воскликнул Горохов, сбрасывая свою ношу на лед. — Ну, и натерпелся я всякого!

— Придется тебе долго ждать, пока мы выгрубим во льду спуск и подъем, — ответил Горюнов.

— Вот так ямина! От погони вы, что ли, отгородились? Да, перебраться тут нелегко, — сказал Горохов, осматривая брешь, окаймленную отвесными ледяными стенами в несколько метров вышины. — А прорубаться долгоночко. Вот что,несите веревку, и бросьте мне ее

Веревка была уже захвачена на всякий случай и конец ее, к которому привязали камень, перебросили Горохову. Он непретянул все к себе и затем начал спускать свою кладь на дно бреши, сложив веревку вдвое; когда кладь была внизу, он отпускал один конец, тянул за другой, и веревка возвращалась наверх, а кладь оставалась. Так он спустил котомку, одеяло и наконец Пеструху, пропустив веревку под ошейник. Собака, повешенная за шею, задыхалась и барахталась в воздухе, но спуск произошел так быстро, что она не успела задохнуться. Теперь нужно было спуститься самому. Недалеко от края обрыва лежала глыба базальта, прочно врезавшаяся в лед; якут обернул ее веревкой и спустился вдоль ледяной стены, а внизу отпустил один конец, потянул другой — и веревка упала к его ногам.

Подъем не представил затруднений, так как вверху было два человека, которые вытащили якута, собаку и вещи, первого с трудом, так как он был тяжел. Выскочив наверх, он бросился в объятия товарищей.

— Слава богу, добрался! А я уже полагал, что не застану здесь никого!

Действительно, если бы Горохов выплыл из леса только на несколько минут позже, он не увидел бы своих товарищей. Обе оставшиеся парты были уже на южном склоне гребня, где Никифоров заканчивал их увязку. Горюнов и Ордин в это

время вернулись еще на гребень, чтобы бросить последний взгляд на котловину Земли Санникова, которой они отдали столько недель труда и которая на их глазах погибала под потоками воды и лавы вместе со своими двуногими и четвероногими обитателями. Им удалось собрать много ценных наблюдений, но результаты их трудов так внезапно погибли вместе с одним членом экспедиции в последние часы их пребывания, а другой товарищ добровольно остался в котловине и, конечно, как они думали, тоже погиб.

Под лучами низко стоявшего солнца серебрилось обширное озеро котловины в черной раме обрывов и со щетиной островов и кос темного леса, а на севере за колеблющейся стеной из клубов пара и дыма разыгрывался последний акт драмы Земли Санникова и племени онкилонов. Ордин запечатлел эту печальную картину на последней уцелевшей еще фотографической пластинке, картину едва открытого для науки и уже погибающего мирка с последними мамонтами, нэсорогами и представителями первобытного человечества. Сделав снимок, он пошел укладывать аппарат, а Горюнов остался еще на минуту и увидел выплывающий из леса членок Горожова.

Не будь этой счастливой случайности, якут нескоро догнал бы своих товарищей.

Поднимаясь наверх, Горожов увидел зиявшую трещину, услышал о гибели Костякова и понял, как счастливо он отдался.

— В сорочке видно я родился, Матвей Иванович, — сказал он, останавливалась на гребне. — За эти два дня я сколько раз был на краю могилы, да вот жив и здоров, а бедная Раку, из-за которой я собственно и остался, утонула по моей вине. Вечная память ей и Павлу Николаевичу!

Он снял шапку и трижды поклонился в сторону Земли Санникова, ставшей могилой стольких людей.

В этот день путешественники отъехали недалеко и остановились у подножия южного склона земли. Экскурсия по льду в сторону открытого моря показала, что лед слишком непрочен и может быть взломан первой бурей. Нужно было идти на восток в поисках более надежного места.

39

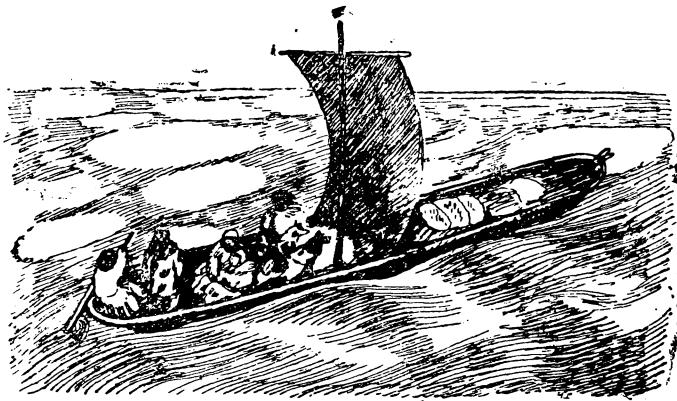
ЧЕРЕЗ ЛЬДЫ И ПО МОРЮ

Целую неделю путешественники двигались на восток в поисках надежного места для переправы; но везде лед был не прочен; хотя лето кончалось, и теплые дни постоянно чередовались с морозными, но последние не могли еще не только сковать море, но даже закрепить старые ледяные поля, разрыхленные таянием. Приходилось ждать начала зимы, а это было возможно только на острове Беннета, где была избушка, построенная Толлем, и где по берегу можно было собирать плавник для топлива, а также подновить запас провизии охотой на медведей и северных оленей. К счастью, лед между Землей Санникова и этим островом в это лето не было разломан и путешественники, сделав только небольшой крюк к северу, добрались на десятый день до острова. И было пора; корм для собак, взятый из запаса Никифорова, кончался; три дня уже обходились без дров.

Угрюмый, скалистый, почти бесплодный остров Беннета после веселой Земли Санникова произвел на путешественников безотрадное впечатление. Но они рады были тесной избушке Толля, находившейся на восточном берегу в устье небольшой долины с ручейком пресной воды, откуда можно было подняться на плоскую возвышенность, занимающую весь остров. Плавника было довольно, но надежды на охоту не оправдывались: оленей не оказалось, а медведи не попадались. Пришлось начать убивать собак для корма остальных; в виду гибели одной наорты была лишняя упряжка, которая и пошла на съедение.

Так прожили десять дней, но положение не изменялось, лето все еще держалось, несмотря на начало сентября, и лед продолжал таять и разрушаться. Приходили к концу и запасы пищи для людей. Все четверо, оставляя Аннуир охранять избушку и собак, каждый день ходили на охоту, исколесили и осмотрели остров по всем направлениям — он имеет километров шестнадцать в длину и восемь в самой широкой восточной части, — но приносили только изредка ворону или чайку.

— Вот что, товарищи, — сказал однажды Горюнов, — ждать дольше нельзя, мы останемся без собак к тому времени, как море замерзнет, т. е. когда они именно нужны. Барометр уже несколько дней стоит замечательно высоко, море спокойно и бурю ждать нельзя. Вещей у нас, кроме теплой одежды и ружей, очень мало, собак осталась половина; если их сократить еще, оставив только пять-шесть лучших, мы все поместимся на байдаре. Пользуясь тихой погодой, в день-два переплыем на Котельный; там у нас запас корма для всех и там можно

В байдаре через море

выждать зиму, если погода переменится, если нет — поплыем и дальше вдоль берега Котельного и к материку.

Обсудив этот план, пришли к выводу, что он вполне целесообразен; день был еще достаточно длинный — более двенадцати часов; меняясь на веслах, можно было переплыть семьдесят миль через море до мыса Высокого на острове Новая Сибирь, ближайшем к Беннету, в день, в крайнем случае, в два, переночевав на одном из ледяных полей, которые плавали среди моря. Конечно, внезапно налетевший шторм мог потопить байдару; но то же грозило бы и позже, при перевправе через едва замерзшее море, с той разницей, что тогда, в октябре, день длится только часа два-три, а ветры, ломающие лед, гораздо чаще.

Итак, было решено, что если к вечеру барометр не упадет, убить лишних собак, накормить остальных до отвала, а на

рассвете тронуться в путь, оставив все лишнее имущество в избушке. С этой целью труз был тщательно пересмотрен.

К вечеру барометр поднялся еще немного и несколько собак, служивших верой и правдой, с тяжелым сердцем были принесены в жертву. Крот, Бедуха и Пеструха конечно остались в числе живых. Чуть свет путешественники покинули гостеприимную избушку, протащили байдару по льду километра два до открытого моря, а затем на восходе солнца отчалили, держа курс прямо на юг. Так как байдара была тяжело нагружена, то плаванье шло не так быстро, как надеялись, и до заката проплыли немного больше половины. В середине моря стали чаще попадаться плавающие льды, и продолжать путь ночью было рискованно. Пришлось причалить к ледяному полю, на котором и расположились ночевать. При закате Высокий мыс был уже ясно виден на горизонте.

На рассвете поднялись и продолжали плаванье. Когда рассвело, Никифоров и Горохов, всматриваясь в даль, одновременно воскликнули:

— Вот так штука, за ночь нас здорово отнесло в сторону!
— Куда же? Куда? Земли не видно? — спросил Ордин.
— Земля-то видна, да не та, что была вчера.
— Куда же нас могло унести?
— Или на восток, тогда мы видим восточную часть Новой Сибири, или на запад, тогда перед нами Фаддеевский или даже Котельный остров, — сказал Горюнов.

— Даль неясна, — заявил Горохов, — нельзя еще разобрать, какая земля.

— Все равно, какая бы ни была, плывем к ней; барометр за ночь начал падать, нужно поторопиться! — заметил Ордин.

Когда солнце поднялось выше и рассеялся легкий туман над морем, Горюнов взял бинокль, посмотрел на землю и спросил:

— А ну-ка, Никита, зоркие глаза! Какая земля перед нами?
Горохов всмотрелся, прикрыв глаза от солнца, и сказал:
— Котельный остров!
— Верно! И лынина за ночь избавила нас от плаванья по очень скверным местам вдоль островов. Теперь мы причалим прямо к нашему складу.

Действительно к полудню уже не оставалось сомнения, что в виду остров Котельный; все узнали его очертания, исчез только почти весь снег, покрывавший его весной.

Под вечер причалили к ледяному поясу, окаймлявшему остров, и на протяжении пяти километров пришлось вспоминать весенние дни, перетаскивая нарты через тороса. В сумерки добрались до поварни у подножия северного мыса.

В складе не все было цело; очевидно летом промышленники, охотившиеся на острове, пользовались провизией, особенно юкологом. Но для небольшого числа оставшихся собак корма осталось довольно.

На следующий день погода была еще ясная, но барометр сильно падал и предстояла резкая перемена. Не следовало испытывать слишком часто судьбу, и решили выждать. Действительно, вечером началась буря, а утром повалил снег, грянул мороз и сразу началась зима. Пурги с короткими перерывами длились до конца сентября, но корма для собак, провизии для людей и топлива было достаточно, и путешественники отсиживались и отсыпались в поварне. Путь домой был еще далек, но главное препятствие — открытое море — было уже проидено.

В один из случайных ясных дней все поднялись на высоты над мысом и смотрели на еле видневшиеся на горизонте вершины Земли Санникова. Что делалось там? Кончилось ли извержение? Ушла ли опять вода из котловины? Или все живое погибло, и через несколько лет исчезнет в воде или снегах и лес — последнее доказательство богатой жизни среди льдов севера. Все смотрели с грустью на эту далекую землю, где каждый из них оставил нечто дорогое, особенно Аннуир. Последняя страдала от непривычных для нее сильных холодов, хотя носила теплую одежду Костякова, пришедшуюся ей по росту. Она часто грустила по покинутой родине, привычным условиям жизни и по погибшим соплеменникам. Она не раз спрашивала остальных:

— Неужели и там, где ваша земля, все такой холод и ничего кроме снега и льда?

В начале октября установившаяся зимняя погода позволила продолжать путь, конечно, на нартах. Более тяжелую нарту

тачили собаки, более легкую — по очереди двое людей. Дни были короткие и приходилось итти и ночью, если светила прибывавшая луна. В поварне на мысу Медвежьем пришлось пережидать пургу, взломавшую лед, и потом с большим риском итти по тонкому льду до Малого Ляховского. На Большом Ляховском дважды пережидали пурги; собачий корм был на исходе, провизия также, зато нарты стали легче и двигались быстрее. Только в последних числах октября путешественники, сильно утомленные, с тремя оставшимися в живых собаками, прибыли в Казачье.

40

ОПЯТЬ У АКАДЕМИКА

Целую неделю в избе Никифорова путешественники отдыхали от трудов и лишений длинного пути; они просыпались только, чтобы поесть и снова ложились спать. Впрочем, полярная зимняя ночь и жестокие морозы не располагали и остальное население печального края к усиленной деятельности.

На наивную Аннуир жалкое Казачье с его двумя десятками избушек, занесенных снегом, произвело впечатление большого селения; она впервые видела дома с крышами, печи с трубами, окна, столы, стулья, кровати, впервые узнала, что можно спать и сидеть не на земле и есть не с колен; все это были диковинки, к которым приходилось привыкать, хотя иное казалось ей смешным или ненужным.

Собственно прибытием в Казачье экспедиция, давшая такие открытия, но закончившаяся гибелью одного участника и всех коллекций и записей, могла бы считаться завершенной; и Горюнов мог бы остаться где угодно, послав академику Шенку подробный письменный отчет. Но слишком велико было уважение Горюнова к этому ученому, доверившему крупную сумму и инструменты неизвестному человеку на почти фантастическое предприятие. Ему хотелось явиться лично и подтвердить свой рассказ показаниями второго участника. Кроме того, нужно было сдать инструменты и деньги, вырученные при продаже

нарт, байдары, ружей, палатки и прочего. Большую часть этого имущества приобрели Горохов и Никифоров, очень одевавшие хорошие наорты и ружья.

Собрав около тысячи рублей, включая и остаток денег, выданных Шенком, Горюнов, Ордин и Аннуир выехали через Верхоянск в Якутск. Но здесь встретились препятствия — срок ссылки Ордина еще не кончился, и губернатор не соглашался его отпустить, а Аннуир одна не хотела ехать, тем более, что была беременна и дальний путь зимой ее страшил. Ордину было разрешено остаться в Якутске, который произвел на Аннуир уже впечатление огромной столицы с массой диковинных вещей, начиная с кошек, коров и запряженных лошадей и кончая бальными платьями и граммофоном.

Горюнову пришлось поехать одному и удовольствоваться фотографией Аннуир в ее домашнем костюме, т. е. татуировке и пояске стыдливости, небольшой коллекцией горных пород с Земли Санникова и острова Бенинета и последней фотографией Земли Санникова, снятой с гребня при отъезде. В конце декабря он прибыл в столицу и тотчас явился к Шенку.

Последний знал из короткой телеграммы только об открытии Земли Санникова и возвращении участников и с понятным нетерпением ждал приезда Горюнова, которого хотел представить Академии и ученым обществам для публичных докладов о замечательном путешествии. Но Горюнов попросил выслушать сначала наедине его устный доклад.

И вот в один вечер в той же комнате, как и год тому назад, за тем же столом Шенк выслушал рассказ Горюнова. Когда дело дошло до мамонтов, носорогов, быков и других «живых окаменелостей» он весь просиял и восхликал:

— Конечно, вы их измерили, фотографировали и привезли хоть что-нибудь в доказательство этого замечательного открытия?

Существование онкилонов и палеолитического человека также поразило его, как равно сведения об их жизни и нравах.

Перед тем, как изложить тяжелые воспоминания о последних днях Земли Санникова и ее обитателей, Горюнов сделал паузу. Шенк принял это за окончание рассказа и сказал:

— Вы ведь привезли дневники, фотографии, может быть

даже черепа и шкуры животных, утварь онкилонов и дикарей? Вот так доклад мы устроим и поразим всех Фом меверующих!

— Да, все это было у нас... но все, все погибло!

— Ну, что вы говорите! Так-таки все, все?

С волнением выслушал Шенк конец рассказа, рассмотрел фотографию и горные породы и сказал:

— Итак, мы знаем теперь, по свидетельству четырех очевидцев, что Земля Санникова существует, находится на север от острова Котельного, примерно в ста километрах, предстает огромный кратер вулкана, недавно возобновившего свою деятельность. Вот на основании этих данных я попытаюсь в недалеком будущем побудить Академию снарядить экспедицию, достаточно снабженную средствами и научными силами, чтобы достигнуть этой земли и поскорее изучить то, что еще осталось от ее населения. Вы оба конечно примете в ней участие, чтобы своей опытностью обеспечить успех предприятия.

— О, разумеется! Но как теперь с докладом в Академии и ученых обществах? — спросил Горюнов

— Сейчас он только испортил бы дело, — возразил Шенк, — согласитесь, что все, что вы мне рассказали, так необычайно, так чудесно и неправдоподобно, что нужны убедительные доказательства, а то, что вы можете предъявить слушателям — слишком недостаточно. Эта фотография татуированной женщины — скажут, это эскимоска или чукчанка, они ведь в жилицах ходят также раздетыми и татуируются, а тип у них такой же. Вот этот базальт с гребня Земли Санникова, — чем вы можете доказать, что он взят не с острова Беннета или с Св. Носа? А эта фотография котловины с озером и извержением вулкана — на ней почти ничего невидно! Почему вы не фотографировали больше и лучше после гибели наоры с результатами?

— Потому что мы израсходовали весь запас пластинок в котловине на фотографии людей, животных, природы и случайно осталась только одна в кассете. Эту женщину я фотографировал уже в Якутске.

— Обидно! Если бы хоть были снимки земли с гребня,

а также острова Беннета, то это были бы доказательства. А так никто не поверит вам.

— Неужели и вы не верите мне? — воскликнул удрученный Горюнов.

— О нет, я вполне верю! — поспешил успокоить его Шенк, — выдумать все, что вы рассказали, невозможно... Но другие люди, более недоверчивые, скажут: вот старый глупый человек, дал деньги каким-то неизвестным ссылочным, наговорившим ему турусы на колесах. Они эти деньги прокутили и потом сообща сочинили поучительный рассказ для маленьких детей о фантастической земле и ее чудесном населении, который и преподнесли доверчивому Шенку для оправдания расходов. Нет, лучше пока помолчим!

— Пока? До каких пор?

— Пока новая экспедиция с вашим участием не посетит землю, не найдет этот огромный кратер, затопленные леса, новый вулкан, кости животных и людей. Тогда и вы выступите со своим докладом, который, подтвержденный документами и участниками новой экспедиции, уже встретит полное доверие и сохранит для науки сведения о жизни и гибели населения злополучной земли.

— Да, вы правы! — сказал Горюнов. — Это будет более целесообразно. Дискредитировать вас и себя мы конечно не хотим.

— Но, — продолжал Шенк, — время течет и сглаживает воспоминания. Необходимо на свежую память теперь же составить описание — для меня лично — всего путешествия. Я его сохранию до благоприятного момента.

— Конечно, я сделаю это обязательно, это мой священный долг. Кое-что я записывал на острове Беннета и во время сидения в поварнях и в Якутске; теперь я все это изложу систематически и представлю вам через две-три недели. А вот и наш денежный отчет и остатки так щедро отпущеных средств.

Шенк просмотрел отчет, но деньги вернул Горюнову.

— Я вижу, что вы не положили ни себе, ни Ордину никакого вознаграждения. Это неправильно, всякий труд должен быть оплачен.

— Но ведь мы не привезли вам почти ничего, кроме фантастического рассказа и двух десятков камней, поэтому не заслуживаем никакого вознаграждения.

— Вот то, что вы вернули мне часть денег и не поленились приехать из Казачьего за десять тысяч километров, чтобы представить эти остатки и свой рассказ, уничтожило бы последнее сомнение в нашей правдивости, если бы таковое у меня было. Нет, вы, выполнили очень трудную задачу и не ваша вина, что результаты погибли. Это случалось уже не раз; тонут корабли, везущие коллекции и отчеты, и сами участники едва спасают свою жизнь. И с вами случилось кораблекрушение. Гибнут коллекции, пересылаемые по почте. Нет, нет, вы должны быть вознаграждены. Кроме того, вы будете писать для меня отчет, будете жить ради этого здесь, а жизнь в столице дорога. Возьмите деньги, хоть как гонорар за этот отчет.

Горюнову пришлось взять деньги, чтобы не обидеть Шенка. Вскоре он представил отчет, а затем поступил в университет, чтобы лучше подготовиться к предстоящей новой экспедиции.

К сожалению, она не состоялась до сих пор. Разразилась война с Японией, и Академия не могла получить необходимые средства. А по окончании войны Шенк умер, едва сделав первые шаги для осуществления проекта. Не стало ходатая за исследование северной Сибири, и о ней забыли надолго. Горюнов и Ордин тщетно ждали извещения от Шенка и занялись другими делами. Но отчет, сохранившийся среди бумаг Шенка в архиве Академии, послужил материалом для этой книги. Может быть она возбудит интерес к таинственной Земле Сан никова в ком-нибудь из нового поколения и побудит отпра виться на поиски ее среди ледяных просторов Северного моря.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Молодой читатель, познакомившись с описанием приключений Горюнова и его спутников на Земле Санникова, имеет право спросить автора: существует ли вообще эта земля, затерянная среди Северного полярного моря? Ведь эта книга — научно-фантастический роман, придуманный автором для получения и развлечения юношества.

На этот вопрос читателя автор отвечает: путешествие на эту неизвестную землю действительно придумано, но Земля Санникова существует и ждет еще отважного исследователя, который первым ступит на ее почву и поднимет на земле флаг, будем надеяться, советский.

Кроме тех сведений о вероятном существовании земли, которые приведены в первых двух главах в виде слов промышленников, видевших вдали землю, в виде пролета птиц на север или возвращения оттуда и в виде загадочно исчезнувших с материка онкилонов, можно привести еще следующее.

На первой карте Новосибирских островов, составленной в 1811 году, показаны две земли с надписью «земля, виденная Санниковым»; одна нанесена к северу от острова Фаддеева и Новой Сибири, другая к северо-западу от острова Котельного. Попытки Санникова, проведшего целое лето на Новосибирских островах, и бывшего с ним ученого Геденштрома добраться до этих земель по льду на нартах, не удались, так как они встретили большие полыни. В 1821 и 1822 годах лейтенант Анжу, составлявший карту островов, повторил эти попытки так же неудачно и пришел к выводу, что до неизвестной земли можно добраться только на лодке. Но это признано было слишком рискованным, интерес к этим недостижимым землям упал, и они даже надолго исчезли с географических карт.

По в 1881 году американская экспедиция капитана Де-Лонга открыла на месте восточной из земель, показанных на первой карте по данным Санникова, остров Беннета, что подтвердило правильность его наблюдений и побудило секретаря Русского географического общества А. В. Григорьева вновь поднять вопрос о существовании и второй земли¹.

Исследователь Новосибирских островов геолог барон Толль видел 13 августа 1886 года при совершенной погоде с устья речки Могур на северной оконечности острова Котельного резкие контуры четырех плоскоконических столowych гор, к которым с востока примыкало низкое предгорье. Эти горы находились по компасу на северо-восток $14-18^{\circ}$, а, принимая во внимание магнитное склонение, они должны быть расположены прямо к северу от северного конца Котельного острова.

Нансен во время своего знаменитого путешествия на «Фраме» повернулся в конце сентября 1893 года, не доехав острова Котельного, на север по открытому морю, но под $77^{\circ}44'$ встретил сплошные льды и направился вдоль их окраины на северо-запад². 20 сентября он записал в дневнике, что видел большое число разных видов птиц; стая бекасов или куликов встретила судно, следовала за ним некоторое время, но затем продолжала свой полет на юг. Позже встретили еще стаи маленьких куликов. Нансен полагал, что они были на пути с суши, лежавшей севернее, но туман мешал видеть ее. Перед тем, 16 сентября, находясь в море приблизительно против устьев Лены и западнее Котельного острова, он видел в продолжение дня много стай гаг, летевших с севера². Эти два наблюдения очень важны. Стai разных перелетных птиц совершали свой осенний перелет на юг с какой-то достаточно обширной земли, находившейся на севере. Нансен полагал, что он находился 21 сентября порядочно севернее того места, на котором барон Толль предполагает южный берег Земли Санникова, но приблизительно под той же долготой и что эта земля вероятно представляет небольшой остров и во всяком случае не прости-

¹ «Известия Русск. геогр. общ.», XVIII, 1882, вып. 4, стр. 264—267.

² Нансен Ф., Среди льдов и во льдах полярной ночи, Москва, 1897, № 1, стр. 105 и 107.

рается далеко на север. Но это не согласуется с его же сведениями о пролете птиц, так как если Земля Санникова в виде небольшого острова осталась уже южнее, то откуда летели эти птицы? Толль по поводу этих данных Нансена замечает, что последний находился во время наблюдения птиц не севернее, а южнее Земли Санникова и объясняет это тем, что положение последней было показано на его предварительной карте 1887 года слишком южным. По соображениям о форме и высоте виденных им гор этой земли Толль полагал, что она должна отстоять на 150—200 километров от острова Котельного и что ее южный берег должен находиться примерно под 78° северной широты. Направление дрейфов «Жаннеты» Де-Лонга и «Фрама» Нансена во льдах, по мнению Толля, указывает, что между тем и другим должна лежать суши — большой остров или архипелаг, который делит течение, идущее от берегов Чукотской земли и Аляски через область Северного полярного моря вокруг северного полюса к Гренландии, на две ветви. Вследствие этого препятствия в виде архипелага льды, свободно движущиеся на север, при движении на юг (под действием ветров) задерживаются¹.

Толль был настолько убежден в существовании Земли Санникова, что составил проект экспедиции с целью ее исследования и добился в 1900 году осуществления этой экспедиции на судне «Заря». После зимовки у берегов Таймырского полуострова «Заря» в августе 1901 года направилась по морю Лаптевых к Новосибирским островам, но, не доходя острова Котельного, повернула на северо-восток и под $77^{\circ}9'$ северной широты и 140° восточной долготы встретила сплошной лед. Штурм унес судно на северо-запад, после чего Толль направился по открытому морю на юго-восток, видел остров Беннетта на расстоянии 12 миль, но из-за льдов не мог пристать к нему и затем вторично направился на северо-запад в поисках Земли Санникова, достиг в этот раз $77^{\circ}32'$ северной широты под 142° восточной долготы и снова был остановлен льдами. Земли поблизости он не видел.

Эта неудача не решает вопроса об отсутствии Земли Санни-

«План экспедиции на Землю Санникова», немецкий журнал «Известия Петерманна», 1898, стр. 125.

кова. Есть сторонники мнения, что и «Фрам» и «Заря» прошли по тому месту, где должна быть эта земля и ее не встретили, а следовательно она не существует. Но из вышеприведенных соображений Толля, которые можно считать достаточно основательными, следует, что если южный берег этой земли находится под 78° северной широты и прямо к северу от острова Котельного, то ни «Фрам», ни «Заря» до этого места не дошли, хотя и были недалеко от него. Очевидно туман помешал видеть землю (Нансен упоминает о тумане). «Фрам» замерз и начал дрейф под $78^{\circ}50'$, но уже значительно западнее и хотя при дрейфе сначала был снесен обратно на юго-восток до $77^{\circ}43'$, но все-таки оставался западнее земли. Последняя очевидно окружена широкой полосой неподвижных льдов, до края которой доходили оба судна. Такую полосу встретила «Заря» дважды — в 1901 и в 1902 годах, пытаясь подойти к острову Беннета; даже остров Врангеля, расположенный гораздо южнее, также большей частью окружен неподвижными льдами, как показали неоднократные попытки разных судов в разные годы причалить к его берегу, редко удававшиеся. Приходится думать, что Земля Санникова находится немного восточнее, чем полагал Толль, и может быть немного севернее. На это указывают и стаи птиц, летевших на юг, которых видел Нансен 21 сентября, находясь под $77^{\circ}44'$ у края льдов. Позже, отдалившись на северо-запад, он уже не отметил проleta птиц, но во время дрейфа, снова приблизившего его к Земле Санникова, с удивлением отметил присутствие на льду белых лисиц, т. е. песцов, очевидно подбегавших к судну с недалекой земли. Это было 29 октября, когда солнце уже скрылось за горизонт и видимость вдаль была очень плохая, так что и недалекую землю можно было не заметить¹.

Подчеркнем еще указанное в нашей книге сообщение Толля, что на острове Беннета он видел пролет морского орла с юга на север, сокола и целых стай гусей с севера на юг, тогда как на самом острове летовали только чайки, два вида таг, кулики и снигири.

Пролетные птицы летели очевидно с земли, находившейся

¹ Нансен, стр. 132.

севернее этого маленького острова и представлявшей большую площадь и большие возможности гнездования и прокорма.

Итак, имеется достаточно данных, чтобы утверждать, что в Северном полярном море, примерно под $78-80^{\circ}$ северной широты и между $140-150^{\circ}$ восточной долготы находится Земля Санникова — один большой остров или целый архипелаг островов, частью с довольно высокими плоскоконическими горами, и что эта земля представляет для перелетных птиц более привлекательную летовку, чем Новосибирские острова и остров Беннета, несмотря на свое более северное положение. Толль предполагал, судя по нахождению базальта на острове Беннета и подобных же вулканических пород на Шпицбергене и Земле Франца-Иосифа, что и Земля Санникова состоит из базальта. Это вполне возможно и может быть присутствие молодых вулканических пород, даже остатков сравнительно недавно действовавшего вулкана, и горячих источников в качестве последних отзвуков вулканической деятельности, объясняет более полное освобождение от снегового покрова и удобство земли для летовок птиц. Это предположение и легло в основу нашего романа. Нашли ли исчезнувшие на материке онкилоны приют на этой земле — утверждать конечно нельзя, но предполагать можно. Сохранились ли на ней мамонты и люди каменного века — весьма сомнительно.

Во всяком случае открытие этой земли в оставшейся до сих пор неисследованной части Северного полярного моря представляет заманчивую задачу. Но как это выполнить? На судне к ней не подберешься, так как она, судя по сказанному выше, окружена поясом сплошных льдов, которых и ледокол может не одолеть. Но теперь мы имеем могучее средство разведки в виде самолетов, которых не было ни у Нансена, ни у Толля. Отвага и искусство советских летчиков уже доказаны их арктическими полетами. Следовательно судно, которое отправится на поиски Земли Санникова, должно иметь на борту самолет с достаточно мощным мотором для дальнего полета. Во второй половине августа или в первой половине сентября, когда море Лаптевых наиболее свободно ото льда, судно дойдет до южного края сплошных льдов под $77-78^{\circ}$ северной широты и 140° восточной долготы, а самолет сделает разведку на во-

сток и северо-восток, насколько возможно дальше. Открыз землю, исследователь составит карту Земли Санникова посредством аэрофотосъемки и, если на ней не найдется удобных посадочных площадок, то исследование земли придется сделать посредством санной экспедиции, высаженной на лед, может быть с расчетом зимовки на ней, как было сделано для исследования Северной Земли. Кто-нибудь из вас, молодые читатели, может быть примет участие в поисках и исследовании Земли Санникова в качестве летчика или естествоиспытателя. Мне остается пожелать ему полного успеха.

Отв. редактор И. Ф. Родников.

Сдано в производство с готовых матриц 19/I 1936 г.

Бумага печ. 62×94¹/₁₆.

Ленг-плит № 751.

Бум. листов 97%.

Тираж 50.000—авт. л. 16.

Техн. редактор Р. В. Гайдич.

Подписано к печати 11/II 1936 г.

Кол. печ. зн. на бум. листе 70.. 16.

Заказ № 3 73-

2-я тип. ОИТИ им. Елг. Соколовой. Ленинград. пр. Кр. Командиров, 23

Ц. Зр. пер. 1р.
НП-95-3-4